

Труды выдающегося испанского революционера-патриота Хосе Антонио Примо де Риверы (1903-1936) публикуются на русском языке впервые. Сборник под символическим названием «Стрелы Фаланги» содержит его избранные статьи, документы и публичные выступления. Они показывают, что представляла собой национал-синдикалистская идеология и партия фалангистов Испании в первой половине XX века. В качестве приложения в книгу включены предисловия специалистов Х.Л.Хереса Риеско и А. дель Рио Сиснероса, комментарии испаниста и составителя издания П.В. Тулаева «Исторический путь Фаланги», а также полемический очерк ветерана русского национально-освободительного движения, переводчика книги А.М. Иванова «Был ли Хосе Антонио фашистом?». Издание даёт возможность нашим соотечественникам самим познакомиться с наследием легендарной личности, незаслуженно оклеветанной или замалчиваемой.

Стрелы Фаланги

Хосе Антонио Примо де Ривера

Слава Исусу Христу.

Это великое собрание речей и писем Хосе Антонио Примо де Риверы, мы надеемся, послужит вам ко благу.

Примо де Ривера творческих продолжил социальное учение Католической Церкви, с подлинно Христианской любовью к людям создал фалангу.

Какова же была его идеология.

Он с одной стороны, как бы всевозможные геи антифа не говорили, не был гитлеровским нацистом. Он сам в своих речах по национальному вопросу, к примеру по вопросу о басках, подчёркивал, что негры и азиаты (индейцы) также являются людьми, и они есть братья испанскому народу.

Он не вписывался в границу левых или правых идеологий. С одной стороны он правильно обличал правых за их презрение к народу, желание безконтрольно растить прибыли за счёт присвоения результатов труда рабочих с жалкой компенсацией.

С другой стороны он понял и разъяснил людям, что левая идея обезчеловечивает людей, делает их иванами не помнящими родства.

И сейчас ни правая, ни левая, ни промежуточные идеи не помогают людям.

Европейско-американская социал демократия это ограбление Азии и Африки плюс гигантский госдолг и инфляция, преимущественное развитие ростовщичества по сравнению с производством.

Классический социализм в КНДР и Кубе показал своё лицо. Это отречение от Бога и падение морали.

Правая идея (а не социалистическая, хотя она формально и декларируется) показала своё зверское лицо в Китае. Китайский народ грабится 14 часовым рабочим днём при минимуме социальных гарантий и всё ради того, чтобы кормить Америку.

Про нефтяные страны Ближнего Востока и говорить нечего, кроме нефти они ничего не делают.

Примо де Ривера же дал верный путь.

Надо объединить всех рабочих в профсоюзы, дать профсоюзам реальную роль в управлении предприятием, а не по типу наших марионеточных профсоюзов в России.

Милитаризовать жизнь путём всеобщего военного обучения. Эта вовсе не значит сделать всех агрессивными убийцами. Эта идея воплощена в Швейцарии. Почти у всех швейцарцев дома есть винтовки, они регулярно тренируются в военном искусстве.

Правильно организовать сельское хозяйство, сохранить правильно организованную общину.

Но самым важным является точное следование Католической Вере.

Мы не призываем к насилию по религиозному признаку, но ясно видно, что даже с учётом обновленчества после второго ватиканского собора самые гуманные люди живут в католических странах. Там наименьший уровень самоубийств (Литва и Венгрия тут не в счёт, потому что там долго правили коммунисты).

Учение Примо де Риверы это и есть настоящая демократия, но не охлократия (власть толпы).

Когда власть будет напрямую соединена с трудом, профсоюзы станут руководящей силой в государстве, все граждане станут одним патриотичным вооружённым народом, при помощи передовых сельхозтехнологий Овсинского и Лысенко (Лысенко не отрицал генетику вообще, а только учил, что мутации происходят постоянно и за генетику ответственна вся клетка. Он к нечастью был против системы Овсинского, но у нас есть шанс посмертно эти идеи примирить) будет создано сельское хозяйство, способное кормить хоть сто миллиард человек, когда рис будет расти у сибирских рек, когда наука напрямую станет средством народного хозяйства, а Бог будет как никогда рядом, и наша страна возродится.

После смерти Примо де Риверы во главе Испании встал Франко. Он был лично честным человеком, но допустил огромные политические ошибки, не слишком активно боролся с капитализмом, доверился предателям из опус худеи. Поэтому в 1977 году фалангизм удалось свергнуть.

Следует учесть, что Примо де Ривера часто употребляет слово фашизм, но не в смысле учения Гитлера о якобы высших и низших расах, а как экономическо-социальное учение.

Муссолини сделал большую ошибку, войдя в союз с нацистами, но внутри страны он проводил правильную политику.

ББК. 60.8
П 76

Хосе Антонио Примо де Ривера. Стрелы Фаланги. Избранные труды. Перевод с испанского: А.М. Иванов. М., «СЛАВА!», 2010, 368 с.

ISBN 978-5-902825-20-3

Первое русское издание избранных трудов выдающегося испанского революционера-патриота Хосе Антонио Примо де Риверы (1903-1936) содержит его статьи, политические документы и публичные выступления. Они показывают, что представляла собой национал-синдикалистская идеология и партия фалангистов Испании в первой половине XX века. В качестве приложения в книгу включены: предисловия специалистов Х.Л.Хереса Риеско и А. дель Рио Сиснероса, комментарии испаниста и составителя издания П.В. Тулаева «Исторический путь Фаланги», а также полемический очерк ветерана русского национально-освободительного движения, переводчика книги А.М. Иванова «Был ли Хосе Антонио фашистом?». Издание даёт возможность нашим соотечественникам самим познакомиться с наследием легендарной личности, незаслуженно оклеветанной или замалчиваемой.

Печатается по изданию: José Antonio Primo de Rivera. Obras. Edición Cronológica. Recopilación de Agustin del Rio Cisneros. Madrid, 1971.

Составитель и главный редактор: Тулаев П.В.

Технический редактор и компьютерная верстка: Шеломенцева Е.А.
Корректура: Иванова Н.С.
Обложка: Дорожкин А.М.

Хосе Антонио Примо де Ривера

Августин дель Рио Сиснерос

ПОСЛАНИЕ ХОСЕ АНТОНИО

Предисловие к испанскому изданию собрания сочинений Хосе Антонио Примо де Риверы

Мы считаем мысли Хосе Антонио движением, открытым в будущее. Ключ к его позиции — его деятельность как революционера, преобразователя, стремящегося к переменам, к новому общественно-политическому строю. Хосе Антонио обладал пониманием исторической перспективы, в которое укладывалась его доктрина испанской революции. Именно эта направленность его доктрины позволяла с наибольшей актуальностью проецировать испанскую революцию на панораму нового времени.

Чтобы лучше описать нашу идею и придать ей ясность, посмотрим, сколь четко понимал он весь исторический период от конца феодального общества и абсолютизма, через этапы либерализма, капитализма, социализма и марксизма до национальных революций, происшедших после Первой мировой войны, фашизма и национал-социализма. Его мысль устремлялась далеко за пределы известных форм тоталитаризма, которые он считал временными и несовершенными структурами, — к новому типу общества, где царили бы гармония и уравновешенная стабильность, свобода и справедливость, где достоинство человеческой личности согласовывалось бы с интересами общества, преодолевая юридический конфликт между индивидуальными правами и общественными обязанностями, не впадая ни во всепоглощающий этатизм, ни в анархию.

Восхищает интеллектуальная честность Хосе Антонио. Он руководствовался не эклектическими критериями, а любовью к истине, что позволяло ему отличать ценный вклад каждого исторического процесса от его недостатков, неудач и устаревших мотивов. Например, он, дав лучшую и самую жестокую критику либеральной системы, показав её врожденные пороки и прискорбные последствия: безграничный скептицизм, борьбу партий, атомизацию общества и анархию, признавал неоспоримое завоевание политического либерализма: равенство перед законом, и отмечал достижения человеческой инициативы в героическую эпоху капитализма, экономического либерализма, с двумя его рычагами: техническим прогрессом и эксплуатацией земных богатств. Но ему было ясно, что все это кончится катастрофой, потому что свобода выродится в скептицизм и беспорядок, а техническая индустриализация — в обезчеловеченный капитализм, неспособный обеспечить справедливое распределение благ. Экономический либерализм проявил инициативу в эксплуатации источников богатства, задействовал ресурсы производства и использовал достижения техники в ходе первой промышленной революции. Эти его успехи невозможно отрицать. Но этот либеральный капитализм забыл в эйфории от своей экспансии о требованиях общественной солидарности, пренебрег справедливостью при распределении благ и необходимостью участия трудящихся в экономической судьбе предприятий, что позже — в силу инстинкта самосохранения — было признано и частично исправлено. Социальные потрясения стали в итоге неизбежными. Более того: стало ясным, что исторический капитализм потерпел социальный крах и необходимы исправления ради обеспечения справедливости в обществе, установления стабильности и гармонии его составных частей. С другой стороны, оставался открытым путь к ниспровержению не только экономических структур, но и духовных ценностей цивилизации.

Идейная система Хосе Антонио отличается строгостью, стремлением к синтезу, интеграции и преодолению противоречий. Хотя Хосе Антонио критиковал либеральную систему, он не имел ничего общего с реакционными политиками, которые втайне хотели вернуть феодальные привилегии, боялись свободы и не доверяли человеческому разуму остальных, в то время как сами мыслили эгоистически и заботились только о своих произвольно захваченных привилегиях.

Анализируя социализм, Хосе Антонио признавал справедливым его зарождение как логическую реакцию на капиталистическую несправедливость и считал обоснованными его социальные требования, но он указывал и на заблуждения социализма, которые снижали его политическую ценность: исторический материализм, атеизм, зависть, классовую борьбу, насилие и обезчеловечение.

Хотя Хосе Антонио дал критический анализ социализма своего времени, его политическая концепция не имела ничего общего с теми, которые руководствовались критериями капиталисти-

ческого скупердяйства, оставались безчувственными к страданиям униженных и оскорбленных и считали экономическим бременем распределение доходов между теми, кто работает, но живет в нужде, почти в нищете.

И даже в борьбе с коммунистическим марксизмом, где он рисковал собственной жизнью, Хосе Антонио не изменяла ясность ума. Он определял его с глубоким теологическим смыслом как «инфернальный вариант стремления к лучшему миру». В этой фразе содержится осуждение, но также признание, что в этом политическом движении существует реальная, хотя и демоническая надежда на лучший мир. Она искажена до того, что на практике ставит людей в чудовищное и несправедливое положение. Марксизму, по словам Хосе Антонио, присуще «чувство самоотверженности и социальной справедливости», преданное холодной и бездушной машиной Советского государства.

Хотя Хосе Антонио защищал свободу от марксистского детерминизма, его идеи не совпадали с той разновидностью антикоммунизма, которая отбрасывает эту доктрину, как только возникает угроза капиталу или материальным привилегиям буржуазного общества, и с той разновидностью антикоммунизма, которая возникла в западном мире после Второй мировой войны, обнаружив, что коммунизм это не только подрыв капиталистического общества, но также империализм, который стремится оттеснить от власти и источников богатств державы, обладавшие гегемонией в мире.

Хосе Антонио стремился преодолеть дилемму капитализм-коммунизм и одновременно дать синтез традиции и современности, способный ответить на вызовы времени. Он критиковал буржуазное общество за отсутствие в нем справедливого распределения благ, но не соглашался и с демагогическими предложениями разрушить механизмы, производящие богатство, без учёта того, что национальные интересы в совокупности позволяют в конечном счете более или менее справедливо распределить экономические блага между членами общества. Не соглашался он и с затхлыми политическими консерваторами, безразличными к техническому прогрессу и необходимой индустриализации, возможным только благодаря развитию прикладных наук.

Следует помнить, как понимал Хосе Антонио спасительную миссию нашего времени, необходимость совершить прыжок над вторжением варваров — коммунистической революцией XX века — чтобы нащупать основы исторической эпохи духовного единства и социальной гармонии.

«При вторжениях варваров — говорил Хосе Антонио в ноябре 1935 года — всегда спасались зародыши тех вечных ценностей, которые уже содержались в предыдущей классической эпохе. Варвары наводнили римский мир, но они своей новой кровью снова оплодотворили идеи классического мира. Позже структуры Средних веков и Возрождения ориентировались на духовные линии, начатые в античном мире».

«Более того: в русской революции, во вторжении варваров, свидетелями которого мы являемся, уже есть смутные, до сих пор отрицаемые зародыши будущего лучшего строя. Мы должны спасти эти зародыши и хотим их спасти. Это именно та работа, которой должны заняться Испания и наше поколение: перейти с последней ступени рушащегося общественно-экономического строя на новую многообещающую ступень строя, контуры которого угадываются. Но чтобы перепрыгнуть с одной ступени на другую, нам потребуются наша сила воли, наш напор и наше ясновидение; мы должны перепрыгнуть с одной ступени на другую так, чтобы нас не унёс поток вторжения варваров».

Может быть, задачей настоящей революции было спасение этих зародышей, которые отрицались и были задушены марксистской революцией XX века, чтобы перенести их на более гуманный и плодотворный исторический уровень. Такой была великая мечта Хосе Антонио, начальный набросок которой был сделан в годы основания Фаланги и открыл путь в будущее Испании.

Итак, Хосе Антонио хотел Революции, но революции можно разделить в этом отношении на два класса: негативные и позитивные.

Негативные, те, которыми движет только озлоблённость, вызванная социальным неравенством и контрастом уровня жизни, от кричащей роскоши с одной стороны до убийственной нищеты с другой. Такие революции всегда имеют разрушительный характер. Жажда равенства ведет только к распределению благ в обществе до полного их истощения, без малейшей заботы об умножении источников богатства в расчете на завтрашний день. Потому что в сущности то, к чему стремится подрывной социализм с тех пор, как на него наложил свой отпечаток марксизм, было не достижением экономической справедливости в рамках либерального общества, а созданием общественной атмосферы недовольства, доходящего до отчаяния. Это недовольство используется в качестве революционных турбин, чтобы взорвать капиталистическое общество и установить советскую диктатуру, заменить забастовки принудительным трудом, а мятежную аги-

тацию — раболепием под страхом террора. Так первоначальная жажда справедливости народа, поверившнго в коммунизм, превратилась в миф о всемирной экспансии и будущем рае, том рае, которого никогда не достичь, ибо он остаётся самой иллюзорной человеческой надеждой.

Хосе Антонио никогда не хотел направить испанский народ по этому негативному пути, чтобы вся его озлобленность вылилась в разрушение социального строя и национальных реалий.

Фаланга открыла *позитивный путь* революции, такой революции, которая преследовала духовные, национальные и социальные цели. В экономическом аспекте производство и распределение рассматривались как единое целое. Без заботы об умножении национального богатства распределение благ всегда превращается в скупое распределение нужды и бедности. Революционным было открытие золотой жилы в общенациональной эксплуатации богатств, в сочетании с эффективным обменом в области внешней торговли, в увеличении урожайности земель и строительстве обрабатывающих промышленных предприятий, в системе роста национальной экономики в качестве основы для справедливой оплаты труда и в удержании цен на уровне, доступном для трудящегося населения.

В новом обществе личная свобода должна была сочетаться с общественной безопасностью. Но он не думал, что все можно свести к необходимости организации систем прогнозирования и страхования, которые могли бы быть гарантией против нищеты в общественном улье, если внутри этого улья происходят ссоры, но внешне они прикрыты организацией, не позволяющей болям и неудачам выплескиваться наружу.

Необходимо обеспечить поле деятельности для людской инициативы, для риска и радости успехам. Фаланга знала, что целью является не просто создание планового общества с арифметической дозировкой и заранее регламентированными коэффициентами радости и печали в человеческой жизни, которая уподобилась бы тогда коллективам насекомых — муравьев, пчел или термитов.

Другими словами, Революция преследовала и духовные, и материальные цели. В экономическом плане целями были: увеличение производства, справедливое распределение, защита и поощрение человеческих усилий при равенстве возможностей.

Хосе Антонио стремился к политическому синтезу, соответствующему историческому времени, в котором мы живём, который обеспечил бы одновременно свободу и справедливость, гарантируя права личности и достижение общественной солидарности в общей жизни нации.

Революция проектировалась в трёх плоскостях: в качестве духовной цели намечалась правильная реализация христианской концепции жизни и возрождение испанского гения; в качестве национальной цели — единство Судьбы, укрепление позиций Испании в мире, а в качестве социальной цели — братство и эффективная справедливость в разных секторах испанского общества.

Доктрина Хосе Антонио — это послание веры и надежды. Она провозглашала благородные цели: достижение единства людей и земель, превращение человека в эффективного носителя и хранителя вечных ценностей, предохранение христианской концепции жизни от искажений, а духовных начал — от фальсификации, возрождение национальных амбиций и забота о том, чтобы социальная справедливость не затерялась в череде промежуточных административных мер и не обесценилась бы из-за переноса спасительных решений на более или менее отдаленное будущее.

Главным событием предвоенного периода 1933-1936 годов в Испании была радикальная борьба между двумя концепциями жизни: испанской, европейской и христианской концепцией, которую провозглашал Хосе Антонио, и марксистской, азиатской, обезчеловеченной концепцией международного коммунизма. Эта борьба была напряжённой, драматичной, а сама проблема имела мировое измерение. В этой широкой перспективе концепция Хосе Антонио, которая противостояла советскому марксизму, сохраняет значение до сих пор не только для Испании, но и для всего мира.

Мир переживает переходный период великих культурных, технических, политических и социальных перемен. Современная научная революция, общее направление социально-экономических преобразований и возникновение огромных человеческих контингентов разной политической направленности ускоряют ход истории во второй половине XX века, открывают новую панораму жизни для человеческих устремлений. Мы вступаем в новую эпоху, напряжённую и трудную, которая требует динамичного и конструктивного понимания, такого, какое мы имеем в идеях Хосе Антонио, который заслужил право называться нашим современником своими пророчествами, умным предвидением и интуитивными догадками о будущем, которые освещают исторический путь всему народу и открывают пути для новой социальной конфигурации на базе справедливости, истины и человеческого достоинства.

31 августа 1964 г.

Это вступление как никогда верно передаёт суть революционного спасительного учения Хосе Антонио Примо де Риверы.

Хотим мы от себя добавить, что марксизм действительно ведёт к потере человечности, но он не является азиатским явлением, к несчастью среди испанцев даже фалангистов была ошибка демонизировать восток.

Марксизм возник в Европе и является чисто западным явлением. Мы не являемся ни преклоняющимися перед востоком, ни западниками. Взаимодействие культур это вполне нормально, при условии что не ведётся уничтожение идентичности какого либо народа.

Фаланга не запрещает межнациональные браки, если мужчина и женщина правда друг друга любят, но мы против их искусственного навязывания. Не должны как сейчас висеть плакаты с призывом выходить за негров. Не должны работать международные агентства знакомств (пункты вербовки а бордели по сути)

OBRAS

DE

JOSE ANTONIO PRIMO DE RIVERA

EDICION CRONOLOGICA

RECOPILACION

DE

AGUSTIN DEL RIO CISNEROS

Delegación Nacional de la Sección Femenina del Movimiento

1971

Титульная страница испанского издания избранных трудов Хосе Антонио Примо де Ривера 1971 года

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ И ДИКТАТУРА

«В действительности, внутри каждого общественного класса есть настоящая масса и настоящее меньшинство. Как видим, для нашего времени характерно преобладание, даже в традиционно элитарных группах, массы, толпы. Так и в интеллектуальной жизни, которая по сути своей требует и предполагает наличие квалификации, всё больший перевес на стороне псевдоинтеллектуалов, не имеющих квалификации или утративших её».

Если бы это написал генерал Примо де Ривера, употребив столь же сильные выражения, как в приведенной цитате, что сказали бы интеллектуалы (испанское слово intellectuales соответствует русскому понятию «интеллигенция» - Ред.)? Невозможно представить себе более жестокие, бичующие слова: не то, чтобы в среду интеллектуалов затесались какие-то низшие элементы, нет, в этом классе «всё больший перевес» на стороне людей, не имеющих квалификации или утративших её; они «преобладают». Что сказали бы о генерале Примо де Ривера, если бы он написал такое? Но это не его слова; автора выдаёт стиль, который хорошо знают интеллектуалы: это Ортега и Гассет («Восстание масс», Мадрид, «Ривиста де Оксиденте», 1929, стр. 16).

Я привел эти слова, потому что, может быть, наибольший вред диктатура нанесла тем, что произошел разрыв между нею и интеллигенцией. Когда будут писать историю периода диктатуры, надо будет проанализировать причины этого разрыва. Тогда столкнутся две противоположные точки зрения. Одна из них — точка зрения писателей, которые в то время были противниками диктатора. Для них всё ясно: «Диктатор не мог найти общего языка с интеллектуалами, потому что был человеком некультурным, необразованным, неспособным понимать высокие идеи; вся вина за разрыв между диктатором и интеллигенцией лежит на диктаторе». Но возобладает ли это мнение, которое пишущая братия выражает с характерным для нее

тщеславием? Или другое, противоположное? Среди будущих историков могут найтись и такие, которые сочтут генерала Примо де Риверу великолепным человеком, а интеллигенция была неспособна его понять, потому что в ней преобладала «масса», «псевдоинтеллектуалы, не имевшие квалификации или утратившие её».

Если бы его поняли! Явление генерала Примо де Риверы в глупой и рахитичной среде старого режима было утверждением здоровья. Понятно, что диктатор порвал с существующими нормами, и вполне естественно, что его ненавидели политики, привязанные к этой системе норм, как паралитики к дому инвалидов. О, интеллектуалы! Их глупость была воистину удивительна: долгие годы они призывали очистить Испанию от политической коросты, но, когда произошел государственный переворот, они реагировали не так, как подобает умным людям, не использовали революционные возможности, открытые этим переворотом, а пошли на поводу у мелких страхов, мелких антипатий, гнездившихся в вульгарной части их душ под интеллектуальной шляпой. Например: переворот совершил военный, а признать за военным способность быть вождем народа было обидным для штатских. В действительности антипатия к военным зарождалась и у меня. В маленьком провинциальном гарнизоне я, будучи студентом-юристом, начал чувствовать себя антимилитаристом, когда позавидовал успеху лейтенанта, одетого в военную форму, у дравшихся из-за него девиц.

Я часто думаю, между нами говоря, что интеллектуалы, то ли потому что они не прошли университетскую школу, то ли из-за отсутствия спокойных культурных учреждений, по сути, не сформировались как зрелые умы, т.е. у них нет четко выраженного характера. Если бы он у них был, они реагировали бы определённым образом не только на профессиональные темы, но и на внешние стимулы. Например, ветеран-военный является военным не только когда он командует войсками, но и во всём: в своих сознательных и автоматических действиях, в манере сидеть, в выдержке. То же самое можно сказать о высших должностных лицах, но не об интеллектуалах (за исключением выдающихся личностей): в них как бы живут два человека: интеллектуал, способный выполнять определенную работу, и совершенно вульгарный тип, ни в малейшей степени не затронутый культурой, человек раздражительный, тщеславный и легко поддающийся дурному настроению, как самый заурядный обыватель. Кто не вспомнит того разочарования, которое он испытал, встретив утонченного писателя, которым он восхищался, но лично не знал? Это оказался господин с вульгарными вкусами, не умеющий вести себя в обществе, говорящий на низкие темы и безстыдно выливающий поток плебейских оскорблений на официанта, который с запозданием обслужил этого обжору? И кто, обладая хоть немного дисциплинированным умом, не возмущался безпорядочностью и недобросовестностью, обычно присущих дискуссиям на собраниях профессиональных интеллигентов?

Поэтому, не сформировавшись, не обретя корней, не умея представить себя в привлекательном виде, испанские интеллектуалы, застигнутые врасплох, не отреагировали на установление диктатуры так, как подобает умным людям. Узкие рамки их обычной деятельности не позволили предвидеть такое событие. А поскольку они его не предвидели, они отреагировали как простые люди с их бытовыми антипатиями. Они оставили диктатора одного. Создали вокруг него большую пустыню. Тот, кто осмеливался вступать в нее, терял всякую надежду на понимание тех, кто определял интеллектуальную иерархию. И открылось удивительное зрелище: диктатор, один, не имея других орудий, кроме своего оптимизма, чистосердечия, мужества, замечательной быстроты ума, гибкости, сердечности, богатства подлинно человеческих качеств; один, без посредников, окруженный враждебным молчанием, общаясь напрямую с народом, возбудил и поддерживал минимум четыре года самые большие надежды, какие когда-либо питал наш народ.

Если бы интеллектуалы поняли этого человека! Может быть, за долгое время в Испании не было более благоприятной ситуации. Они могли бы объединить все свои знания и идеи. Несомненно, их понял бы диктатор, чей природный талант был истинным даром Провидения. Интеллектуалы могли бы поднять волну энтузиазма вокруг того, чего не хватало диктатуре: великой и главной идеи, элегантного и сильного учения. И взамен они обрели бы того, кого очень долго не имели: замечательного человека в подлинном смысле этого слова рожденного в наше время, с таким же богатством духа, с такой же великодушной веселостью, таким же здоровьем и мужеством и таким же влиянием на массы, что и великий полководец эпохи Возрождения.

Что же они сделали? Они упустили момент, не поняли его решающую глубину. Они начали дуться, потому что диктатура не соблюдала кое-какие мелкие ритуалы. Они презирали диктатора

как человека и носили траур по политическим кликам, оттеснённым от власти. Новый ветер, пусть несовершенный, но оживляющий, их не устраивал, они хотели выигрывать по мелочам в маленьком казино, каковым была политика в Испании, с ее диванами, беседами на условном жаргоне, обращением на «ты» и балдахинами дурного вкуса, удобными местами для обитания клопов. Интеллектуалы в своих писаниях тоже выражали отвращение к этому, но в нетронутой глубине своих душ они не могли подавить своё эмоциональное родство с изгнанными политиками: они видели в диктаторе общего врага. Политики и интеллектуалы объединили свои таланты (назовём их так), чтобы иронизировать в казино и издавать «Мурсьелагос» («Летучие мыши»).

Такова была, за редкими исключениями, позиция испанских интеллектуалов по отношению к революционным действиям диктатуры. Они это понимали, и бывали очень довольны, выхолащивая эти действия. Но не им быть судьями самих себя. Наступит день, когда с высоты времени будет решён вопрос: Кто был более велик — диктатор или интеллектуальная среда этого уголка мира в 1923 году? Докажет ли история правоту интеллектуалов? Пока же не может ускользнуть от внимания плохой для них признак: в то время как они были едины в своём презрении к генералу Примо де Ривере, за пределами Испании было много умных людей, для которых генерал Примо де Ривера значил многое как историческая и политическая фигура, в то время как наша современная литература значит очень мало, а наша наука — почти ничего. На страницах этой книги читатель найдёт многие отзывы иностранцев. И не будем забывать о том, что, как говорил Кларин, «расстояние в ряде случае обладает достоинствами времени; иностранные государства имеют обыкновение выполнять роль потомства».

Хосе Антонио Примо де Ривера, 8 декабря 1931 г.
(Предисловие к книге «Диктатура Примо де Риверы в зарубежных оценках», 1931)

КРИЗИС ЛИБЕРАЛИЗМА

(Письмо Хуану Игнасио Лука де Тена, опубликованное в газете «ABC» 22 марта 1933)

Ты хорошо знаешь, несмотря на слухи, которые ходят в последние дни, что я не намереваюсь возглавить создаваемую «фашию». Мое призвание — наука, а это хуже всего сочетается с призванием вождя. Ещё будучи студентом, я размышлял над этим феноменом, и мне очень жаль, что «ABC» — твоя любимая газета — выражает свою озабоченность явлением фашизма в одних лишь тривиальных фразах, которые свидетельствуют о его поверхностном понимании. Я попросил места на страницах самой «ABC», чтобы внести некоторые уточнения, потому что, если говорить по справедливости, наименьшее значение в том движении, которое сегодня в Европе на подъёме, имеет тактика насилия (сугубо побочная, иногда вызываемая обстоятельствами, а в ряде стран ненужная), тогда как более внимательного изучения заслуживают его глубокие идеи.

Фашизм — это не тактика насилия, а идея единства. В противовес марксизму, который утверждает как догму классовую борьбу, и либерализму, механизм которого — борьба между партиями, фашизм считает, что есть нечто, более высокое, чем классы и партии, имеющее вечную, трансцендентную, высшую природу: это историческое единство, именуемое Родиной. Родина — это не просто территория, которую разрывают на куски — пусть хотя бы только взаимной руганью — различные соперничающие партии, жаждущие обладать всей полнотой власти. Это и не поле битвы, безразличное к тому, что на нём развертывается вечная борьба между буржуазией, которая эксплуатирует пролетариат, и пролетариатом, который тиранит буржуазию.* Это внутреннее единство всех в служении одной исторической миссии, общей высшей судьбе, которая намечает для каждого его задачу, его права и его жертвы.

Тут речь идёт не о том, что рабочие так вот хотят поработить буржуазию. Речь о том, что борьба идёт жёсткая и все в Испании вели борьбу жёсткую. Но в целом рабочие предъявляли справедливые требования.

В фашистском государстве торжествует не самый сильный класс и не самая многочисленная партия — численный перевес не всегда означает правоту, что бы ни утверждала глупая идея всеобщего голосования — а принцип, одинаково обязательный для всех, постоянная национальная идея, органом которой является государство.

Либеральное государство не верит ни во что, даже в самого себя. Оно сложа руки смотрит на любые эксперименты, даже ведущие к разрушению самого государства. Ему достаточно, чтобы всё развивалось по определённым правилам. Например, согласно либеральным критериям, можно проповедовать аморализм, антипатриотизм, призывать к бунту... Государство не вмешивается, пока дело ограничивается проповедями. Единственное, чего либеральное государство не потерпит, это чтобы собрался митинг, о котором не было заявлено заранее или чтобы устав партии не был послан в трёх экземплярах для утверждения в соответствующем учреждении. Можно ли вообразить себе что-либо более глупое? Государство, для которого нет никаких истин, возводит в абсолют как неоспоримую истину лишь эту позицию сомнения. Оно сделало догму из антидогмы. Поэтому либералы позволяют себя убивать, лишь бы доказать, что никакая идея не стоит того, чтобы люди убивали друг друга ради неё.

Время этой беззплодной позиции прошло. Надо во что-то верить. Когда либеральная позиция сойдёт на нет? Мне известны примеры плодотворной политики, руководствующейся той или иной верой.

Когда государство убеждено, что нет ни добра, ни зла, и осуществляет только полицейские функции, оно исчезает при первом дуновении веры уже после каких-нибудь муниципальных выборов.

Разжечь эту веру не могут ни правые (которые, по сути, стремятся сохранить всё, как есть, даже то, что несправедливо), ни левые (которые хотят разрушить всё, даже то, что хорошо), а только коллективная, объединяющая национальная вера; она породила фашизм. В его вере — его плодотворность, и преследования в данном случае беззсильны. Это знают те, кто раздувает раздоры, поэтому они и прибегают к клевете. Они уверяют рабочих, что это движение господских сынков, в то время как нет ничего более далёкого от праздного, ничего не делающего господского сынка, чем гражданин фашистского государства, за которым не признаётся никаких прав, кроме тех, которые он заслужил. Если что и вправду заслуживает название государства трудящихся, так это фашистское государство. И рабочие должны

знать, что профсоюзы в нем возведены на уровень государственных органов.

Заканчиваю это письмо не римским салютом, а испанским объятием, выражая тем самым своё пожелание, чтобы твой дух, столь склонный к благородной пылкости и столь враждебный по своей природе пошлому и бессильному духу ни во что не верящего либерализма, загорелся этой новой гражданской верой, способной сделать Испанию сильной, трудолюбивой, единой и великой.

Второе письмо тому же адресату, опубликованное в газете «ABC» 23 марта 1933

Сердечно благодарю тебя за твое гостеприимство и твои похвалы. Но, несмотря на это, я в отчаянии. По-видимому, моё письмо не внесло ту ясность, на которую ты надеялся. Я говорю это, потому что ты продолжаешь занимать по отношению к фашизму ту же позицию, что и раньше. Для тебя, по твоим словам, любое насилие это зло. Поэтому ты осуждаешь социалистов за то, что они препятствуют распространению «Эль Фасио».

Это показывает, что ты по-прежнему думаешь лишь о средствах, не заглядывая в глубину. Я же, наоборот, не возмущаюсь тем, что ограничивается распространение фашистских идей; меня возмущает, что это делается во имя классовых, групповых принципов. Социалистическая партия, по определению, это не национальная партия и не собирается ею быть. Это партия борьбы одного класса против другого. Я чувствовал бы себя униженным, если бы меня угнетали победители в гражданской войне, но я бы гордился тем, что ограничивают мои возможности борьбы за уважаемый мною объединяющий, тоталитарный, национальный принцип. Человеческое достоинство возвышается только в служении. Велик тот, кто на своём посту служит великому делу. Это основной момент, величие цели, к которой человек стремится, — этого ты не хочешь понять. Чистый либерал не делает выбора, он не верит, что есть «хорошая» и «плохая» историческая судьба. Либерал отвергает всякое насилие и ставит на одну доску ночного убийцу и отца семейства, который убивает грабителя, вломившегося в его дом. Либерал, повторяю, судит по средствам, а не по мотивам. Либерал — это человек, которого ничто не может убедить, чем я искренне восхищаюсь и в этом письме (я не прошу опубликовать его в «ABC» — это было бы злоупотреблением с моей стороны).

Следует учесть, что итальянский фашизм и немецкий нацизм это разные идеологии. Гитлер заставил Муссолини вступить в войну, перегрозив не поставлять венгерскую нефть Италии (Венгрия тогда была немецкой марионеткой, лививйскую нефть не открыли) Это была большая ошибка, но внутри Италии Муссолини правил справедливо.

НАСИЛИЕ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Письмо товарищу Хулиану Пемартину. Мадрид, 2 апреля 1933

Дорогой Хулиан!

Хотел написать тебе раньше, но не было возможности. Делаю это сегодня, в воскресенье, ограничиваясь теми возражениями против «фашио», о которых ты поведал мне в твоём письме.

1. «Нет иного средства захвата власти, кроме насилия».

Во-первых, это исторически неверно. Перед нами пример Германии, где национал-социалисты победили на выборах. Но, даже если бы не было иного средства, кроме насилия, какое это имело бы значение? Все системы утверждались насильственно, включая мягкий либерализм (гильотина 1793 года казнила больше людей, чем Муссолини и Гитлер, вместе взятые).*

Насилие нельзя порицать огульно. Одно дело, когда оно нарушает справедливость. По учению Святого Фомы, бывают крайние случаи, когда восстание против тирана законно. А если насилие используется против победоносной секты, сеющей раздоры, отрицающей национальную преемственность и повинующейся инструкциям из-за рубежа (Амстердамского интернационала, масонства и т.д.), то с какой стати осуждать систему, которая применяет насилие в этом случае?

2. «Что нужно для того, чтобы появились народная идея и народный вождь».

Первая часть ошибочна: идея не может возникнуть в народе. Она «создаётся», и те, кто это понимает, обычно люди не из народа. Сделать эту идею эффективной может человек, обладающий популярностью. В вожде есть нечто от пророка, он должен иметь веру, здоровье, вызывать энтузиазм и гнев: эти качества несовместимы с утончённостью. Я, со своей стороны, меньше всего гожусь в фашистские вожди. Сомнения и ирония, которые никогда не покидают нас, тех, кто в той или иной степени обладает интеллектуальным любопытством, делают нас неспособными к безапелляционным заявлениям, которые требуются от руководителей масс. И если в Хересе или в Мадриде кое-кто из наших друзей обеспокоен той перспективой, что я захочу стать вождём «фашио», то они могут быть спокойными на мой счёт.

3. «В странах, где победил фашизм, были причины для его появления».

А в Испании их нет? Нет причин, связанных с войной. Поэтому я утверждаю в письме Луке де Тена, что здесь фашизм, возможно, не будет иметь насильственного характера. Но разве утрата единства (территориального, духовного, исторического) грозит нам меньше, чем другим странам? Можно лишь надеяться, что дела не пойдут хуже. Но, если что-то можно сделать до того, зачем ждать, пока ситуация станет отчаянной? Кроме того, когда в Испании назревает социалистическая диктатура, нельзя упускать момент, пока ситуация не стала ещё хуже.

4. «Фашизм враждебен католицизму».

Это возражение особенно характерно для нашей страны, где все большие паписты, чем сам папа. Между тем, в Риме заключён Латеранский договор — как после этого говорить об антикатолицизме фашизма? Фашизм в Италии после девяноста лет господства либерального масонства вернул в школы распятия и религиозное обучение. Я понимаю беспокойство протестантских стран, где может обостриться борьба между национальной религиозной традицией и ревностным католическим меньшинством. Но в Испании к чему может привести подъём национального чувства без католической традиции нашей миссии в мире?

Как видишь, почти все возражения против фашизма сформулированы недобросовестно. За ними скрывается желание идеологически оправдать свою лень или трусость, но национальный недостаток не может быть достоинством: зависть способна испортить лучшие вещи, как в аналогичной ситуации в эпоху Просвещения.

Я позабочусь о том, чтобы тебе прислали несколько экземпляров «Эль Фасио». В них ты найдешь достаточно цитат, которые вызовут у тебя восторг, и хороший арсенал полемических аргументов. Во всяком случае, если тебе потребуются дополнительные разъяснения, и я смогу тебе их дать — я в твоем распоряжении.

Крепко обнимаю, Хосе Антонио

«К истории Фаланги», том I. Санчо Давила, Хулиан Пемартин, стр. 24

Следует учесть, что немецкие нацисты тогда только захватили власть и не успели начать зверства. Примо де Ривера умер рано и не мог знать, какие зверства нацисты устроят в 1939-1945. СССР несмотря на все свои недостатки вёл справедливую войну против этих подонков. Примо де Ривера отвергал расовую теорию.

РЕЧЬ ОБ ОСНОВАНИИ ИСПАНСКОЙ ФАЛАНГИ.

Речь, произнесённая в Мадридском театре комедии 29 октября 1933 г.

Я не буду рассыпаться в благодарностях: просто скажу «спасибо» — это будет соответствовать военному лаконизму нашего стиля.

Когда в марте 1762 года роковой человек, которого звали Жан-Жак Руссо, опубликовал свой «Общественный договор», политическая истина перестала быть вечной ценностью. Раньше, в иные, более глубокие эпохи, государства выполняли исторические миссии, и у них на челе, как и на звёздах, были начертаны слова «правда и справедливость». Жан-Жак Руссо задумал убедить нас, что правда и справедливость это не постоянные категории разума, а волевые решения, принимаемые на каждом шагу.

Жан-Жак Руссо полагал, что совокупность людей, составляющих народ, обладает высшей душой, иерархически отличной от каждой из наших душ, и что это высшее. «Я» одарено непогрешимой волей и способно непрерывно определять, что справедливо, а что несправедливо, что есть добро и что есть зло. А поскольку эта коллективная, суверенная воля выражается только путём голосования — что предполагает торжество большинства над меньшинством и его обожествление как высшей воли — напрашивается вывод, что голосование это фарс. Ведь когда бюллетени бросают в стеклянную урну, избиратель может в любой момент сказать нам, существует Бог или нет, действительно ли истина является истиной или не является, должна ли Родина сохраниться или будет лучше, если она в один прекрасный день покончит с собой.

Поскольку либеральное государство было служителем этой доктрины, оно перестало вершить судьбы Родины, а стало лишь наблюдать за избирательной борьбой. Для либерального государства было важно лишь, чтобы в день голосования в нём приняло участие достаточное число граждан, чтобы выборы начались в восемь часов и закончились в четыре часа и чтобы не разбили урны, хотя быть разбитыми это лучшая судьба всех избирательных урн. А после этого спокойно ожидать, что вылезет из этих урн, как будто государства это не касается. Это означает, что либеральные правители не верят в свою собственную миссию и не следуют ей; они не верят, что обязаны выполнять свой долг, для них важно лишь, чтобы те, кто думает иначе и предлагает разрушить государство, из благих или дурных намерений, имели равное право высказаться и рассчитывать на защиту со стороны тех, чья задача — охранять государство.

Так возникла демократическая система, самая разрушительная, расточающая человеческую энергию. Человек, способный выполнять высшие государственные функции, самые благородные из человеческих функций, вынужден тратить 80, 90 или 95% своей энергии на выполнение разных формальностей, на предвыборную агитацию, на дремоту во время съездов, на лесть избирателям и на проявление стойкости перед их наглостью, потому что от избирателей зависит получение власти; он вынужден выносить унижения и насмешки тех, кто, поскольку функция управления это почти божественная функция, рождён лишь для того, чтобы повиноваться. После всего этого ему остаётся лишь несколько часов на рассвете или несколько минут беспокойного отдыха, чтобы человек с талантом правителя мог серьезно подумать об основных функциях деятельности в этом качестве.

В результате было утрачено духовное единство народов. Поскольку система работала на достижении большинства, каждый, кто хотел управлять системой, должен был завоевать большинство голосов, отобрав их у других партий, не гнушаясь при этом клеветой, обвиняя их во всех смертных грехах, умышленно искажая истину, пуская в ход любые виды лжи и унижая человеческое достоинство противников. И хотя «братство» — один из лозунгов, которые либеральное государство пишет на своём фасаде, никогда не было такой коллективной жизни, при которой люди, ругаясь друг с другом, будучи врагами друг другу, в меньшей степени чувствовали бы себя братьями, чем в беспокойной и неприятной жизни либерального государства.

И, наконец, либеральное государство навязывает нам экономическое рабство, потому что трудящимся с трагическим сарказмом говорят: «Вы вольны выбирать любую работу, какую хо-

тите; никто не может навязывать вам те или иные условия, но, поскольку мы богачи, мы предлагаем вам условия, которые нам выгодны: вы, свободные граждане, если вы не хотите, не обязаны их принимать, но вы, бедные граждане, если не примете условия, которые мы вам предлагаем, умрёте с голода, сохранив своё либеральное достоинство». И в странах с самыми блестящими парламентами и с самыми развитыми демократическими учреждениями достаточно лишь на несколько сот метров удалиться от роскошных кварталов и вы увидите грязные лачуги, в которых трудящиеся со своими семьями живут в почти нечеловеческих условиях. И вы можете увидеть сельских тружеников, которые от зари до зари обрабатывают землю, когда солнце обжигает им спины, и зарабатывают за целый год, благодаря свободной игре либеральной экономики, поденную плату в три песеты за 70 или 80 дней.

По этой причине родился социализм, и его рождение было исторической справедливостью (мы не отвергаем никакую истину). Трудящиеся вынуждены защищаться от этой системы, которая даёт им права и обещания, но не заботится о том, чтобы обеспечить им в равной мере справедливую жизнь.

Сегодня социализм, который был законной реакцией против либерального рабства, сбился с пути, потому что, во-первых, впал в материалистическую интерпретацию жизни и истории, во-вторых, прибегает к репрессиям и в-третьих, провозгласил догму классовой борьбы.

Социализм, прежде всего, тот, что был выдуман в прохладных кабинетах бесстрастными социалистическими апостолами, в которых верят трудящиеся бедняки, о том какими они были, нам уже рассказал Альфонсо Гарена Вальдекасис; социализм, понимаемый таким образом, видит в истории только игру экономических сил; духовность он подавляет, религию считает опиумом для народа, а родину — мифом, придуманным для того, чтобы эксплуатировать обездоленных. Всё это говорит социализм. Нет ничего, кроме производства и экономической организации. Из рабочих надо выдавить их души, чтобы в них не осталось ни одной капли духовности. Социализм не стремится восстановить социальную справедливость, нарушенную плохим функционированием либеральных государств; он надеется на репрессии и доведёт несправедливость до такой степени, что она превысит несправедливость либеральных систем.

Как было сказано, социализм провозглашает чудовищную догму классовой борьбы, догму, согласно которой борьба между классами неизбежна, она естественно происходит в жизни и никакое примирение невозможно. И социализм, который начал со справедливой критики экономического либерализма, тянет нас иным путем к тому же, что и экономический либерализм: к распаду, ненависти, расколу, забвению любых братских связей и солидарности между людьми.

В результате, когда мы, люди нового поколения, открываем глаза, мы видим мир в моральных развалинах, мир, раздираемый всеми видами противоречий и, что нас трогает ближе всего, мы видим такую же моральную разруху в Испании, раздираемой ненавистью и конфликтами всех видов. И нам остаётся только плакать в глубине души, когда мы проезжаем мимо селений нашей чудесной Испании, тех селений, где до сих пор под самым жалким рубищем можно обнаружить людей, по-деревенски элегантных, которые не любят ни лишних жестов, ни праздных слов, людей, живущих на земле, которая кажется иссохшей, но удивляет нас своим плодородием, обилием винограда и пшеницы. И когда мы проезжаем по этим землям и видим этих людей, зная, что их мучат мелкие касики [местные вожди — Ред.], что их позабыли все партии, что они разделены, отравлены хитроумными проповедями, мы можем подумать об этом народе то же самое, что он сам пел о Сиде, видя его блуждающим по полям Кастилии после изгнания из Бургоса:

«Боже! Как был бы хорош вассал,
будь у него хороший сеньор!»

Мы хотим обрести его в движении, которое сегодня начинаем, законного сеньора Испании, но такого, как сеньор Сан Франсиско де Борха — сеньора который вечно будет жив в памяти. А для этого он не должен быть рабом интересов никакой группы и никакого класса.

Движение, которое мы сегодня начинаем, это не партия, мы могли бы даже назвать его «антипартией», отдавая себе отныне отчет в том, что оно не правое и не левое, потому что, в сущности, правые стремятся сохранить нынешнюю экономическую организацию, хотя она несправедлива, а левые хотят ее разрушить, несмотря на многие её хорошие стороны. И те, и другие используют в качестве украшения ряд духовных ценностей. Пусть все, кто нас слушает и верит нам, знают, что наше движение заключает в себе все эти духовные

ценности, но оно ни за что не свяжет свою судьбу с интересами какой-либо группы или класса, которые гнездятся под поверхностным делением на правых и левых.

Родина — это абсолютное единство, включающее в себя все личности и все классы: Родина не может находиться в руках наиболее сильного класса или лучше других организованной партии. Родина — это трансцендентный, неделимый синтез, с собственными целями, которых нужно достичь. И мы хотим, чтобы движение, которое родилось сегодня, и государство, которое будет создано, стали эффективными, авторитарными орудиями на службе тому неоспоримому, постоянному и непреложному единству, которое называется Родиной.

Таковы стимулы наших будущих действий и нашей нынешней позиции, потому что мы были бы просто еще одной партией, если бы провозгласили программу с конкретными решениями. Подобные программы никогда не выполняются. Если же взамен этого у нас есть чувство постоянной ответственности перед историей и перед жизнью, это чувство само подскажет нам решения до того, как возникнет конкретная ситуация, подобно тому, как любовь подсказывает нам, когда ссориться, а когда обниматься. Настоящая любовь не составляет программу-минимум объятий и ссор.

Вот что требует наше чувство безграничной любви и к Родине и к государству, которым мы должны служить:

— Чтобы все народы Испании, сколь бы разными они ни были, гармонично сочетались в нерушимом единстве судьбы.

— Чтобы исчезли политические партии. Никто не родится членом политической партии; мы все родимся членами семьи, соседями по муниципальному округу, работниками одной армии труда. Если таковы наши естественные объединения, если мы живём в рамках семьи, муниципального округа, корпорации, то зачем нужны такие промежуточные и вредные механизмы, как политические партии, если не затем, чтобы объединять нас в искусственные группы и разъединять нас в наших подлинных реалиях?

Мы хотим, чтобы было меньше либеральной болтовни и больше уважения к глубинной свободе человека, потому что только тогда уважается свобода человека, когда она считается, как мы её считаем, носителем вечных ценностей, воплощением души, способной к покаянию и спасению. Только когда человек смотрит

на нее подобным образом, можно сказать, что он действительно уважает свою свободу, даже когда она включается, как мы требуем, в систему власти, иерархии и порядка.

Мы хотим, чтобы все чувствовали себя членами одного сообщества. Можно выполнять самые разные функции: одни занимаются физическим трудом, другие умственным, третьи обучают нравственности и утонченности. Но в сообществе, которое мы хотим создать, знайте отныне, не должно быть ни гостей, ни лодырей.

Мы хотим, чтобы не воспевались личные права тех, кто не может ими воспользоваться, например, голодающих, кроме тех, что даны каждому человеку, каждому члену политического сообщества самим фактом принадлежности к нему, в частности, права добиться своим трудом справедливой и достойной человеческой жизни.

Мы хотим, чтобы религиозный дух, ключ к высшим подъёмам нашей истории, уважался и поддерживался, но чтобы государство не вмешивалось в функции, ему не принадлежащие, как оно не раз делало, руководствуясь иными интересами, нежели интересы истинной религии, в функции, которые религиозные организации могут выполнять сами.

Мы хотим, чтобы Испания снова обрела чувство своей культуры и истории.

И, наконец, мы хотим, чтобы в том случае, если для достижения наших целей потребуется насилие, нас не удерживали от насилия. Кто сказал: «Все, что угодно, только не насилие?» Кто сказал, что любезность занимает высшее место в иерархии моральных ценностей? Кто сказал, что, когда оскорбляют наши чувства, мы, прежде чем реагировать как мужчины, обязаны быть любезными? Да, диалектика — первое орудие общения. Но нет иной приемлемой диалектики, кроме диалектики кулаков и пистолетов, когда оскорбляют справедливость или Родину.

Вот что мы думаем о будущем государстве, которое намереваемся построить.

Но даже движение не будет до конца понятно, если будут считать, что это всего лишь образ мыслей. Это не образ мыслей, а образ жизни. Мы не должны заниматься только политическим строительством. В нашем отношении к жизни, в каждом нашем действии должна проявляться глубокая человечность. Это будет деятельность в духе служения и самопожертвования, аскетическом и военном. Пусть никто не думает, что здесь собрались искатели синекур; пусть никто не думает, что мы собрались здесь для того, чтобы защищать привилегии. Я хотел бы, чтобы этот

микрофон, который я держу перед собой, донёс мой голос до самых отдаленных уголков, до жилищ рабочих. Да, мы носим галстуки, да, могут сказать, что мы барчуки. Но мы одержимы духом борьбы за то, что не интересует нас как барчуков; мы будем сражаться за то, что потребует от многих представителей нашего класса тяжёлых, но справедливых жертв; мы будем сражаться за то, чтобы тоталитарное государство принесло благо и сильным мира сего, и простым труженикам. Мы такие, потому что такими всегда были на протяжении всей истории испанские барчуки. Они создали подлинную иерархию господ, потому что в отдаленных землях и у себя на родине они умели смело идти навстречу смерти и брать на себя самые трудные миссии ради того, что для них, как для барчуков, не имело никакого значения.

Я верю, что сегодня мы подняли знамя. Теперь мы будем защищать его радостно, поэтически. Некоторые думают, что революционное движение, чтобы его воля была единой, нуждается в рациональной организации; они считают, что надо исключить из пропаганды всё, что может вызвать эмоции, побудить к энергичной деятельности. Какое заблуждение! Никто так не волнует народы, как поэты. Кого не поднимет поэзия, которая разрушает, которая обещает!

В нашем поэтическом движении мы возрождаем страстные устремления Испании, мы приносим себя в жертву, мы отрекаемся от благ и мы победим, победим — излишне об этом говорить — не на ближайших выборах. На этих выборах голосуйте за тех, кто кажется вам наименьшим злом. Не на этих выборах родится наша Испания, и нам на них не место. Они проходят в мутной атмосфере усталости, как в таверне после пьяной ночи. Это не для нас. Да, я выступаю в качестве кандидата, но делаю это без веры в успех и без уважения к парламенту. Из-за того, что я говорю теперь, я могу потерять все голоса, но для меня это ничего не значит. Мы не собираемся спорить с теми, кто привык питаться объедками непристойного пиршества. Наше место вне парламентских стен, хотя мы не раз там бывали. Наше место на свежем воздухе, в ясную ночь, с оружием в руках и звёздами в вышине. Другие пусть предаются своим радостям, а мы, вне парламентских стен, в напряжённой, лихорадочной и уверенной бдительности уже встречаем зарю, радуясь всем своим существом.

ИСХОДНЫЕ ПРИНЦИПЫ

I. Испания

Испанская Фаланга непоколебимо верит в Испанию. Испания — это **не** территория и **не** скопище мужчин и женщин. Испания — это, прежде всего, **единство судьбы**, историческая реальность, сущность, истинная сама по себе, которая умела выполнять мировые миссии и ещё будет их выполнять.

* * *

Таким образом, Испания существует:

1. Как нечто **отличное** от каждой из отдельных личностей, классов и групп, которые она объединяет.

2. Как нечто **высшее**, нежели каждая из этих личностей, классов и групп, и в то же время совокупность их всех.

* * *

Следовательно, Испания, которая существует как особая и высшая реальность, должна иметь свои **собственные** цели.

Эти цели:

1. Сохранение единства страны.
2. Возрождение её внутренней жизнеспособности.
3. Участие с решающим голосом в духовных свершениях мира.

II. Силы, разобщающие Испанию

На пути к достижению этих целей Испания сталкивается с большими препятствиями. Ее разделяют:

1. Местные сепаратисты.
2. Борьба между политическими партиями.
3. Классовая борьба.

Сепаратизм игнорирует реальность Испании и забывает о ней. Он не признаёт, что Испания это, прежде всего, великое **единство судьбы**.

Сепаратисты аргументируют тем, что они говорят на особом языке, имеют особые расовые черты и тем, что их регион отличается особым климатом или имеет особый топографический облик.

Но — и это надо постоянно повторять — нация это не язык, не раса и не территория. Это **единство судьбы** в мире. Это единство называлось и называется Испанией.

Под знаком Испании следуют своей судьбе единые в своем отношении к остальному миру народы, входящие в её состав.

Ничто не может оправдать разрушение этого великолепного единства, создавшего свой собственный мир.

***

Политические партии игнорируют единство Испании, потому что смотрят на него с точки зрения партийных интересов.

Одни из них называют себя **правыми**, другие — **левыми**, но занимать такую позицию по отношению к Испании это уже искажение её истинного облика. Это всё равно, что смотреть на неё одним левым или правым глазом: это взгляд **искоса**.

На прекрасные вещи так не смотрят, на них смотрят обоими глазами, **прямо**.

Не с партийной точки зрения, которая, как таковая, уже искажает то, на что смотрят, а с **общей** точки зрения, с точки зрения Родины, которая, если воспринимать её, как целое, исправляет дефекты нашего зрения.

***

Классовая борьба игнорирует единство Родины, потому что порывает с идеей **национального производства** как единого целого.

В ходе этой борьбы хозяева стремятся получить больше прибыли, рабочие — больше заработать, и они взаимно тиранят друг друга.

В эпохи кризиса на рынке труда хозяева несправедливо поступают с рабочими, а в эпохи подъема или когда рабочие организации очень сильны, рабочие давят на хозяев. Ни те, ни другие не отдают себе отчета в том, что они должны сотрудничать, что их общее дело — **национальное производство**. Думая не о нём, а только об интересах или амбициях своего класса, и хозяева, и рабочие разоряют друг друга.

III. Путь исцеления

Если внутренняя борьба и упадок ведут нас к тому, что утрачивается вечная идея Испании, средством исцеления будет возрождение этой идеи. Надо вернуться к пониманию Испании как реальности, существующей ради себя самой.

Она выше различий между народами, борьбы между партиями и классами.

Тот, кто не теряет из вида это понимание высшей реальности Испании, тот будет ясно видеть все политические проблемы.

IV. Государство

Некоторые понимают государство просто как охранителя порядка, как наблюдателя за национальной жизнью, который вмешивается лишь тогда, когда порядок нарушается, но не руководствуется никакой определяющей идеей.

Другие надеются подчинить себе государство, чтобы использовать его, даже прибегая к тираническим методам, в интересах своей группы или своего класса.

Испанской Фаланге не нужно ни того, ни другого: ни безразличного государства, выполняющего сугубо полицейские функции, ни государства класса или группы.

Нам нужно государство, которое верит в реальность и высшую миссию Испании, государство, которое, служа этой идее, определяло бы для каждого человека, каждого класса и каждой группы их задачи, права и обязанности, государство всех, т.е. такое государство, которое руководствуется только вечной идеей Испании, а не подчиняется интересам какого-либо класса или какой-либо группы.

V. Ликвидация политических партий

Чтобы государство никогда не могло стать партийным, необходимо покончить с политическими партиями.

Политические партии это порождения порочной политической организации: парламентского строя.

В парламенте заседают господа, которые объявляют себя представителями тех, кто их избрал. Но большая часть избирателей не имеет ничего общего с избранными: они не члены одних семей, не жители одних муниципальных округов и не сотрудники одной корпорации.

Только листки бумаги, бросаемые раз в два или три года в урны, служат единственной связью между народом и теми, кто якобы его представляет.

***

Чтобы эта избирательная машина работала, раз в два или три года надо приводить жизнь народа в лихорадочное состояние.

Кандидаты вопят с трибун, бранятся, сулят невозможное.

Банды их сторонников восторженно ревут, ссорятся, убивают друг друга.

В эти дни разжигается самая жестокая ненависть, наносятся обиды, за которые потом порой мстят без конца, что делает невозможной мирную жизнь народов.

А что значит народ для победивших кандидатов? Они едут в столицу, чтобы блистать там, выступать на страницах газет и проводить время в спорах о сложных вещах, которые народ не понимает.

***

Для чего нужны народу эти политические посредники? Чтобы каждый человек, который хочет принять участие в жизни своей нации, записывался в политическую партию или голосовал за её кандидатов?

Мы все родимся в какой-то **семье**.

Мы все живём в каком-то **муниципальном округе**.

Мы все работаем в каком-то учреждении или на каком-то **предприятии**.

Но никто не родится и не живёт в политической партии.

Политическая партия — это **искусственное** образование, которое объединяет нас с людьми из других муниципальных округов или людьми других профессий, с которыми у нас нет ничего общего, и разделяет нас с нашими соседями и сотрудниками, с которыми мы живём вместе.

Истинное государство, каким его хочет видеть Испанская Фаланга, не будет опираться на порочную систему политических партий и породивший их парламент.

Оно будет опираться на подлинные, жизненно важные реалии: семью, муниципальный округ, корпорацию или профсоюз.

Таким образом, новое государство должно признать нерушимость семьи как ячейки общества. Автономию муниципальных округов как территориальных единиц и профсоюзы и корпорации как подлинные основы общей организации государства.

VI. О преодолении классовой борьбы

Новое государство не будет стоять в стороне от борьбы людей за существование. Оно не позволит, чтобы каждый класс решал свои проблемы по собственному усмотрению, чтобы освободиться от ига другого класса или поработить другой класс.

Новое государство, чтобы быть государством всех, будет считать своими целями цели каждой из групп, входящих в его состав, и будет рассматривать интересы всех как свои собственные.

Богатство предназначено в первую очередь для улучшения условий жизни большинства: нельзя жертвовать большинством ради того, чтобы меньшинство жило в роскоши.

Труд — лучший знак человеческого достоинства. Ничему не должно уделять государство больше внимания, чем достоинству и благосостоянию трудящихся.

Поэтому оно считает своей первейшей обязанностью любой ценой дать каждому работу, которая обеспечит не только его существование, но и достойную, человеческую жизнь.

Это будет для него не раздачей милостыни, а выполнением своего долга.

***

Следовательно, ни капиталистические прибыли — сегодня, по меньшей мере, несправедливые, ни трудовые обязанности не будут определяться интересами или мощью господствующего в данный момент класса, а общими интересами национального производства и властью государства.

Классам не надо будет организовываться в состоянии боевой готовности для своей защиты, потому что они смогут быть уверенными в том, что государство без колебаний позаботится обо всех их справедливых интересах.

Профсоюзы и корпорации будут настроены на мирное сотрудничество. Сегодня они отстранены от общественной жизни искусственными перегородками в виде парламента и политических партий, завтра они станут непосредственными органами государства.

***

Вывод. Нынешняя обстановка борьбы разделяет классы на две враждующие партии с различными, противоположными интересами.

Новая точка зрения предполагает их общий вклад в производство, поскольку они заинтересованы в одном великом общем деле.

VII. Личность

Испанская Фаланга считает человека совокупностью тела и души, т.е. существом, которое может иметь вечную судьбу, будучи носителем вечных ценностей.

Поэтому максимального уважения заслуживают человеческое достоинство, цельность человека и его свобода.

Но эта глубокая свобода не даёт ему права подрывать основы общества.

Нельзя допустить, чтобы целый народ послужил полем для экспериментов отдельных наглых или экстравагантных личностей.

Истинная свобода — это свобода для всех, при которой каждый человек является частью сильной и свободной нации.

Никому нельзя давать свободу устраивать волнения, отравлять умы, разжигать страсти, подрывать основы любой устойчивой общественной организации.

Эти основы: **власть, иерархия и порядок.**

***

Если физическая цельность личности всегда священна, она еще недостаточна для того, чтобы дать этой личности право участвовать в национальной общественной жизни.

Политическое положение личности зависит от того, какую функцию она выполняет в национальной жизни.

Освобождаются от этой обязанности только паралитики.

А паразиты, лентяи, которые надеются жить за счёт усилий остальных, не заслуживают ни малейшего внимания со стороны нового государства.

VIII. Духовная жизнь

Испанская Фаланга не может смотреть на жизнь как на простую игру экономических факторов. Она не согласна с материалистической интерпретацией истории.

Духовная жизнь была и остаётся решающим стимулом жизни отдельных людей и целых народов.

***

Преобладающим аспектом духовной жизни является религия.

Нет человека, который не задавал бы вечные вопросы о жизни и смерти, о творении и о потустороннем мире.

На эти вопросы нельзя давать уклончивые ответы, на них можно отвечать только утвердительно или отрицательно.

Испания всегда давала утвердительный, католический ответ.

Католическое толкование жизни, во-первых, истинно, а во-вторых, исторически это испанское толкование.

Благодаря этому чувству **католичности, всеобщности** Испания завоевала моря и неизвестные варварские континенты. Она

завоевала их, чтобы приобщить их жителей к делу всеобщего спасения.

Поэтому любая перестройка в Испании должна производиться в католическом направлении.

Это не значит, что возродятся преследования инакомыслящих. Времена религиозных преследований прошли.

В ещё меньшей мере это значит, что государство непосредственно возьмёт на себя религиозные функции, которые принадлежат Церкви.

Но не будет допустимо и вмешательство Церкви в дела государства, её махинации, которые могут нанести ущерб достоинству государства или национальной целостности.*

Новое государство будет вдохновляться традиционным для Испании католическим религиозным духом, жить в согласии с Церковью и оказывать ей поддержку.

IX. Поведение

Для достижения этих целей, Испанская Фаланга призывает к крестовому походу тех испанцев, которые хотят возрождения великой, свободной, справедливой и подлинной Испании.

Те, кто примет участие в этом крестовом походе, должны быть проникнуты духом служения и самопожертвования.

Они должны смотреть на жизнь как на военную службу с её дисциплиной и опасностью, отказом от всякого тщеславия, зависти, лени и злословия.

И одновременно дух этого служения должен быть радостным и спортивным.

***

Насилие дозволено, если оно применяется ради оправдывающего его идеала.

Разум, справедливость и Родину надо защищать с помощью насилия, когда они подвергаются насилию или против них строят козни.

Но Испанская Фаланга не будет применять насилие как орудие угнетения. Лгут те, кто заявляет, будто рабочим грозит фашистская тирания.

Фаланга, воинский строй — это союз, братское содружество смелых, любовь.

Испанская Фаланга, воспламенённая любовью, твёрдая в вере, сумеет завоевать Испанию для Испании, будучи войском.

«Фаланхе Эспаньола», № 1, 7 декабря 1933

От себя добавим, что изуверские секты и колдунов всё-таки надо преследовать. Светское государство недопустимо. Церковь не должна вмешиваться только в чисто гражданские дела, но может критиковать курс властей и её голос надо учитывать.

БЕЗКРЫЛАЯ ПОБЕДА

Испания 19 ноября снова разыграла лотерею. Избирательные урны очень похожи на лотерейное колесо. В одном случае всё зависит от того, какой шар первым докатится до отверстия, в другом — какая пачка бюллетеней окажется толще другой. Выигрыш в лотерею зависит от какого-то домового, победа на выборах — от доброго или злого духа справедливости, репрессий или истерии. Чистая случайность: хорошая шутка над кандидатом может в последний момент лишить его победы. Желание сбросить раздражающее правительство может побудить народ к тысяче нарушений. Испания ещё раз поиграла бюллетенями 19 ноября.

И есть люди, которые верят, что в этой лотерее победила контрреволюция. Многие так довольны.

Снова Испания якобы заживляет рану, зашивая её, тогда как внутренний процесс продолжается. Если говорить проще, то объявляют, что с революцией покончено, в то время как революция продолжает жить внутри, более или менее прикрытая тонким слоем избирательных бюллетеней.

Запомните такие данные: есть провинции — прежде всего в Андалузии — где 60% избирателей не голосовали. В целых селениях с тысячами избирателей насчитали лишь сотни поданных голосов. В то время как эти немногие избиратели голосовали, толпы разъярённых людей оставались в своих углах скрытой угрозой, одинаково ненавидя кандидатов всех партий. «Все они одним миром мазаны, — ворчат андалузские крестьяне. — Какое нам, рабочим людям, дело до этого? Да пусть политики разорвут друг друга на куски!» А на белых стенах деревенских домов пылают красные надписи: «Рабочий, не голосуй! Твой единственный путь — социальная революция». А на плакатах, выполненных с качеством офортов, изображены измождённые фигуры с надписями вроде такой: «Пока народ умирает с голоду, кандидаты тратят миллионы на пропаганду. Рабочий, не голосуй!»

И во многих местах рабочие не голосовали. Они позволили себе роскошь отдать в руки буржуазии, главным образом, правой, законодательную машину. Приказ, своевременно данный профсоюзами, всеобщая мобилизация пролетарских масс, могли бы привести к поражению многих правых кандидатов. Рабочие это знали, однако воздержались от голосования. Надо быть слепым, чтобы не видеть за этим презрением страшную угрозу тем, кто мнит себя победителями.

Для правых завоеванный ими парламент — как новая игрушка для ребёнка. Они верят, как недавно верил Асанья, что мир таков, каким он виден через волшебный фонарь парламента. Запершись в парламенте, они верят, что распоряжаются сынами Испании. Но за стенами парламента лежит Испания, которая презирает эту игрушку.

Испания — страна трагической судьбы. По призванию она должна быть имперским орлом, а не попугаем в парламентской клетке. То, что мы читаем на стенах домов в андалузских селениях, выражает вековую тоску по великим делам. Испания, страна голода и засух, где время от времени в местных вспышках жестокости вырывается накопленный веками гнев.

Эта Испания, которую плохо понимают, совершила революцию. Революция это всегда, в принципе, антиклассическая вещь. Любая революция разрывает многие гармоничные образования. Но революция, начавшись, имеет лишь два исхода: либо она превратится во всеобщий потоп, либо её удастся направить в определенное русло. Чего нельзя сделать, так это избежать её, вести себя так, словно её нет.

Тяжесть настоящего момента заключается в том, что победившие партии, гордые результатами голосования, полагают, что могут уже не думать о революции. Они считают её законченной. Они будут довольствоваться организацией мелкотравчатой парламентской жизни, пожинать её плоды и проявлять осторожность — заниматься только маленькими делами. Теперь начнётся делёжка должностей. Будет сформировано правительство, будут издаваться законы на бумаге. А Испания останется вне всего этого.

Мы это знаем и будем её искать. Передышка хороша для тех, кто занимается дележкой, но горе тем, кто не слышит шум потока революции, сегодня более или менее приглушённый, и считает за благо пустить всё на самотёк. Мы поедем по полям и сёлам Испании, чтобы превратить её отчаяние в стимул, чтобы

объединить её жителей вокруг общего дела, чтобы превратить в стимул то, что сегодня выглядит просто как ярость животных, запертых в клетки, не знающих, что такое человеческая жизнь. Наша Испания открыта для риска и опасных дорог и на них мы найдём её, в то время как во дворце Кортесов группы депутатов будут праздновать свою бескрылую победу.

«Фаланхе Эспаньола», № 1, 7 декабря 1933 г.
Статья тогда была запрещена цензурой.
Перепечатана в еженедельнике «Арриба», № 23, 12 декабря 1935 г.

СВОБОДНАЯ СТРАНА ЭУСКАДИ?

Может быть, за столетия до того, как Колумб случайно наткнулся на берега Америки, баски рыбачили на отмелях Нового Света, только имена этих возможных предшественников Колумба окутаны туманом времён. Ветра всего мира начали разносить звуки «эле» и «седа», часто встречающиеся в именах басков, когда носители этих имён появились на борту имперских кораблей Испании. На путях Испании баски нашли самих себя. Эта великолепная раса, прекрасной мускулатуре которой не было применения, а давние открытия которой не принесли ей славы, обрела свою настоящую судьбу, давая кастильские названия землям, которые она открывала, и перенося на своих плечах корабли от моря до моря через хребты Кордильер.

Не бывает одного без того, чтобы могли существовать другие. Не наша внутренняя физическая структура делает нас личностями, а существование других, тех, кто будучи личностями, определяют и наше отличие от них. Это относится и к народам, к нациям. Нация это не географическая, не этническая и не лингвистическая реальность, это просто историческое единство. Совокупность людей, живущих на одном участке земли, является нацией лишь в том случае, если у неё есть всемирная функция, своя судьба в истории, судьба, которая отлична от судеб других. Другие — это те, благодаря кому мы осознаём, что мы — одно.

При совместной жизни людей каждый человек чем-то отличается от других. В мировом масштабе у каждой нации есть то, чего нет у других. Поэтому нации определяются извне; мы распознаём их по тем контурам, в которых они реализуют собственную, особую, всемирную судьбу.

Возьмем испанскую нацию. Можно сказать, что её всемирная судьба, которая наложила на неё магическую печать нации, ждала того момента, когда она станет единой. Три последних десятилетия XV века были изумленными свидетелями двух достижений, которые, по своему размаху, могли бы заполнить и два века.

Как только народы Испании перестали быть разъединёнными, перед Испанией открылись все дороги мира, и адмиралы-баски поплыли на кастильских кораблях.

Сегодня, похоже, историю хотят повернуть вспять. Страна Эускади проголосовала за свой статут. Это было сделано быстро. Страна Эускади идёт по пути к своей свободе. К своей свободе? Неужели баски не понимают, что жезл всемирного предназначения коснулся их лба только когда они объединились с другими народами Испании? Ни до этого у них не было такого предназначения, ни после не будет: они могут веками говорить на своем языке, измерять лицевые углы и больше ничего. Они были нацией (т.е. историческим единством, отличным от остальных), когда Испания была их нацией. Теперь они хотят разорвать её на куски. Это похоже на кару Бога битв и морских путешествий, которого они оскорбили, на самоубийство: происходит разрушение сильного и прекрасного целого. Карой для них будет рабство, потому что они анархически хотят ложной свободы. Они не нация (единственная в мире), это народ без своей судьбы в истории, обреченный обрабатывать землю, ограниченную узкими горизонтами, и, может быть, они будут плести свои рыбацкие сети в других новых землях, не отдавая себе отчёта в том, что они открыли новые миры.

«Фаланхе Эспаньола», №1, 7 декабря 1933

О КОНЦЕПЦИИ ГОСУДАРСТВА

Речь, произнесённая в парламенте 19 декабря 1933

Хиль Роблес: С помощью этой Конституции невозможно управлять, потому что Учредительные Кортесы в своем сверхпарламентском и сверхдемократическом рвении создали инструмент правления, страдающий множеством недостатков, и в наше время, когда во всём мире множится число сторонников антидемократического и антипарламентского движения, упорство в сохранении Конституции такого типа может привести лишь к одному: к диктатуре левых или правых, чего я для своей Родины не желаю, потому что это было бы худшее из решений, какое только можно себе представить. *(Примо де Ривера: Плохое решение — это диктатура левых или правых, а интегральная авторитарная диктатура — хорошее»)*. Я не считаю нужным спорить с кем-либо в данный момент и меньше всего с людьми, которых я уважаю так глубоко, как г-на Примо де Риверу, о целесообразности диктатуры левых или правых или о счастливом варианте диктатуры национального типа. Я знаю, по какому пути идет г-н Примо де Ривера, и должен сказать в предостережение всем, что по этому пути идут многие испанцы, и эта идея завоёвывает сердца молодого поколения. Но я, при всём моём уважении к этой идее и к тем, кто её поддерживает, должен сказать со всей откровенностью, что не могу её разделить, потому что для меня режим, основанный на пантеистической концепции обожествления государства и уничтожения личности, что противоречит религиозным принципам, на которые опирается моя политика, и ничего подобного никогда не будет в моей программе. Я возвышаю против этого свой голос, хотя среди тех, кто поднимает это знамя, есть и мои друзья. *(Бурные аплодисменты в центре)*.

Примо де Ривера: Позвольте мне, господа депутаты, — и пусть эти первые слова послужат извинением и приветствием — вмешаться в спор, который я сегодня не ожидал услышать, чтобы

публично, как это сделал в словах, как всегда разумных и искусных, г-н Хиль Роблес, объяснить кое-что, могущее прозвучать идеологическим обвинением молодёжи, на которую он намекал, и от имени которой я в какой-то степени имею право говорить.

Г-н Хиль Роблес сказал, что и диктатура правых, и диктатура левых — это плохие решения. Мы, представители той молодёжи, к которой я принадлежу, считаем, что плоха не только диктатура правых или левых, плохо то, что есть правая и левая политические позиции. Г-н Хиль Роблес думает, что стремится к созданию целостного, тоталитарного и авторитарного государства — значит обожествлять государство. Но я скажу г-ну Хилю Роблесу, что обожествление государства как раз противоположно тому, чего мы хотим.

Мы считаем, что государство оправдывает свое поведение каждую минуту, как оправдывают его личность или класс только в том случае, если оно каждую минуту придерживается определённых норм. Обожествление государства это руссоистская идея, согласно которой государство или носители воли, обязательной для государства, всегда правы. Обожествление государства это вера в то, что воля государства, которую некогда выражали абсолютные короли, а сегодня выражает народное голосование, всегда правы. Абсолютные короли могли ошибаться, народ при голосовании может ошибиться, потому что никогда ни истина, ни добро не могут выражаться волей. Истина и добро — постоянные категории разума и, чтобы удостовериться в своей правоте, недостаточно спросить короля — чья воля всегда справедлива для сторонников абсолютной монархии — или у народа, чья воля всегда разумна, а надо каждую минуту проверять наши дела и мысли на их соответствие вечным категориям *(возгласы одобрения)*.

Поэтому обожествление государства противоположно тому, чего мы хотим. Мы хотим, чтобы государство всегда было орудием служения исторической судьбе, исторической миссии единства. Мы считаем, что государство поступает хорошо, если верит в эту общую историческую судьбу, если оно рассматривает народ как единство стремлений, поэтому мы не сторонники диктатуры ни левых, ни правых, ни тех и других, потому что по нашему мнению, народ это единство судьбы, усилий, жертв и борьбы, которое надо видеть в целом и которое выступает в истории, как целое, в служении своей миссии *(возгласы одобрения)*.

О КАТАЛОНИИ

Речь, произнесённая в парламенте 4 января 1934 г. Стенограмма

Г-н Примо де Ривера. Депутат, который не принадлежит ни к какому меньшинству, полагает, что может с наибольшей свободой высказать от своего имени и, как он осмеливается думать, от имени всех, следующее мнение:

«Когда мы произносим имя Испании, и я при этом не присоединяюсь, конечно, к чьим-либо крикам, что-то внутри нас, вопреки желанию осудить режим, противится тому, чтобы нанести при этом обиду такой благородной, такой великой, такой знаменитой и такой любимой земле, как земля Каталонии. Я хотел бы, чтобы господин председатель и Палата отмежевались от тех, кто допускает подобное неуважение, потому что при нынешних обстоятельствах мы, как и всегда, безо всяких задних мыслей, думаем об Испании и ни о чём другом кроме Испании, потому что Испания это больше, чем форма правления, потому что Испания это больше, чем стечение исторических обстоятельств, потому что Испания никогда не может быть чем-то противоположным совокупности её земель и каждой из этих земель.

Я рад, что среди всего этого беспорядка и попыток уклониться от рассмотрения проблемы Каталонии, те, кто согласен со мной, в этой Палате и вне её, чувствуют, что и сегодня, и в будущем к Каталонии, к земле Каталонии, надо относиться с любовью и с пониманием, что не всегда проявляется в ходе дискуссий, потому что когда в этой самой Палате и вне её по разным случаям поднимается проблема Испании, к благородной защите единства Испании примешивается ряд мелких оскорблений в адрес Каталонии, которые вызывают раздражение и способствуют раздуванию сепаратизма по ту сторону Эбро.

Мы любим Каталонию, потому что она испанская, и потому что мы любим Каталонию, мы хотим, чтобы она становилась всё более испанской, как и страна басков, как и прочие регионы. Просто потому, что мы понимаем, что нация это не одно лишь

притяжение земли, на которой мы родились, не то непосредственное чувство, которое все мы ощущаем вблизи от родного угла. **Нация — это объединение, занимающее особое место в мире**, уровень, на который поднимается народ, когда он следует своей всемирной судьбе, когда объединились все её народы, потому что Испания стала нацией в противовес остальному миру, как это бывает со всякой настоящей нацией, когда адмиралы-баски стали бороздить океаны на кораблях Кастилии, а адмиралы-каталонцы — завоёвывать Средиземноморье на кораблях Арагона, потому что мы понимаем всё это, мы хотим, чтобы все народы Испании испытывали не только чувство стихийного патриотизма, с которым нас притягивает земля, но и чувство патриотизма миссии, трансцендентального патриотизма, патриотизма великой Испании.

Я заверяю господина председателя, я заверяю Палату, что я убеждён в том, что все мы думаем только об этой великой Испании, когда приветствуем её или сетуем о её судьбе на наших мероприятиях. И когда некоторые кричат: «Смерь Каталонии!», они не только допускают ужасную некорректность, но совершают преступление против Испании и недостойны называться испанцами. Все те, кто болеет за Испанию, будут восклицать: «Да здравствует Каталония!» «Да здравствуют все братские земли!», братские — потому что они выполняют одну замечательную миссию, нерушимую и славную, которая завещана нам вековыми усилиями вместе с именем Испании *(Аплодисменты)*.

РОДИНА. СВИРЕЛЬ И ЛИРА

Родина, как она нас привлекает! Никакой воздух не кажется нам таким приятным, как воздух нашей земли. Ни одна трава такая мягкая, как её трава, ни одна музыка не сравнима с журчанием её ручьев. Но... нет ли в этом земном притяжении ядовитой чувственности? Влияния каких-то физических, органических, почти растительных флюидов, словно нас привязывают к земле тонкие корни? Есть разновидность любви, призывающая раствориться в природе, расслабиться, всплакнуть. Есть те, кто впадает в меланхолию, когда слышат стоны свирели. Эта любовь развивается каждый раз в сторону всё большей интимности: от родной долины — к заводи, в которой отражался родительский дом. От заводи — к самому дому, от дома — к его памятному уголку.

Все это очень сладко, как бывает сладким вино. Но, как и в вине, в этой сладости таятся опьянение и апатия.

***

Можно ли назвать такую любовь патриотизмом? Если бы патриотизм означал эмоциональную мягкость, не было бы у человека лучшей любви, чем эта. Но люди уступали бы тогда в своем патриотизме растениям, которые обретают его в своей привязанности к земле. Не может называться патриотизмом любовь к первому, что приходит на ум, стихийная привязанность к земному. Чтобы патриотизм стал выше, он должен впасть в другую крайность, устремиться к самому трудному, наиболее очищенному от земного, имеющему наиболее четкие и чистые контуры, к самому неизменному, т.е. найти опору не в эмоциях, а в разуме.

Хорошо упиваться сладкозвучием свирели, но мы не доверим ей свои тайны. Всё чувственное длится недолго. Прошли тысячи и тысячи вёсен, а 2+2=4, как в начале творения. Не будем сажать нашу чувственную любовь в землю, которая видела столько

вёсен, а как линии, не имеющие веса и объёма, устремимся в вечную сферу, где цифры поют свою точную песнь.

Эту песнь играет лира, богатая мелодиями, основанными на знании чисел.

***

Итак, Родина для нас это не ручеёк и не трава, не звуки свирели; мы видим в ней судьбу, дело. Родина совершает в мире коллективное дело. Без дела нет Родины, без веры нет общей судьбы, всё растворяется в родных краях, в местных цветах и запахах. Лира умолкает, свирель звучит. Нет закона, чтобы каждая долина соединялись бы с соседней. Геометрия и архитектура, в числах которых заключены империи, умолкают, их зов освистывают гении разложения, которые скрываются под грибами в любой деревне.

(«Фаланхе Эспаньола», № 2, 11 января 1934)

НЕВИННОСТЬ И ПОКАЯНИЕ

«Человек рождается свободным, и он повсюду в цепях», — писал Жан Жак Руссо. Головы уже кружились от первых приступов романтизма. Это было время, когда верили во врождённую доброту и врождённую разумность. Человек — тире — индивидуум считался сам по себе носителем всяческого добра, мудрости и добродетелей. Только общество его испортило. Все орудия совместной жизни — религия, государство, право — только извращали его природу. Возврат человека к своей первобытной свободе неизбежно должен был вернуть ему всю утраченную способность к совершенству.

***

Но те, кто так думал, были модными философами, которые меньше разбирались в душах первобытных людей, чем в душах светских дам. Это были петиметры в тесных камзолах, с эмалированными табакерками. Деревню они знали по пасторалям литераторов, из тех, что с досадой отмахивались от перспективы провести две недели, скажем, в Сьерра Морене. Примитивисты от слабости, они боялись простуды. Позже они стали называть себя «защитниками природы» и осуждали варваров, которые убивают куропаток. «Как прекрасно — говорили они — видеть в поле куропатку, перелетающую с одного дерева на другое» и тем самым выдавали фальшивость своей словесной любви к полям и к куропаткам, потому что те, кто видел куропаток в полях, даже не убивая их, знали, что куропатки не взлетают на деревья.

***

Как всегда, правы были те, кто меньше говорил, кто учился у настоящей природы дисциплине и наблюдательности. Наши испанские моралисты, охрипшие от непогоды и знавшие поэтому,

что непогода не располагает к литературной деятельности, которая требует усилий, были первобытными людьми «задним числом», их единственным способом стать первобытными был уход в древний мир.

***

Счастье — это как милость. По сути, счастье это и есть милость. Первобытное состояние, настоящее, было счастливым состоянием, подобным состоянию невинности: будучи единожды утраченным, оно никогда не возвращается. Иное дело милость: она возвращается, но через покаяние, через ригоризм. Тот, кто однажды утратил невинную милость, не обретёт ее снова, став «добрым» в литературном смысле этого слова, быть добрым осторожным, приятным, филантропическим способом в рядах Общества защиты животных или Армии спасения. Это фальшивый, сатанинский способ покрыть шкурой лжи плоть, сгнившую от пороков. Можно вернуть милость чистотой покаяния, энергичного, строгого, искреннего, скорбного и болезненного.

***

Так бывает и в жизни народов. Можно достичь счастья путём ригоризма, разумеется, выбранным свободно, тем глубоким способом быть свободным, который заключается в отказе от части свободы. Больше никаких литературных пасторалей, только строгий поворот лицом к истине, сильная и строгая решимость подчиниться дисциплине и удвоить усилия, предаться драматическому порыву к спасению. Счастье даётся нам как награда, а не как дар.

(«Фаланхе Эспаньола», № 3, 18 января 1934)

РЕЧЬ, ПРОИЗНЕСЁННАЯ В КАСЕРЕСЕ

4 февраля 1934

Похоже, мы не так уж насмешливо относимся к парламенту с его криками и приветствиями, потому что у меня, наряду с прочими недостатками, есть один, может быть, самый большой: я — депутат. Недавно я произнёс речь в парламенте, после которой многие коллеги, знающие, что я — враг парламентаризма, спрашивали меня: «Но вы проявляете себя здесь очень хорошо и могли бы прославиться: почему вы так враждебно относитесь к парламентаризму?!» Я отвечал: «Если бы я думал только о себе, я был бы сторонником парламентаризма, потому что, будучи, грубо говоря, нечистым на руку, при нём всегда выйдешь победителем».

«И это правда, потому что упомянутое учреждение только для того и предназначено, чтобы нас прославлять, и приносить выгоду лишь тем, кто в нём находится».

Капитализм и рабочие

Все это уходит своими корнями в либерализм, парламент — его машина. Либерализм всегда был идеологией барства, которое насаждало его искусственно, и предназначался исключительно для высших каст. Таким либерализм был с самого начала. Он родился в XVIII веке, и его учение было введено в моду блестящим барством того времени, петиметрами, которые болтали о либерализме и социальном равенстве, проводя досуг с герцогинями в элегантных салонах, в искусственной обстановке. Их лозунги свободного труда звучали саркастически, потому что капитализм тем временем накапливал огромные богатства, строил многочисленные фабрики и приводил в отчаяние миллионы человеческих существ, чьим неизбежным концом была либо голодная смерть, либо работа за мизерную поденную плату.

Законы этого либерализма возносили немногих и повергали в самое ужасное отчаяние рабочих, которые не могли принести в

свой дом деньги, необходимые для жизни их семей, достаточные, чтобы накормить их голодных детей, от вида которых можно было придти в ужас, болеющих анемией и туберкулёзом, полностью лишённых того, что называется цивилизацией. И такое положение вещей революционизировало рабочих, поскольку они, к тому же, были свободными в глазах закона.

Рождение социализма

Неизбежным результатом этого было возникновение социализма как выражение справедливых требований рабочих. И нас объединяет с социализмом то, что мы хотим улучшить положение пролетариата.

В социализме первоначально было и нечто мистическое, и нечто сентиментальное, нечто предполагавшее своего рода духовное отречение. Его основатели думали, что эти голодающие рабочие — их братья. Но если первые социалисты были аристократами, а некоторые из них — почти поэтами, социализм стал устрашающе чёрным с появление того еврея, которого звали Карл Маркс. Он стал чёрным, потому что объявил ложными все чувства, включая любовь, веру и патриотизм, и провозгласил примат экономических факторов. Таким образом, он столкнул капитализм с пролетариатом в братоубийственной борьбе. С этих позиций Карл Маркс смотрел на эту страшную драму и выводил свои фатальные законы.

Этот Маркс, которого многие по невежеству принимают за апостола, в интимном кругу, в частности, в письмах к Энгельсу, называл рабочих сбродом, необходимым для того, чтобы восторжествовало социалистическое учение.

Испанская Фаланга надеется вернуть Испании веру в общее дело

Вследствие этого социализм тоже поверг народы в ужасное отчаяние, которое усугубляется отсутствием любви и прочих чувств. С другой стороны, либерализм утратил веру в идеи; ему всё равно, и теперь Европа, в отчаянии, думая, что наступили последние времена, бросается в объятия веры, осознает, что в сердцах есть любовь, чувство братства и единства, поэтому мы не может терять времени и должны сражаться за то, чтобы жизнь в Испании стала лучше. Некоторые думают, будто наше движение агрессивно, будто мы сражаемся, потому что буржуазия видит опасность и

стремится от неё защититься. Нет, мы хотим, чтобы весь народ принял участие в судьбе нашей великой, нашей благородной, нашей единственной Родины. Нашими общими усилиями мы можем удержать её на плаву, ибо у нас всех одна судьба. Мы похожи на тех, кто плывёт на корабле и, если он терпит бедствие, гибнут все, но если кто-то указывает путь в безопасную гавань, все следуют за ним. Это мы и делаем; мы стараемся вернуть веру в общее дело, сознание общности судьбы.

Есть только один способ спасти Испанию и победить все партии: это обеспечить победу испанского единства, чего не сделать ни словами, ни спорами в парламенте.

Италия меньше, чем Испания, а её население больше нашего. Она находилась в полном упадке, в беспомощном состоянии, но благодаря энтузиазму, энергии и вере итальянцы сделали свою страну славной и сильной, долетев до самых дальних точек мира на крыльях своих побед. Они достигли этого благодаря тому, что объединились под властью сильной и крепкой руки, которая держит в кулаке сноп колосьев, символизирующий единство. Ведь составляющие его колосья собраны на почвах, которые сегодня обрабатываются, а раньше были бесплодными. Это нужно и нам, но, когда мы слышим обвинения в том, что мы подражатели, мы отвечаем, что это неправда. Потому что одно дело — подражать, а другое — вернуться к самим себе. Да, мы хотим вернуться к самим себе, встретиться с нами самими, потому что Испания умела быть сильной, трезвой, суровой, умела жертвовать собой ради духовных ценностей, умела быть героической вопреки всему и посылать своих сынов на смерть, когда это было необходимо. В Испании не было партий, пока она не утратила свою силу. Вы можете себе представить радикалов-социалистов во времена Филиппа II? И без политических партий Испания вела славную борьбу на арене, которой был весь мир, с врагом, которым был не кто иной, как сам Сатана.

Зачем Испания отправилась в Америку

Испания отправилась в Америку не за серебром, а для того, чтобы сказать индейцам, что все люди — братья, белые и черные, все, потому что за много веков до этого, в другой, отдалённой земле один Мученик пролил свою кровь и принёс себя в жертву, чтобы эта кровь установила любовь и братство между людьми на Земле.

Испания знала тогда, что такое свобода. Это не нынешняя свобода, которая служит лишь для того, чтобы печатать всякую грязь, а свобода иметь единую и сильную Родину.

Чего хочет Испанская Фаланга

Мы, Испанская Фаланга, хотим двух вещей:

Во-первых, социальной справедливости, которая для нас не является предметом торга; это социальная справедливость для всех, потому что для нас не существует классов, и требования рабочих это требования не их одних, а всей Испании, потому что Испания этого хочет.

Во-вторых, мы хотим иметь нацию, потому что сегодня её у нас нет. И одно из двух: или мы будем бороться за власть, или останемся инертными. Я мог бы задать этот вопрос кому-нибудь другому, но только не вам, жителям Эстремадуры; вы могли бы красноречиво ответить мне, указав на конную статую Писарро в Трухильо.

(«Фаланхе Эспаньола», № 6, 8 февраля 1934)

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ ГАЗЕТЫ «AHORA»

— Существует ли в Испании опасность переворота?

— Думаю, что да, — ответил Хосе Антонио. — Революционная опасность налицо, и противодействовать ей можно с двух сторон; с одной стороны, государство должно материально подготовиться к самозащите, а с другой — необходимо понастоящему глубоко понять социальную проблему, чтобы решить её. Эту проблему нельзя ни игнорировать, ни искажать, а обе эти тенденции исходят от социалистической партии, одна часть которой надеется мирно ждать в условиях буржуазной республики, как будто глубокой социальной проблемы вообще нет, а другая фальсифицирует подход к социальному вопросу, сводя дело к ряду уступок, как будто таким образом можно обрезать когти революции. Надо заинтересовать народ одним общим делом улучшения жизни, но это не должно выглядеть так, что один класс будет бросать куски мяса другому, голодающему и обозлённому, и смотреть, успокоит ли его это. Надо подходить к этому вопросу глубоко и со всей искренностью, чтобы общее дело государства стало и делом пролетарского класса. А вот чего нельзя делать, так это не допускать пролетарский класс к власти. Это решающее обстоятельство. Пролетарский класс своей борьбой завоевал себе место во власти, и пытаться снова оставить его за воротами системы правления совершенно невозможно. Единственное решение заключается в том, чтобы изменить интернациональную или вненациональную ориентацию пролетарских сил и превратить их в национальную силу, осознающую свою солидарность с национальными судьбами.

— Считаете ли Вы возможным такое преображение социалистов?

— Да, я считаю, что испанский социалист, если его поскрести, — испанец, и поэтому пусть у него сохранится от социалиста только лучшее, а именно тенденция к улучшению жизни рабочих и стремление к социальной справедливости. Если же мы возьмём социалистов немецкого типа, лабораторных марксистов, то с ними дело обстоит гораздо сложней, но я верю, что внутри почти каждого социалиста в Испании сидит испанский социалист, а это очень разные вещи.

— Но ведь нелегко будет подвигнуть испанское рабочее движение к такой перемене его идеалов?

— Пожалуй, нелегко, но тем привлекательней эта задача. В конечном счёте, мы этого достигнем. Единственная тактика, которая используется против нашего движения, это искажение его идей. Никто не идёт на нас в лобовую атаку, ни одна антифашистская газета не сражается с фашизмом честно, а искажает его цели, заявляя, что это движение имеет целью угнетение рабочих. Любой средне образованный человек знает, что это не так, а совсем наоборот.

Перед лицом угрозы переворота у пролетарской массы есть лишь три пути: подчиниться власти, заключить с нею пакт или превратить её в силу нового типа. Первые два варианта — проблемы правительства. Поскольку мы не у власти, это не в нашей компетенции. Третий — это то, чего мы хотим и надеемся достичь с помощью пропаганды и духовного завоевания масс.

— Вы не верите в эффективность промежуточного решения?

— Это идея популистских партий. Но все эти партии похожи на стерилизованное молоко: в нём нет микробов, но нет и витаминов. Они не представляют опасности, которую несёт в себе фашистский опыт, но у них нет и духовной силы как у нас и у социалистов.

— Однако, всё указывает на то, что в том случае, если социалисты, научённые опытом Италии и Германии, вознамерятся взять власть, дать бой революции смогут разве что силы этого типа, популисты, а именно Аксьон Популар.

— Если этого не сделают гражданская гвардия и Асальто.

— Вы не верите в эффективность этой гражданской организации?

— Нет. Во-первых, потому что мне кажется, у них нет никаких эффективных элементов, которые они могли бы использовать, а во-вторых, потому что жизнью рискуют не так часто, как кажется. Жизнью всегда рискуют только, руководствуясь высокими духовными мотивами. Милиция консерваторов не годится для борьбы не на жизнь, а на смерть, потому что, когда защищают лишь материальные блага, жизнь всегда дороже.

— В этих условиях социалистические силы, если они опередят создание какой-либо фашистской организации, имеют большие шансы на победу, разве не так?

— Не знаю. В данный момент, если не говорить о нас, очевидно, что социалисты — это единственная сильная гражданская организация.

— Есть ли общий знаменатель для объединения всех правых сил?

— Я не вижу такого общего знаменателя и не очень-то хочу его искать. В любых союзах всегда совпадает наименее важное. Любое совпадение — это отказ каждого участника союза от того, что составляет его силу, ради того, чтобы у всех совпали их слабости. Я не верю, что перед лицом революционной угрозы можно пробудить инстинкт самозащиты без другой революционной надежды, другого энтузиазма такой же поэтической силы, и я думаю, что никто из наших предшественников в современной испанской политике не имел такого энтузиазма, какой есть сейчас у нас. Есть одна традиционалистская группа, обладающая позитивной испанской жизнеспособностью и настоящей воинской традицией, но ей не хватает восприимчивости к новому, современной техники, а также понимания социальных проблем. Её видение этих проблем не современно, хотя у неё есть хорошая опора в профсоюзах. Но я считаю, этой силы недостаточно для того, чтобы сдержать революцию, несмотря на то, что эта правая сила сильна духом.

— Возможно ли какое-то совпадение между вашим воинственным духом и духом традиционалистов и сотрудничество с правительством в этих вопросах?

— Я не знаю, какие отношения правительство может установить с прочими группами или с Аксьон Популар. С нами — никаких.

— А в будущем?

— Я думаю, наше будущее не в контактах с уже сформировавшимися группами, а в усилении за их счёт, потому что их молодёжь перейдёт к нам. Роль, которую выполняет Хиль Роблес, это противодействие революции, имея в руках орудия власти. Благодаря тому, что он имеет большинство в парламенте, он может стать председателем Совета министров или министром внутренних дел и тогда он подавит революцию, но это будет не победа одного духа над другим, а победа лучшей технической организации. Революционерам с ружьями будут противостоять пулеметы и танки. Но это будет не столкновение двух революционных тенденций, а война политической тенденции с арсеналом, с военной техникой. Поэтому я не думаю, что это снимет вопрос о возможной в будущем испанской революции.

— Значит, вам остаётся только надеяться, что Хиль Роблес и его движение выполнят свою миссию, а потом будут побеждены?

— Надеяться можно во сне и наяву. Мы надеемся наяву.

— Достаточно широко распространено убеждение, что фашизм не смог бы укорениться в Испании. Что Вы можете противопоставить этому мнению?

— Я думаю, если бы он укоренился, Испания проявила бы замечательную дисциплинированность. Дело в том, что эта необходимость возникла после века упадка. В данный момент наша способность к дисциплине и организации очень ослабла, но никто не говорит о том, что мы не в силах найти средство снова её обрести. Фашизм — это универсальный способ возвращения народа к самому себе. Нам говорят, будто мы подражаем Италии.

Это верно в том отношении, что мы ищем смысл нашего существования в самих себе. Но эта позиция, скопированная, если хотите, в то же время вечная и она даёт самые положительные результаты. Италия обрела Италию. Мы, вернувшись к самим себе, обретем Испанию.

— Фашизм, но сути своей, националистическое движение. В чём заключается тот национализм, который вы хотели бы стимулировать?

— Родина — это миссия. Если мы сведём идею Родины к территориальному или этническому аспекту, мы утонем в бесплодном партикуляризме и регионализме. Родина не может быть ничем иным, кроме как миссией. Сейчас уже нет больше континентов, которые можно завоевать, и нечего тешить себя иллюзиями завоеваний. Но устарела в мировом масштабе и демократическая идея, воплощенная в Лиге наций. Миром снова должны управлять три или четыре расовых общности. Испания может быть одной из них. Она расположена в важнейшей, ключевой географической позиции и имеет духовное содержание, которое позволяет ей надеяться на один из этих командных постов. И эта цель достижима. Мы не можем быть страной-середнячком, потому что либо мы огромная страна, которая выполняет мировую миссию, либо деградировавший народ, существование которого бессмысленно. Испания должна снова заявить претензии на роль страны, правящей миром.

— Не все гражданские способны воспринять великие идеи националистов. Что может толкнуть к фашизму простого человека из народа?

— Для тех, кто не может воспринять великий национальный идеал, есть другой стимул — социальный идеал. Несомненно, цель нашего движения — социальная справедливость, подъём жизни на более высокий уровень Фашизм говорит о национальном величии, но одно из звеньев этого величия — материальное улучшение жизни народа. Социальные проблемы интересны и для простых людей, но и национальные может воспринять гораздо больше людей, чем думают. Внутри каждого испанского социалиста сидит националист.

(«Ahora», 16 февраля 1934)

ИСПАНСКАЯ ФАЛАНГА И ХОНС

Начиная с прошлой недели, Испанская Фаланга и ХОНС образуют единую организацию с единой руководящей Хунтой, полным слиянием на всех уровнях иерархии, национальном и местных, с искренним братством всех масс сторонников. Иначе и не могло быть. Это не достигнутое объединение, а осознанное братство. Поэтому мы не затратили ни минуты на споры о программе. Вместо этого, при всей практической работе по объединению руководящих органов с обеих сторон были проявлены такое великодушие и такая добрая воля, что не возникло никаких трудностей при обсуждении и распределении постов. Единственным критерием было максимальное усиление нашего общего дела по спасению Испании и построению нового государства. Это послужит хорошим примером для всех провинциальных хунт.

Испанская Фаланга и ХОНС были двумя идентичными движениями с одним этическим и патетическим духом, с общими интеллектуальными корнями, рождёнными одной школой испанской самобытности. Оба движения служили и служат одним и тем же великим и неизменным ценностям истории нашей Родины и одинаково относятся к порокам нашего времени. Кроме того, людей из Испанской Фаланги и ХОНС связывают истинная дружба и взаимное признание, которые раз и навсегда исключают любые поверхностные различия и любое соперничество, вызванное обстоятельствами.

В этот последний момент раздельного существования Испанской Фаланги и ХОНС воздадим хвалу тем, кого мы всегда восхваляли между собой. Это товарищи, которые теперь едины с нами не только в вере и в борьбе, которые всегда были общими, но и в дисциплине, в ощущении себя ежеминутно под тем ясным имперским символом ярма и стрел, который отныне будет нашим и который мы всегда считали нашим и незаменимым. Вместе с ХОНС, в едином и новом братстве

мы восстановим их на гербе, на солнечных часах Испании, ярмо и пучок стрел, совершенное равновесие пасторали и эпопеи. Это цель нашей борьбы, товарищи из движения, которое отныне и навсегда будет называться Испанской Фалангой Хунт национал-синдикалистского наступления.

Наши братья из ХОНС, которых возглавляет Рамиро Ледесма, первыми проделали пролом. Они повели первую партизанскую войну нового стиля, это мартовские петухи, шумные и закалённые в боях, возвестили весёлую весну Испании, зелёные бутоны которой теперь распускаются повсюду. Иначе и не могло быть. Два движения с одинаковыми целями и одинаковой техникой, укреплённые к тому же нерушимым принципом единства и ликвидации партий, не могли сделать иного выбора: либо взаимоуничтожение, что было бы бесчеловечным, неразумным и абсурдным, либо слияние и демонстрация и без того уже очевидной жизнеспособности. Мы выбрали союз, и нам улыбнулась Фортуна.

Движение ХОНС настаивало, прежде всего, на жёстких требованиях профсоюзов, которые у нас выражались, может быть, не с такой силой, но тоже нами учитывались. Вместе с ХОНС мы сегодня в большей степени, чем вчера, образуем один боевой кулак, мы категорически «не левые и не правые», мы за Испанию, за справедливость, за общность судьбы народа как победоносного единства классов и партий.

Как и предвидело руководство, непосредственным результатом объединения было то, что наше Движение стало обладать гораздо большей притягательностью. В тот же день, когда был заключён пакт, этот ожидаемый результат выразился в широких масштабах не только в виде большого притока новых членов, но и во вхождении в блок важных ячеек, о которых мы вскоре сообщим.

Мы все приветствуем этот братский союз, абсолютный и безоговорочный, товарищи из Испанской Фаланги и из ХОНС. При написании этой статьи наши названия в последний раз употреблялись раздельно. Мы объединились как благородные и великодушные люди, чтобы самоотверженно защищать Родину, а не ради частных интересов, которые объединяют классовые партии под маской великих принципов. У нас нет второстепенных классовых интересов и те, кто нас знает, кто видел нас вблизи и изнутри, это подтвердят. Нас объединяет не только всё самое высокое и благородное,

но скорее даже чувство, чем разум. Кровь наших павших объединяет нас и их кровью скреплён наш пакт. Здесь внизу мы обнялись и образовали один кулак, а там, в вышине, на голубом небе Испании, сегодня крепко обнялись Хосе Руис де ла Эрмоса и Матиас Монтеро и Родригес де Трухильо. Они присутствуют перед нашими сплочёнными рядами. Товарищи из Испанской Фаланги и из ХОНС: теперь у нас навсегда один клич: «¡Arriba España!» («Воспрянь, Испания!» - *Ред.*).

«Фаланхе Эспаньола», №7, 22 февраля 1934, год выпуска II

РЕЧЬ, ПРОИЗНЕСЁННАЯ В КАРПИО ДЕ ТАХО (ТОЛЕДО)

25 февраля 1934

Когда мы ехали сюда, по этим улицам, кто-то, несомненно, с намерением досадить нам, крикнул: «Салют и революция!» Он нам не досадил, это то, чего мы хотим: здоровья (исп. «salud») нам, вам и вашим детям — и революции, глубокой и настоящей революции, а не той, обещаниями которой вас и ваших отцов и ваших дедов обманывали уже более века.

Сначала, как рассказывают ваши деды, несколько господ собрались однажды в одном салоне и написали какую-то бумагу, в силу которой вы все уже считаетесь свободными людьми. Свободными и суверенными. Но ваша свобода заключается в том, что написанное в этой бумаге разрешает вам делать всё, что угодно, например, писать, когда вам этого захочется, но государство не позаботилось о том, чтобы обучить вас грамоте, чтобы вы могли воспользоваться этим правом. Вам разрешили также свободно выбирать себе работу, но поскольку вы бедны, а другие богаты, именно богатые определяют условия труда по своему усмотрению, а вы вынуждены соглашаться с ними, или умереть с голоду. И в то время как вы переносите холод и жару, трудясь на земле, которая никогда не была вашей, страдаете от болезней, нищеты и невежества, законы, написанные для городских людей, насмехаются над вами. Они говорят вам, что вы свободны и суверенны только потому, что раз в два или три года вы принимается участие в игре, бросая листки бумаги в стеклянные урны, из которых потом извлекут имена тех, кто быстро забудет о вас, о вашем голоде и труде, — до следующих выборов.

В качестве реакции против этого издевательства вам предлагают свои услуги вторые освободители: первые назывались либералами, нынешние — социалистами. Социалисты много чего обещают вам, а вы, убеждённые ими, заполнили три года назад бюллетенями с их именами пресловутые стеклянные урны.

Вы видите, что сделали социалисты. Первое, что они вам обещали, это провести аграрную реформу. Очень тяжело работать на земле, которая никогда не будет твоей. Социалисты обещали отдать вам землю. Кортесы приняли закон об аграрной реформе, на который приятно посмотреть.

Три года прошло, и где она, эта аграрная реформа? Если кто-нибудь из вас приедет в Мадрид, я покажу ему её результаты. Я покажу ему Институт аграрной реформы: он увидит его лестницы и ковры, автомобили у входа и множество людей, которые нашли там тёплое местечко. Но ни эти лестницы, ни ковры, на автомобили, ни синекуры не сделали ничего для того, чтобы земля стала более плодородной, и чтобы вы меньше голодали.

После первого и второго освобождения вы по-прежнему остаётесь рабами земли, поденной оплаты, банка, который закабаляет вас, заставляя заранее выплачивать ростовщические проценты, как было и до того, как пришли освободители. Вам по-прежнему необходима революция. Поэтому, когда нам кричат: «Салют и революция!», мы отвечаем в той же форме: «Физическое и духовное здоровье и революция, для того, чтобы вы были счастливы и достойно жили на этой земле, на которой проходит ваша жизнь». И вы этого не добьетесь, и мы не добьемся, пока мы разделены.

Худшим в предыдущих революциях было то, что они начали разделять нас. Либеральная революция разделила нас на политические партии и натравливает нас друг на друга в борьбе за наши голоса, а социалистическая революция делит нас на классы, борьба между которыми нескончаема. Так мы ничего не достигнем: народ похож на большой корабль, на котором либо все утонут, либо доплывут до гавани. Страны, где рабочие добились наибольших преимуществ и где с ними обращаются наиболее достойно, это не те страны, где установлена классовая диктатура, а те, где над всеми классами стоит государство, которое выполняет свою высшую миссию — объединить Родину.

Революцию мы должны сделать все вместе, и таким образам мы добьёмся свободы для всех, а не для класса или партии, одержавших победу. Когда мы все станем свободными, мы сделаем свободной, великой и сильной Испанию. Мы по-братски разделим между всеми успехи и беды, потому что между нами не будет братского единства, пока одни имеют привилегии и могут не обращать внимания на страдания других.

Объединённые одним делом, общими усилиями мы возродим Испанию. Как давно вам уже не говорят об Испании? Социалисты хотели бы искоренить в вас всё духовное, они говорят вам, что на жизнь народов влияет только экономика. Не верьте им! Мы пришли в мир не только для того, чтобы питаться и работать, как животные. Поэтому на нашей эмблеме вместе с ярмом труда изображены стрелы могущества. Мы надеемся снова увидеть Испанию властительницей. Нет больше земель, которые можно завоевать, но мы можем завоевать для Испании руководящую роль в духовной жизни всего мира. Вспомните, что здесь, в Толедо, некогда находилась столица мира, что отсюда, из Кастилии, не имеющей выхода к морю, были проложены пути по океанским волнам и установлены законы для далёких континентов. Именно в те времена, когда вся Испания была едина в своём страстном стремлении к выполнению мировой миссии, испанцы жили лучше, были свободней и счастливей.

Ради свободной и сильной Испании, в которой воцарилась бы социальная справедливость, мы проповедуем свои идеи, разъезжая по градам и весям. Во многих местах на нас нападали, пятеро наших товарищей уже пали, будучи предательски убитыми. Может быть, и нас ожидает та же участь. Но какое это имеет значение! Жизнь ничего не стоит, если не посвятить её великому делу. А когда мы умрём и нас похоронят в испанской матери-земле, в вас останутся посеянные нами семена. И решительная поступь выращенных нами фаланг возвестит потомкам благую весть, что Испания снова наша.

(«Фаланхе Эспаньола», № 8, 1 марта 1934)

БАСКИ И ИСПАНИЯ

Речь, произнесённая в парламенте 28 февраля 1934 Стенограмма

Избави нас Бог, господа, намеренно извращать ещё одну националистическую проблему. В Каталонии мы уже имеем дело со злобным сепаратизмом, трудно поддающимся излечению, и я думаю, вина за этот сепаратизм частично лежит на нас. Потому что мы не сумели достаточно быстро понять, что такое Каталония на самом деле. Каталонцы — народ, по сути, сентиментальный, народ, который совершенно не понимают те, кто приписывает ему практические желания и цели во всех его делах. Каталонцы — народ с поэтическим налётом, которым отмечены не только его сугубо художественные формы выражения, такие как старинные песни или литургия сардан, но самая обычная мещанская жизнь, вплоть до наследственного обычая тех барселонских семей, которые передают от отца к сыну маленькие лавки на старых улочках в окрестностях пласа Реаль. Эти семьи не только живут с поэтическим чувством, не осознавая его, но и продолжают традицию удивительно утончённой, семейной, цеховой поэзии. Это не было своевременно понято, с Каталонией не умели обращаться и в результате усугубили проблему, из которой я вижу лишь один выход. В том случае, если новая испанская поэзия сумеет возбудить в душе Каталонии интерес к общему делу.

Избави нас Боже также от искажения ещё одной проблемы регионального характера. Говоря об этом, я заранее объявляю, что поддерживаю особое мнение господина Сальмона и голосую против Статута. Я считаю, что эта проблема Статута Страны басков заключает в себе гораздо более важные моменты, нежели вопрос о том, состоялся ли плебисцит и не фальсифицированы ли его результаты, применима ли в данном случае статья 11, статья 12 или какая-либо из других статей, через запутанные джунгли

которых я при всём моем тщеславии не могу пробраться. Главное здесь в том, что баскский Статут, наряду с сепаратистским духом, враждебным Испании, содержит и глубоко антибаскский дух, в чём, похоже, не отдают себе отчёта сами его авторы.

Жизнь баскского народа, как и жизнь всех народов, это трагическая борьба между стихийностью и историчностью, борьба между природным, доступным и для инстинктивного понимания, и искусственным, невероятно трудным для понимания сознанием своей судьбы в мировой истории. Народы превращают в нации не те или иные расовые черты, не язык и не климат; народ поднимает по иерархической лестнице на уровень нации выполнение мировой миссии. Точно так же, как для того, чтобы стать личностью, а не остаться на уровне созданного природой индивида, надо стать отличным от других и установить определённые отношения с другими. Так и для того, чтобы стать нацией, надо выделиться на мировом уровне. Мы являемся нацией в той степени, в какой делаем то, чего не делают другие народы.

Итак: является ли баскский народ единицей мирового масштаба? Следует ли он своей судьбе в судьбах мира? Положительный ответ очевиден: баскский народ дал миру столько адмиралов, что они могли бы составить славу целого народа; он дал миру универсальный гений Игнасио Лойолы. И баскский народ дал миру этих гениев именно тогда, когда достоинство нации в нерушимом единстве с Кастилией.

(Депутат Пикавеа: «Когда он имел больше свободы, чем та, на какую мы можем претендовать сегодня». Депутат Агирре: «Именно так. Об этом мы поговорим позже». Шум в зале). Когда установилось его нерушимое единство с Испанией, потому что Испания — это историческая нация, потому что Испания это не Кастилия против Басконии, а Баскония вместе с Кастилией и всеми остальными народами, входящими в состав Испании. Она следует своей судьбе в мире и оправдывает свое существование этой судьбой. Провидение быстро даровало ей мировую судьбу, потому что в том же 1492 году, когда Испания завершила свою мировую миссию борьбы с исламом, началась её другая мировая миссия — открытие и завоевание Нового света. И баскский народ перестал жить примитивной жизнью, жизнью рыбаков и охотников, именно тогда, когда связал свою судьбу с судьбой всей Испании.

Позже, когда баскский народ, соединившись с Испанией, окончательно вошёл в историю, появились опекуны баскского

народа. Они решили заставить его отречься от этого исторического единства, от этого символа, благодаря магической силе которого он смог войти в историю, будучи объединенным с Испанией, войдя в состав Испании. Они хотят снова оторвать его от Испании, вернуть его к природе, к стихийности, к возделыванию земли, к его обычаям и музыке. Это намерение антибаскское, потому что оно опять открывает двери природному, стихийному в противовес всемирно-историческому, тому, что было историей баскского народа, включённой в историю Испании *(одобрительные возгласы)*.

Поэтому я считаю, что миссия Испании в этот критический момент не в том, чтобы проверять, сколько голосов получил Статут. Миссия Испании в том, чтобы помочь баскскому народу сорвать эти планы его плохих опекунов, потому что баскский народ может дать себя увлечь националистической пропагандой. Все лучшие умы баскского народа, все баски мирового значения, в душе испанцы и искренне чувствуют единую, мировую судьбу Испании. Если кто сомневается, то пусть г-н Агирре разрешит мне привести примеры: из басков, присутствующих в этой палате, возьмем дона Рамиро де Маэсту, а из тех, кого здесь нет, — дона Мигеля де Унамуно. Как и они, все лучшие баскские умы в душе испанцы. *(Депутат Агирре: «Господа, позвольте мне прервать оратора небольшой справкой. Я хотел бы отметить, что худшие умы из среды басков, такие, как мы, пользуются поддержкой народа. А такие господа, как Маэсту и Унамуно, к которым я, со своей стороны, питаю глубочайшее уважение, приезжали в нашу страну, и наш народ их отверг. Почему? Потому что они не умеют правильно истолковать его чувства...». Шум в зале)*. Нет, господин Агирре. Гораздо трудней понять Маэсту и Унамуно, чем орать на футбольном матче. Может быть, господа Маэсту и Унамуно, лучшие баскские умы, а сторонники Статута — любимая футбольная команда.

(Агирре: «Ваша милость мудрей всех, и против названных господ мы не можем ничего сказать: это правда. Мы дадим вам адекватный ответ. Вы совершенно не знаете нашу историю, и мы сомневаемся, что все названные господа из традиционалистского меньшинства согласятся с оценками г-на Примо де Риверы...»)

(Начинается перепалка между депутатами. Председатель призывает их к порядку).

Примо де Ривера: Это моя личная просьба к Палате. Давайте отвлечёмся от этих процессуальных вопросов, от деталей, от статей Конституции и будущего Статута. Испания находится в трагической ситуации, сегодня она защищается у Алавы, а завтра ей, может быть, придётся защищаться у Бискайи. Даже против своей собственной воли, от попытки вернуть великий народ, имена великих людей которого запечатлены в истории самых знаменитых морских путешествий, к первобытному образу жизни охотников, пахарей и рыбаков.

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ОБЪЯВЛЕНИЕ О СОЗДАНИИ ИСПАНСКОЙ ФАЛАНГИ ХОНС

Речь, произнесённая в Театре Кальдерона в Вальядолиде 4 марта 1934

Здесь не должно быть ни аплодисментов, ни здравиц в чью-либо честь. Здесь каждый только солдат, участник общего дела. Дела нашей Испании.

Могу заверить тех, кто меня всё же приветствует, что мне это совсем не нравится. Мы пришли сюда не для того, чтобы нам аплодировали и не для того, чтобы поучать, а для того, чтобы учиться.

Мы можем многому научиться у этой земли и у этого неба Кастилии, потому что часто живём в отрыве от них. Земля Кастилии — это земля, у которой нет ни лучших частей, ни мелких деталей. Абсолютная земля, ни в коей мере не подходящая для раздела на частные владения, для того, чтобы быть опорой аграриев, приятно проводящих досуг на своих ассамблеях. Это земля, хранительница вечных ценностей, жители которой скромны в поведении, их жизнь проникнута религиозным чувством, и когда они говорят, и когда молчат, а потомки солидарны с предками.

И над этой абсолютной землёй — абсолютное небо.

Небо такое голубое, без отблесков солнца на краях облаков и без зеленоватых отражений листвы деревьев, что о нём говорят: оно настолько светло-голубое, что кажется почти белым. И Кастилия с её абсолютной землёй и абсолютным небом не могла оставаться провинцией, она была предназначена для того, чтобы быть центром Империи. Кастилия никогда не могла жить местными интересами, а только всемирными, поэтому Кастилия отказалась от самой себя, не осталась в тех пределах, в которых она заключена. Да эти пределы и не обозначены ни вширь, ни ввысь. Кастилия, эта земля, украшенная такими великолепными названиями, как Тордесильяс, Медина дель Кампо, Мадригал

де лас Альтас Торрес. Земля апелляционного суда, ярмарок и замков, т.е. справедливости, войны и торговли, заставляет нас понять, какой была та Испания, которой у нас больше нет, и наполняет наши сердца ностальгией о ней. Потому что, если мы обращаемся с новой благой вестью ко всем градам и весям Испании, затрачивая при этом много труда и порой подвергаясь опасности, то делаем это по той причине, что, как сказали все товарищи, которые выступали до меня, мы остались без Испании. Испания разрывается тремя видами расколов: местным сепаратизмом, борьбой между партиями и разделением на классы.

Местный сепаратизм — это признак упадка, который начинается именно тогда, когда забывают, что Родина не есть нечто физическое, непосредственно воспринимаемое даже в самом первобытном, стихийном состоянии. Родина — это не вкус воды из определённого источника и не цвет почвы в каких-то рощах, Родина — это историческая, мировая миссия. Жизнь всех народов это трагическая борьба между стихийностью и историчностью. Народы, живущие в первобытном состоянии, умеют улавливать, почти как растения, особенности земли. Народы, которые вышли из этого первобытного состояния, знают, что их объединяют не особенности земли, а мировая миссия, которая отличает их от прочих народов. В эпоху упадка этого чувства мировой миссии снова начинают расцветать сепаратизмы, люди опять начинают возвращаться к своей земле, своей музыке, своему языку и опять возникает угроза тому славному целому, каким была Испания в свои великие эпохи.

Кроме того, мы разделены на политические партии. Эти партии полны всякими отбросами, но, независимо от наличия в них этих отбросов, есть глубокое объяснение причин возникновения политических партий, достаточное для того, чтобы они стали для нас ненавистными.

Политические партии рождаются в тот день, когда теряется ощущение того, что выше людей существует истина, под знаком которой народы и люди выполняют свою миссию в жизни. Эти народы и эти люди до того, как родились политические партии, знали, что над их головами сияет вечная истина, а антитезис вечной истины — абсолютная ложь. Но наступает момент, когда людям говорят, что ни истина, ни ложь не являются абсолютными категориями, что обо всём можно спорить, что все проблемы можно решить путём голосования, например, оставаться Родине единой или покончить жизнь самоубийством, существует Бог

или нет. Люди делятся на враждующие лагеря, ведут пропаганду, оскорбляют друг друга, агитируют, а в итоге в одно из воскресений водружают на стол стеклянную урну и начинают бросать в нее листки бумаги, на которых написано, существует Бог или нет, должна Родина кончать самоубийством или нет.

И в результате всего этого собирается Палата депутатов.

Я приехал сюда, помимо прочих причин, для того, чтобы подышать этим чистым воздухом, потому что мои легкие полны миазмами Палаты депутатов. Если бы вы видели, в нашу эпоху стольких волнений и бед; если бы вы, те, кто живёт в селах и обрабатывает поля, видели, что это такое! Если бы вы побывали в этих кулуарах, где депутаты собираются в кружки и смеются над бородатыми анекдотами! Если бы вы видели, как в тот день, когда обсуждался вопрос о расчленении тела Испании, буквоеды говорили только о тех или иных статьях Конституции, о том, сколько процентов голосов при плебисците необходимо для принятия решения.

Век, который оставил нам в наследство либерализм и вместе с ним — парламентские партии, передал нам и эстафету классовой борьбы, чего нам только и не хватало! Экономический либерализм объявил, что все люди могут работать, как хотят; он покончил с рабством. Да, рабочих больше не подгоняли палками, но, поскольку рабочие не имели иных средств пропитания, кроме заработка, поскольку рабочие были беспомощными и безоружными перед властью капитализма, капитализм диктовал условия, а рабочие вольны были принимать их или умереть с голода. Таким образом, мы видим, что либерализм, хотя он и писал на бумаге замечательные декларации о правах человека, которые, к сожалению, никто не читал, по той, в частности, причине, что народ не научили читать; хотя либерализм и писал такие декларации, он сделал нас свидетелями самого бесчеловечного зрелища, какое когда-либо видел мир. В лучших городах Европы, в столицах государств с самыми совершенными либеральными учреждениями, ютятся в тесноте человеческие существа, наши братья, в бесформенных домах, внушающих ужас, зажатые в тисках нищеты, среди голодающих детей, больных анемией и туберкулезом, а им периодически с насмешкой говорят, что они свободны и даже являются носителями верховной власти.

Ясно, что в один прекрасный день рабочие должны были возмутиться против этого издевательства и должна была разразиться классовая борьба, мотивы которой были справедливы. Ведь

социализм, в начале, приводил справедливые доводы, и мы не можем этого отрицать. Но социалисты вместо того, чтобы следовать по своему первоначальному пути надежды на социальную справедливость между людьми, стали рассуждать только об освобождении рабочих. И за ними пошли рабочие, гордые самими собой, называющие себя марксистами. Именем Карла Маркса уже названы улицы во многих городах Испании, хотя Карл Маркс был немецкий еврей, который с ужасной бесстрастностью наблюдал из своего кабинета за самими драматическими событиями своей эпохи. Это был немецкий еврей, который, изучая работу английских фабрик в Манчестере, сформулировал неумолимые законы накопления капитала, а, формулируя эти законы производства с учётом интересов хозяев и рабочих, писал письма своему другу Фридриху Энгельсу, где он называл рабочих плебеями и сбродом, которыми следует заниматься лишь в той степени, в какой они могут послужить доказательством правоты его учения.

Социализм перестал быть движением за освобождение людей и стал учёной доктриной. Вместо того, чтобы восстановить справедливость, он стал её нарушать, прибегать к репрессиям, точно так же, как это делает буржуазия. Кроме того, Маркс объявил, что классовая борьба никогда не прекратится, и дал материалистическое толкование истории, т.е. её объяснение при помощи одних лишь экономических явлений. Когда марксизм достиг своей кульминационной точки в такой организационной форме, как большевистская революция, детям стали говорить в школах, что религия это опиум для народа, Родина — слово, придуманное для прикрытия угнетения, а стыд и любовь отцов к детям это буржуазные предрассудки, которые необходимо решительно искоренять.

Вот чем стал современный социализм. Вы думаете, если бы рабочие это знали, они испытывали бы симпатии к столь ужасной и бесчеловечной системе, родившейся в голове того еврея, которого звали Карл Маркс?

Когда мир стал таким, в Испании вступило в жизнь наше поколение, люди, которым около тридцати лет. Мы могли бы принять существующую систему и толкаться в кулуарах Палаты депутатов или пойти по пути эксцессов, что ещё более убедило бы пролетарские массы в необходимости классовой борьбы. Это было бы очень легко и, на первый взгляд, имело бы свои преимущества. Если бы кто-то из нас записался в консервативно-республиканскую, радикальную или в либерально-демократическую

партию или в Аксьон Популар, легко мог бы стать министром, потому что правительственные кризисы у нас случаются раз в 15 дней. Всё время появляются новые министры, так что задаёшь себе вопрос, остался ли в Испании кто-нибудь, кто еще не был министром?

Но для нас этого было бы слишком мало. Мы предпочли сойти с этого удобного пути и пошли по пути революции, как сказал наш товарищ Ледесма, по пути иной, истинной революции. Потому что все прежние революции были неполными, потому что ни одна из них не служила одновременно национальной идее Родины и идее социальной справедливости. Мы соединили эти две вещи, Родину и социальную справедливость, и, руководствуясь этими двумя нерушимыми принципами, хотим совершить нашу революцию.

Нам говорят, будто мы подражатели. Онесимо Редондо уже ответил на этот упрёк. Нас называют подражателями, потому что наше движение, движение за возврат к истинной сути Испании, имеет аналогии в движениях, которые ранее возникли в других странах. Италия и Германия вернулись к своей сути, разочаровавшись в мифах, с помощью которых их пытались стерилизовать. Но, по той причине, что Италия и Германия вернулись к себе, к своей сути, можем ли мы сказать, что они подражают Испании в поисках себя самих? Эти страны возвращаются к своей судьбе, мы хотим сделать то же самое, но самобытность, к которой мы стремимся, будет нашей, а не немецкой и не итальянской, поэтому, повторяя то, что сделали итальянцы и немцы, мы станем в большей степени испанцами, чем были когда-либо.

А товарищу Онесимо Редондо я хотел бы сказать: не переживай слишком по поводу того, что нас называют подражателями. Если нам удастся опровергнуть эту ложь, враги придумают другую. Источник козней неистощим. Пусть говорят, будто мы подражаем фашистам. В конце концов, в фашизме, как и в массовых движениях всех эпох, наряду с местными чертами, есть постоянные ориентиры, которые являются наследием человеческого духа вообще и которые везде одинаковы. Так было, например, в эпоху Возрождения. Так было, если хотите, с 11-сложным ритмом в поэзии. Мы заимствовали его из Италии, но уже скоро песни в этом ритме распевали в испанских сёлах, в нём писали на кастильском языке Гарсиласо и фрай Луис, а Фернандо де Эррера восхвалял Господина морских просторов, который даровал Испании победу при Лепанто.

Говорят также, будто мы реакционеры. Некоторые говорят это по незнанию, потому что рабочие слышали о нас, но не слышали нас самих. Но, несмотря на это, рабочие нас услышат, а когда услышат, перестанут верить тем, кто это говорит. Потому что, когда люди хотят восстановить, как мы, нерушимую целостность судьбы, невозможно быть реакционером. Наоборот, реакционеры те, кто живёт в режиме борьбы, когда один класс стремится победить другой, а победив, прибегает к репрессиям. Мы не хотим участвовать в этой игре репрессий класса против класса или партии против партии. Мы ставим критерий всех наших дел выше интересов партий и классов. Этот критерий — и в этом глубина нашего движения — идея абсолютной целостности Судьбы, которая называется Родиной. При такой концепции Родины, использующей в качестве орудия сильное государство, не подвластное одному классу или одной партии, преобладающий интерес — интеграция всех в это единство, а не сиюминутный интерес победителей. Когда рабочие это узнают, они увидят, что единственное возможное решение — наше.

Другие считают нас реакционерами, потому что у них теплится слабая надежда, что, пока они злословят в казино и отказываются от отдельных привилегий, которых у них частично и так уже нет, мы будем штурмовой гвардией реакции и будем таскать для них каштаны из огня и оставим их сидеть в их креслах, откуда им удобно за нами наблюдать. Если с нами это случится, мы заслуживаем того, чтобы нас прокляли пятеро наших соратников, которые пали во имя великой цели.

Наконец, нам говорят, что у нас нет программы. А вы знаете хоть одну серьезную и глубокую вещь, которая когда-либо была сделана по программе? Когда вы видели, чтобы такие решающие, вечные вещи, как любовь, жизнь, смерть, соответствовали правилам программ? Что следует иметь, так это общее ощущение того, что нам нужно; общее чувство Родины, жизни, истории, и это общее чувство, ясное для души, подскажет нам в любой ситуации, что мы должны делать и чему отдать предпочтение. В наши лучшие эпохи у нас не было ни учёных кружков, ни статистиков, ни избирательных цензов, ни программ. Кроме того, если бы у нас была конкретная программа, мы просто были бы еще одной партией и походили бы на те карикатуры, которые на нас рисуют.

Все знают, что это ложь, когда говорят, будто мы копия итальянского фашизма, будто мы не католики и не испанцы, но те же самые люди, которые это говорят, спешат организовать левой ру-

кой некое подобие нашего движения. Они дефилируют в Эскориале, когда мы делаем то же самое в Вальядолиде. Когда мы говорим о вечной, имперской Испании, они тоже говорят, что тоскуют о великой Испании и о корпоративном государстве. Эти движения похожи на наше, как холодная закуска на блюдо с пылу, с жару, потому что наше движение отличает его температура, его дух. Какое нам дело до корпоративного государства? Какое нам дело, если будет ликвидирован парламент, но его место займут другие органы столь же сомнительной свежести, бесцветные, скользкие и улыбчивые, неспособные возбудить энтузиазм ни по отношению к Родине, ни по отношению к религии?

Нужно с большой осторожностью относиться к идее корпоративного государства, как и ко всем этим новым идеям, которые многие внушают нам, надеясь, что мы превратимся в еще одну партию. На эту опасность нам уже указал Онесимо Редондо. Мы не будем удовлетворены, если просто переделаем государство на иной манер. Мы хотим вернуть Испании оптимизм, веру в себя, указать четкую и энергичную линию общей жизни. Поэтому наше объединение — не партия, это войско; поэтому мы здесь не для того, чтобы пролезть в депутаты, статс-секретари или министры, а для того, чтобы каждый на своём посту выполнял ту миссию, которая ему поручена. Сегодня нас пятеро, сидящих за этим столом, но может наступить день, когда самый скромный из активистов будет приказывать нам, а мы будем ему повиноваться. Мы не претендуем ни на что, может быть, лишь на то, чтобы быть первыми в минуту опасности. Мы хотим, чтобы Испания снова вернулась к себе самой и чтобы с честью, социальной справедливостью, молодостью и патриотическим энтузиазмом снова прозвучали слова, которые жители этого самого города Вальядолида написали в письме императору Карлу V в 1516 году:

«Ваше величество должны взять в одну руке то ярмо, которое вам оставил ваш дед, католический король, и с помощью которого были покорены многие дерзкие и высокомерные, а в другую — стрелы несравненной королевы, вашей бабушки доньи Исабель, с помощью которых она так далеко отогнала мавров».

И они получили в этом самом городе Вальядолиде то, о чём просили, ярмо и стрелы, ярмо труда и стрелы власти. И мы, под знаком ярма и стрел, скажем то же самое в Вальядолиде: «Кастилия снова Испания!»

ЭССЕ О НАЦИОНАЛИЗМЕ

Романтическая концепция нации

Романтическая вера в природную доброту людей была старшей сестрой веры в природную доброту народов. «Человек рождается свободным, однако он повсюду в цепях», — говорил Руссо. Следовательно, это был руссоистский идеал: вернуть человеку его природную свободу и чистосердечие; демонтировать до возможного предела социальную машину, которая для Руссо была источником порчи. В соответствии с той же линией несколько лет спустя была сформулирована романтическая концепция национальности. Подобно тому, как общество было цепями для свободных и добрых личностей, исторически возникшие структуры подавляли стихийную и свободную жизнь народов. Требовалось срочно освободить людей индивидуально, что по идее должно было привести к освобождению народов.

Эта романтическая концепция, если рассмотреть её поближе, вела к понижению уровня, к устранению всего, что было добавлено усилиями Права и Истории к первичным единицам, каковыми были индивид и народ. Право превратило индивид в личность, а История превратила народ в полис, в государственный строй. Индивид по отношению к личности — то же, что народ по отношению к политическому сообществу. Согласно романтической концепции, необходимо было в обоих случаях вернуться к изначальному, к стихийному.

Индивид и личность

Право нуждается в качестве предпосылки в существовании органического множества индивидов. Единственному обитателю острова не нужно никакое право, у него нет никаких юридических обязанностей. Его деятельность ограничивается только его собственными силами, иногда и его моралью, но ничего подобного праву в подобной ситуации вообразить нельзя. Право всегда

включает в себя возможность чего-то требовать, но права предполагают и соответствующие обязанности; любой правовой вопрос это не только вопрос разграничения деятельности двух или нескольких субъектов. Предпосылка права — сосуществование, наличие системы норм, обуславливающих жизненно важные действия индивидов.

Индивид в чистом виде не является субъектом правовых отношений, это лишь физический, биологический субстрат, на котором Право строит систему регулируемых отношений. Настоящая юридическая единица — это личность, понимаемая не просто как живое существо, а как активный или пассивный носитель социальных отношений, способный требовать, могущий быть принужденным к чему-то, могущий соблюдать закон или нарушать его.

Природное состояние и нация

Аналогичным образом народ в его стихийной форме — всего лишь субстрат политического общества. Только с появлением последнего, в порядке самосознания, он может употреблять слово «нация», имея при этом в виду именно политическое общество, способное обрести свою действующую машину в лице государства. И здесь уточняется тема данной работы: разъяснить, что такое нация: стихийная реальность народа, как думают романтические националисты или нечто, не определяемое прирожденными особенностями.

Романтизм любил естественность. Его лозунгом был возврат к природе. Соответственно нация отождествлялась с природным состоянием. Нацию определяли этнические, лингвистические, топографические и климатические особенности, в крайнем случае, её считали общностью обычаев и традиции, но традицию понимали лишь как память об одних и тех же обычаях отдалённых времён, без ссылок на исторический процесс как путь от некой исходной ситуации к пункту назначения, остающемуся недостижимым.

Самые опасные националисты, разрушители, это те, кто понимает нацию подобным образом. Соглашаясь с тем, что нация определяется стихийными началами, сепаратистские националисты занимают неприступную позицию. Нет сомнения, что стихийность придаёт им чувство своей правоты. Ведь ощутить местный патриотизм так легко. Народы так быстро воспламеняются и приходят в буйное ликование от своих песен, от своих праздников, от своей земли. Во всём этом слышится чувственный зов, даже земля имеет свой аромат: это физический, примитивный и ослепительный процесс, нечто похожее на упоение и на расцвет растений в период оплодотворения.

Политическая глупость

Эти деревенские, первобытные условия жизни делают национализмы романтического типа крайне чувствительными.

Ничто так не раздражает людей и народы, как препятствия на пути их стихийных движений. Голод и похоть, занимающие одинаково высокое место среди тёмных зовов земли, способны, если мешать их утолению, привести к самым тяжёлым трагедиям. Поэтому крайне глупо противопоставлять романтическим национализмам — романтические действия, возбуждать эмоции против эмоций. В области аффектов нет ничего сильнее местного национализма, потому что он первичен и его чувствуют все. И тенденция бороться с ним, вступая на путь эмоций, заключает в себе опасность задеть самые стихийные, а потому и самые глубокие струны народного духа и вызвать в порядке реакции акты насилия против того, что пыталось заставить себя любить.

Примеры этому есть в Испании. Местные националисты искусно играют на первичных пружинах своих народов, таких как земля, музыка, язык, старые деревенские обычаи и семейная память о предках... И совершенно глупо бороться с этой националистической исключительностью, нажимая на те же самые пружины. Некоторые, например, насмехаются над этими стихийными проявлениями, другие грубо осмеивают каталонский язык.

Невозможно вообразить себе более неуклюжую политику: когда оскорбляют одно из этих первичных чувств, укоренившихся в стихийной глубине народа, стихийная реакция против этого неизбежна, даже со стороны тех, кто не очень сильно проникнут духом национализма. Речь идёт о биологическом феномене.

Но не намного умней и действия тех, кто пытается перед лицом местных патриотических чувств взывать непосредственно к простому чувству унитарного патриотизма. Противопоставить чувство чувству — это самое простое, что можно сделать в любом случае. Опускаться с унитарным патриотизмом на уровень аффектов — значит обрекать себя на поражение, потому что притяжение земли, ощущаемое чуть ли не на растительном уровне, самое интенсивное, поскольку самое близкое.

Своя судьба в окружающем мире

Как же оживить патриотизм больших разнородных объедин ний? Это можно сделать, только пересмотрев концепцию «наций чтобы построить её на иных основах. И здесь образцом нам м жет послужить то, что было сказано о различии между «индив дом» и «личностью». Подобно тому, как личность — это индиви рассматриваемый в зависимости от общества, так и нация — э народ, рассматриваемый в зависимости от всего человечества.

Личность — не белокурая и не черноволосая, не высокая и маленькая, не говорящая на том или ином языке, а носительни тех или иных регулируемых социальных отношений. Нет личнос ти, если нет других, как нет кредитора без должника; личнос занимает позиции, отличные от других. Личность, таким обр зом, определяется не изнутри, как агрегат клеток, а извне, ка носительница отношений. Точно таким же образом народ не я ляется нацией только благодаря своим физическим особенно тям, местному колориту или особым вкусам, а только потому, ч он занимает особое место в мире, потому что его судьба отлич от судеб других наций. Не каждый народ, не каждое скоплени людей это нация, а лишь те, кто следует своей историческо судьбе, отличной от судеб других наций.

Поэтому излишне выяснять, наличествует ли географическо единство нации, единство её расы или языка; важно только выяс нить, существует ли единство исторической судьбы в судьбах мир

В классические времена ясное понимание этого было привы ным. Поэтому слова «родина» и «нация» никогда не употреблялис в романтическом смысле и патриотизм не связывали с бессозна тельной любовью к земле. Раньше предпочитали такие выражени как «Империя» или «королевская служба», с намёком на роль «ору дий Истории». Слово «Испания» всегда значило больше, чем «ис панская нация». И в Англии, стране классического патриотизма существует не только слово «родина», но и неразделимые слов «король», символ действенного исторического единства, и «страна» (country), как территориальная база этого единства.

Стихийное и трудное

Мы подошли к концу пути. Только национализм нации, пони маемой в описанном здесь смысле, может преодолеть разлагаю щее воздействие местных национализмов. Надо признать вс их самобытность, но им надо противопоставить энергичное дви

жение с упованием на национализм более высокого уровня, сознающий свою миссию, понимающий Родину как историческое единство судьбы. Ясно, что этот вид патриотизма труднее всего почувствовать. Но в трудности задачи — её величие. Любое человеческое существование, жизнь личности или народа, это всегда трагическая борьба между стихийным и трудным. Тогда как патриотическое чувство родной земли не требует усилий даже со стороны злых людей, прекрасное стремление человека — оторваться от него и возвысить над ним патриотизм разумной и трудной миссии. Такова задача нового национализма: отказаться от глупого намерения бороться с романтическими движениями романтическим же оружием, твердо противопоставить романтической безбрежности неприступную крепость классики. Пусть патриотизм опирается не на аффекты, а на разум. Пусть патриотизм будет не смутным чувством, непостоянным, могущим ослабеть, а незыблемой истиной, подобной математическим истинам.

Это не значит, что мы превратим патриотизм в сухую рациональную схему. Духовные позиции, которые мы завоюем благодаря этому в героической борьбе против стихийности, позволят нам глубже понять нашу самобытность. Например, любовь к родителям, после того, когда мы выходим из возраста, когда в них нуждаемся, вероятно, искусственного происхождения, завоевание зарождающейся культуры, её победа над первоначальным варварством. В чисто животном состоянии связи родителей с детьми прерываются, как только последние становятся самостоятельными. Обычаи первобытных народов разрешают детям убивать отцов, когда те, по старости, становятся экономической обузой. Однако, сегодня почитание родителей настолько укоренилось в нас, что нам кажется, будто это самое инстинктивное из всех чувств. Этим, как и многим другим, награждено стремление к совершенствованию. Когда забываются инстинктивные радости, в конце пути на смену им приходят другие, столь желанные и столь интенсивные, что целиком заменяют старые подавлявшиеся, когда их начали преодолевать. У сердца есть свои доводы, которые разум не понимает. Но и у разума есть своя манера любить так, как, может быть, не умеет и сердце.

(Журнал ХОНС, № 16, апрель 1934)

ВОЗЗВАНИЕ К ИСПАНИИ

Испанская Фаланга ХОНС обращается к Испании

Снова, как уже столько раз за последнее время, судьба Испании под угрозой. Словно какое-то проклятие тяготеет над нашей Родиной: она всё никак не может стать реальностью, а остаётся неясным наброском.

Каждый раз, когда возникает перспектива возрождения общей национальной надежды, её быстро гасит борьба одних партий против других. В последний раз это было 14 апреля, три года назад. Тогда, за счёт утраты тысячелетних монархических институтов, о чём многие жалеют, почти всех охватила радостная коллективная надежда. Движение 14 апреля было, как казалось, носителем двух вещей, необходимых для Испании в первую очередь: национального оптимизма, объединяющего всех верой в одну судьбу, и социальной справедливости, избавления от бесчеловечных условий жизни, в которых ведёт растительное существование большая часть наших пролетариев.

Вскоре новые правители отошли от первого из этих двух принципов. Режим, который мог стать национальным, превратился в сектантский, неприветливый и злобный. Как только окончилась эта эпоха, когда правительство Леру, поддержанное правыми, объявило, что положит коней этой сектантской политике, тут же была обманута вторая главная надежда республики: надежда на социальную справедливость. Республика в руках правительства Леру превратилась в буржуазный режим, такой же, что и тот, что правил в 1921 году.

Напрасно Испанская Фаланга ХОНС неоднократно поднимала свой голос против политической системы, которая играет судьбами нашей Родины, позволяя левым и правым сменять друг друга, как в контрдансе. Напрасно мы повторяли, что судьба и интересы Родины всегда одни и те же, и нельзя смотреть на них ни справа, ни слева, а надо видеть их в целом. Несмотря на такие наши заявления, левые партии клеветали на нас, изображая нас — и зная при этом, что лгут, — защитниками капиталистической системы, которую мы считаем омерзительной, а правые предпочитали группироваться вокруг вождей, которые предлагали им более удобные программы, хотя жертвовали ради этого удобства программ глубокой эмоциональностью испанской молодёжи.

Как обычно, те, кто думал, что они — самые хитрые, оказались невообразимо глупыми. Из-за их политической «мудрости», парламентских игр и прочих подобных вещей, в которые они ещё верят, Испания оказалась в ситуации, запутанной, как никогда, в ситуации парадоксальной. Материальная сила, достаточная для того, чтобы ограничить власть государства, оказалась в руках парламентского меньшинства, в то время как парламентское большинство, партии, у которых больше средств, что позволяет им выигрывать выборы и устраивать парады, показали только свою слабость и отсутствие веры.

Испанская Фаланга ХОНС не имеет непосредственного отношения к тому хаосу, в который вверг Испанию распад агонизирующей политической системы, которая становится всё более невыносимой. Но, сознавая свою ответственность и будучи уверенными в том, что не всё ещё потеряно, мы обращаемся к испанскому народу с отчаянным призывом. Испанцы! Хватит с нас парламента и непонятной политики. Хватит с нас левых и правых. Хватит с нас эгоизма капиталистов и недисциплинированности пролетариев. Настало время, когда Испания, единая, сильная и мятежная, должна снова взять в свои руки управление своей великой судьбой. Этого мы хотим, и поэтому Испанская Фаланга ХОНС призывает вас всех, студентов, крестьян, трудящихся, земледельцев, людей, сильных телом и духом: Не слушайте тех, кто, с одной стороны, внушает вам ненависть, а с другой — учат эгоизму и лености, объединяйтесь под нашим знаменем, под освободительным знаменем национал-синдикалистской революции.

«Фаланхе Эспаньола», № 12, 26 апреля 1934

РЕВОЛЮЦИЯ

Некоторых наших друзей пугает, что я постоянно использую в моих политических выступлениях слово «революция». Не лишним будет воспользоваться той передышкой, которую даёт любой письменной и устной пропаганде восхитительное состояние тревоги, чтобы объяснить, что я хочу сказать, когда говорю «революция».

Я надеюсь, никому не придёт в голову предположение, что революция, которой я хочу — это беспорядочный уличный бунт, удовлетворение желания дать волю своим инстинктам, которые многие люди иногда испытывают. Нет ничего более противного не только моим эстетическим вкусам, но и моей политической позиции. Политика — это великая созидательная задача, и отнюдь не лучший способ созидания, переворачивать материалы и потом подбрасывать их в воздух, чтобы они упали, как получится. Тот, кто совершал хотя бы одну революцию, обычно заранее мысленно представлял себе новую политическую архитектуру и именно для того, чтобы её создать, необходимо, ни на минуту не поддаваясь истерике или восторгу, владеть всеми строительными инструментами. Иначе говоря, хорошо сделанная революция — это такая революция, которая, совершая решительный переворот, формально заключает в себе элемент «порядка».

Сегодня лозунг «порядка» сам по себе недостаточен для того, чтобы вызвать энтузиазм у нашего поколения, которое хочет «нового порядка», отличного от существующего, поэтому наше поколение — революционное.

Испания несколько лет жила в ожидании революции, потому что инстинктивно она чувствовала себя зажатой между двумя плитами: историческим пессимизмом сверху и социальной несправедливостью снизу. Сверху жизнь Испании жестко ограничивалась: десять лет назад Испания казалась смирившейся со своей жалкой ролью, с тем, что она перестала быть исторической силой. У испанцев не было больше ни предприимчивости, ни амбиций, ни гордости, которая проснулась, когда её попытались

выбить из нас мавры. Снизу жизнь Испании кровоточила от несправедливости: миллионы наших братьев жили в худших условиях, чем домашние животные.

Наше поколение не может оставаться спокойным, пока не будут перевернуты эти две плиты, то есть, пока Испания вновь не обретёт историческую миссию, не получит, по крайней мере, возможность вершить исторические дела, и пока не будет создана социальная экономика на новых основах, обеспечивающая человеческое сосуществование всех наших соотечественников.

Испания верила, что совершила свою революцию 13 сентября 1923 года и поэтому встала на сторону генерала Примо де Риверы. Из-за отсутствия поддержки и совершённых ошибок революция тогда не удалась, хотя многое было сделано, чтобы преодолеть исторический пессимизм благодаря военной победе и устранить социальную несправедливость. Второй раз надежды вызвала революция 14 апреля 1931 года, но и они были обмануты после двух лет сектантской политики и нынешней политики, не желающей никаких социальных преобразований.

И эта революция, которую так долго желали, но всё ещё не совершили, можно ли «спрятаться» от неё, избежать её, как, похоже, думают Аксьон Популар и остепенившиеся радикалы? Это абсурд: революция уже идёт, и с ней необходимо считаться. Мы живём в революционной ситуации. И из этой ситуации есть лишь два выхода: либо раскольнический, искажённый, злобный, — идя по этому пути, мало на что можно надеяться, всё перенесётся на будущее; или революцию можно будет направить в общих, национальных интересах — это путь опасный, как и всё великое, но он обещает быть плодотворным.

Так совершали свои революции другие народы, не реакции, а революции, которые многое изменили и достигли прогресса. Такой же революции я хочу для Испании. Мои друзья, которые сегодня боятся этого слова, несомненно, предпочли бы довериться глупой политике тех, кто радуется тому, что революция не завершена, делает вид, будто ничего не произошло, или надеется задушить её, увеличив численность полиции ещё на несколько тысяч. Но они признают, что я прав, когда мы встретимся в ином мире, куда мы попадём после массовых казней, при свете пожарищ, если мы будем упорствовать в защите несправедливого строя, обвешанного предвыборными плакатами.

Эта статья была помещена в мадридской газете «Ла Насьон» 28 апреля 1934

НОВЫЙ СВЕТ В ИСПАНИИ

Нам нужны две вещи: нация и социальная справедливость. У нас не будет нации, пока каждый из нас считает себя носителем особых интересов какой-то группы или партии.

У нас не будет социальной справедливости, пока каждый из классов хочет в борьбе навязать свое господство — другим.

Поэтому ни либерализм, ни социализм не могут дать нам тех двух вещей, которые нам нужны.

Либерализм — это, с одной стороны, режим без веры, режим, который делает предметом свободной дискуссии всё, вплоть до основных проблем, касающихся судеб Родины. Для либерализма нет ни абсолютной истины, ни абсолютной лжи. Истина — это в каждом случае то, что решено большинством голосов. Таким образом, для либерализма не имеет значения, если народ согласится на самоубийство, лишь бы это предложение было принято согласно правилам закона о выборах.

А поскольку, чтобы действовал закон о выборах, необходимо стимулировать существование партий и натравливать их друг на друга, либеральная система это система постоянного разлада, постоянное отсутствие народной веры в глубокое единство судьбы.

С другой стороны, либерализм — это издевательство над несчастными. Он провозглашает замечательные права: свободу мысли, свободу пропаганды, право на труд... Но эти права просто предметы роскоши для баловней судьбы. Бедняков либеральный режим не заставляет работать из-под палки, но принуждает их к этому голодом. Отдельный рабочий, имея на бумаге все права, вынужден выбирать либо голодную смерть, либо принять условия капиталиста, какими бы жесткими они ни были. При либеральном режиме жестоким издевательством над мужчинами и женщинами, которые работают до изнеможения по 12 часов в день за мизерную плату, звучат заявления о том, что по закону они «свободны».

Социализм увидел эту несправедливость и имел основания восстать против неё. Но социализм был обесчеловечен в недружелюбном

мозгу Маркса, превращён в жестокую холодную доктрину классовой борьбы. С тех пор он стремится не к социальной справедливости, а к удовлетворению застарелой жажды мести, к замене вчерашней тирании буржуазии диктатурой пролетариата.

Чтобы достичь этого, социализм, кроме того, искореняет в рабочих почти всё духовное, потому что боится, что, если оставить его в живых, пролетарии тоже расслабятся под влиянием буржуазных духовных испарений. Поэтому в рабочих уничтожают религию, любовь к Родине... в крайних случаях, как в России, — даже семейные чувства.

Либерализм разделяет и возбуждает нас своими идеями, социализм вырывает между нами ещё более глубокую пропасть экономической борьбы. Что остаётся и при том, и при другом режиме от единства судьбы, без которого ни один народ не является народом в собственном смысле слова?

Поэтому загорелось в Европе и пылает уже и в Испании пламя новой веры, веры, для которой на земном, гражданском уровне первая истина такова: народ — это живое, неделимое, всеобъемлющее целое с особой миссией, которую он выполняет в мире. Благосостояние каждого из тех, кто входит в состав народа, это предмет не его личного, а коллективного интереса, который общество должно глубоко осознавать как свой. Ни один справедливый личный интерес не чужд интересам общества. Следовательно, недопустимо, чтобы кто-либо подрывал основы общества, руководствуясь частным интересом, интеллектуальным капризом или самомнением.

Эта новая вера дала, например, в Италии более чем 40 млн. её обитателям возможность сносно жить на небольшой по территории, бедной земле. И, что еще важней, вызвала в народе веру в самого себя, творческий порыв и энтузиазм.

Испания, заражённая этим пылом, не будет подражать Италии, она будет искать саму себя в своей собственной душе, как Италия искала себя в своей. И вера, которая загорится во всех испанцах, позволит нам спастись всем вместе и спасти Испанию.

Наша Фаланга, носительница новой веры, снова сделает Испанию нацией и установит в ней социальную справедливость, даст ей хлеб и веру, достойную жизнь и радость имперского сознания.

Статья была написана в мае 1934 года для выходившего в Сарагосе еженедельника «Эспанья Синдикалиста», но не было опубликована

ЗАЯВЛЕНИЕ О КАТАЛОНИИ

Открытый мятеж Женералитата Каталонии против Испанского государства заставляет нас присутствовать при зрелище, еще более печальном, чем сам мятеж: зрелище безразличия остальной Испании, усугублённого изменой партий, в частности, социалистической, которая принесла достоинства Испании в жертву своим политическим интересам.

В то время как каталонские националисты нагнетают обстановку в Барселоне, в Мадриде нет испанских националистов, которые громко заявили бы о своей решимости сохранить Испанию единой.

Испанская Фаланга ХОНС оценивает теперь не Закон об обработке земель, хорош он или плох, ни даже действия Суда конституционных гарантий. То, что она считает совершенно нетерпимым оскорблением достоинства Испании, это выступление против государства регионального организма, слова которого и угрожающие жесты окрашены уже не просто нелюбовью, а агрессивной ненавистью к Испании.

Испанская Фаланга ХОНС не хочет уподобляться тем, кто трусливо молчит перед лицом подобных действий сепаратистов. Она не хочет быть соучастницей той безучастности, которая ослабляет в настоящий момент испанское правительство.

Чтобы воодушевиться и чтобы послужить Испании, пока это будет необходимо, Испанская Фаланга ХОНС решительно заявляет о своей готовности к мобилизации.

Да здравствует Испания!
Да здравствует испанская Каталония!
Да здравствует Испанская Фаланга ХОНС!

«Ла Насьон», Мадрид, 15 июня 1934

СЕПАРАТИЗМ БЕЗ МАСКИ

Нам уже совершенно ясно, до какой степени чужда для нас проблема Закона об обработке земли, за который проголосовал каталонский парламент. Равным образом мы отказываем в уважении решению Конституционного суда, считая его покушением на национальное чувство Испании. Речь идёт о нарушении иерархической дисциплины, как в том случае, если бы профсоюз чиновников имел наглость выступить против министра. Мы против этого акта, но не в силу национальных чувств, а исходя из нашей концепции государства.

Самое худшее начинается, когда каталонский Женералитат (Generalidad de Cataluna), чтобы обеспечить себе наибольшую популярность среди каталонцев, добавил к проблеме Закона об обработке земель эмоциональные призывы и не нашёл ничего лучшего, кроме как заявить, что Каталония находится накануне «войны за независимость».

Это значит, что сепаратизм обрёл крылья, что сегодня в Каталонии сепаратизм это не чувство, которое проявляется втайне, как нечто запретное, а риторический лозунг первостепенного значения. Он выдвигается как самый естественный выход из трудной ситуации, трудной и для представителей испанского государства в Каталонии.

Эта проблема, представшая перед нами в обнажённом виде, должна потрясти нас всех, если мы не совсем еще утратили способность чувствовать. В Испании сепаратизм заговорил во весь голос, стал орудием нормального политического общения между правителями Каталонии и теми, кем они правят.

Этим правителям Испания передала не только большую часть своего имущества и правоохранительные функции, она отдала им нечто гораздо более важное: право формировать души новых поколений. Страшно подумать, какую солидарность с Испанией будут чувствовать эти новые поколения, воспитанные теми, кто открыто заявляет, что они с ней не солидарны.

Образование национальных объединений, таких, как Испания, это задача, ради которой постоянно прилагали усилия многие поколения. Трудная слава великого дела требует жертв, которые приносились веками. Разрушать гораздо легче: достаточно позволить расцвести во всех щелях стихийному, разрушительному, варварскому по сути своей сепаратизму, чтобы всё пошло под откос.

Но так случается, если не вмешивается со всей решимостью уже сформировавшийся народ, который хочет любой ценой сохранить своё единство, и который найдёт среди своей молодежи людей, готовых без колебаний отдать приказ о расстреле кучки предателей.

«Фаланхе Эспаньола», № 14, 12 июля 1934

ИСПАНИЯ ВЕЧНА

Единство судьбы

Никто не сможет упрекнуть нас в узости нашего подхода к каталонской проблеме. На страницах данного печатного органа раньше, чем в каком-либо другом, и, кроме того, в выступлениях самых авторитетных из наших товарищей был сформулирован тезис об Испании как **о единстве судьбы.** То есть, мы не сужаем понятие Испании до физического целого, до совокупности природных атрибутов (таких как земля, язык, раса), обидчиво реагируя на каждое проявление местного национализма. Мы не насмехаемся над красивым каталонским языком и не оскорбляем подозрениями в меркантильных целях сентиментальное, крайне неверно понимаемое, но по сути своей сентиментальное каталонское движение. Утверждая это, мы ни в коей мере не оправдываем национализм, потому что нация это не физическое целое, индивидуальность которому придают географические, этнические или лингвистические особенности, а историческое единство, отличающееся от всех остальных в мире собственным единством судьбы.

Носительница единства судьбы — Испания, а не какой-либо из народов, её населяющих. Следовательно, нация – это Испания, а не какой-либо из этих народов. Когда эти народы объединились, они исторически оправдали свое существование в мире. Поэтому Испания стала нацией в совокупности.

Вечность Испании

Деформации самого худшего рода должны были произойти в умах, чтобы люди, искренне считающие себя патриотами, стали допускать возможность, при определённых условия, расчленения Испании. Одни отрицают законность национализма, потому что полагают, что он не считается с мнением большинства каталонцев. Другие утверждают, что нетерпима ситуация полусепаратизма, что необходимо сделать выбор между полной солидарнос-

тью или независимостью. «Братья или иностранцы», — пишет газета «АВС» и уверяет, что получила сотни телеграмм в поддержку этого заявления. Ужасно и чудовищно, что такая газета, как «АВС», в которой никогда не было ни малейших признаков антииспанских настроений, думает, будто выполняет свой долг, допуская такое святотатство. «Братья или иностранцы». Как будто можно выбрать быть тем или другим. Нет! Выбор, продиктованный желанием быть иностранцем, абсолютно незаконен, в любом случае, с таможенными барьерами или без них, проголосует за это меньшинство, большинство или даже все каталонцы. Более того: даже если бы все испанцы согласились с превращением Каталонии в независимую страну, это было бы преступлением, способным навлечь на них гнев небесный.

Испания вечна. Испанцы могут принимать решения по второстепенным вопросам, но не о самой сути Испании. Испания не наша, это не предмет, полученный по наследству, наше поколение — не полный хозяин Испании; она была создана усилиями многих прошлых поколений и её надо хранить как святыню. Если связь времён будет нарушена, и Испанию разделят на куски, то наше поколение совершит по отношению к последующим самый чудовищный обман, самое вероломное преступление, какое только можно себе вообразить.

Нации — это не договоры, которые можно расторгнуть по воле тех, кто их заключал, это образования с собственной сущностью, не зависящие от воли ни меньшинства, ни большинства.

Совершеннолетие

Сформулирована следующая доктрина, касающаяся региональных Статутов: нельзя предоставлять Статут региону, который еще не достиг совершеннолетия. Признаком совершеннолетия является обретение достаточно сильного сознания своей собственной личности.

В данном случае мы имеем дело с ещё одним идеологическим уродством. Согласно этой теории, следует предоставить Статут региону, так сказать, расквартировать унитарную стражу, когда этот регион в достаточной мере обретёт самосознание, т.е. когда он почувствует себя в достаточной мере обособленным от личности того объединения, в которое он входит. Трудно представить себе более серьёзное заблуждение, особенно сегодня. Следовало бы уточнить, каким должно быть региональное совершеннолетие, чтобы предоставление региону Статута стало законным.

И это совершеннолетие определяется диаметрально противоположно утверждению собственной личности. Регион достигает совершеннолетия, когда он обретает столь сильное сознание единства своей судьбы на общей родине, что это единство не подвергается никакому риску из-за ослабления административных связей.

Когда сознание единства судьбы доходит до глубины души региона, не опасно предоставлять ему Статут автономии. Андалузия, Леон могут иметь автономные правительства, поскольку есть уверенность, что никакие злоумышленники не воспользуются преимуществами Статута для интриг против единства Испании. Но предоставлять Статут регионам, где ведёт свою подрывную деятельность сепаратизм, укреплять с помощью Статута силы, работающие против единства Испании, пренебрегать государственной функцией постоянного наблюдения за развитием раскольнических тенденций — это преступление.

Симптомы

Все симптомы подтверждают нашу оценку. Каталонская автономия способствует развитию сепаратизма, который никто не сдерживает. Государство отстранилось от каталонской жизни в её основных функциях, таких как духовное воспитание новых поколений, общественный порядок, юстиция, Женералитат (Generalidad de Cataluna) с симпатией относится к сепаратистской тенденции и не собирается с ней бороться.

Таким образом, на просторах Испании прорастают семена разрушения единства, достигнутого с таким трудом. Это похоже на пожар, при котором не только подливают масло в огонь, но и мешают пожарным его тушить. Во что превратилась всего за несколько лет великолепная структура Испании?

А тем временем нас, тех, кто хочет разоблачить эти темные дела, донести весть о них до всех уголков Испании, бросают в тюрьмы, закрывают наши центры, мешают нашей пропаганде. Сепаратисты наглеют, а правительство ищет юридические формулы. Но пусть члены правительства не думают, что, если Испания ускользнет у них из рук, они смогут прикрыться тем, что просто небрежно выполняли свои обязанности. Когда небрежность переходит все пределы и наносит ущерб святыням, её называют изменой.

«Фаланхе Эспаньола», № 15. 19 июля 1934

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛУ ФРАНКО

Мадрид, 24 сентября 1934

Его Высокопревосходительству,
дону Франсиско Франко

Мой генерал!

Может быть, эти минуты, которые я использую для того, чтобы написать Вам, будут последней возможностью общения, которая нам осталась; последней возможностью, которая осталась мне, чтобы послужить Испании, написав Вам. Поэтому я без колебаний воспользовался этой возможностью, при всём том, что, вероятно, это может быть принято за дерзость с моей стороны. Я убеждён, что Вы, учитывая серьезность момента, поймёте с первых строк истинный смысл моих намерений, и Вам не трудно будет простить мне ту вольность, которую я себе позволил.

Более или менее смутное желание поговорить с министром внутренних дел возникло у меня несколько дней назад. Вы уже знаете, что готовится: не уличные беспорядки, которые Гражданская гвардия легко могла бы подавить, а технически совершенный переворот по всем правилам школы Троцкого и, может быть, руководимый самим Троцким. Есть основания предполагать, что он находится в Испании [*В Испанию в 1935 году приехал из Москвы Андрес Нин — личный секретарь Троцкого. — Ред*]. Тайные склады оружия заслуживают интереса в двух отношениях: с одной стороны, очевидно, что существуют настоящие арсеналы; с другой стороны, количество отобранного оружия смехотворно, а это значит, что арсеналы продолжают существовать, и на них хранится великолепное оружие, во многих случаях более совершенного типа, чем оружие регулярной армии. И оно в опытных руках людей, которые, может быть, будут действовать по приказам ещё более опытных командиров. Всё это происходит на фоне разнузданных нарушений общественной дисциплины (Вы знакомы уже с рабочими газетами, которые не стесняются в выражениях), коммунистической пропаганды в казармах и даже в рядах Гражданской гвардии и полного отсутствия у государства серьёзного и глубокого сознания своей властности (нельзя путать с властностью легкомысленное словоблудие министра внутренних дел и его полицейские полумеры, которые никогда не доводятся до конца). Похоже, правительство не намерено вывести войска на улицы, если начнётся мятеж. Оно рассчитывает на Гражданскую гвардию и на Штурмовую гвардию. Но при всех достоинствах этих сил, они, будучи крайне разбросанными, не смогут контролировать всю территорию Испании при неблагоприятной ситуации, возникновения которой следует ожидать, поскольку правительство не хочет проявлять инициативу, а противник может выбрать удобные для него точки атаки. Разве трудно представить себе, что в определенном месте атакующий отряд может превзойти по численности и по оружию силы защитников порядка? По-моему, такое предположение отнюдь не нелепо. И, будучи уверенным в том, что это мой долг, я предложил министру внутренних дел наши кадры, чтобы, если наступит критический момент, раздать им винтовки (мы, разумеется, даём слово потом их немедленно возвратить) и использовать их в качестве вспомогательных сил. Я не знаю, отдаёт ли этот министр себе хотя бы отчёт в том, что он говорит. Он остаётся оптимистом, как и всегда, но это не тот оптимизм, который со знанием дела сравнивает силы и приходит к выводу, что превосходит противника, а совершенно нерасчетливый оптимизм. Вы не поверите, но, когда я изложил ему свои соображения по поводу грозящей опасности, те же, которые я излагаю Вам и довёл до сведения других лиц, на его лице выразилось удивление человека, который впервые слышит о подобных вещах.

Такой конец встречи не охладил мою решимость выйти на улицу с оружием для защиты Испании, но она сочеталась с почти такой же уверенностью в том, что, если мы выйдем на улицы, мы потерпим поражение. Перед лицом тех, кто штурмует испанское государство, вероятно, расчётливо и умело, испанское государство, находящееся в руках одержимых, просто не существует.

Можно ли будет считать победу социалистов обыкновенным событием внутриполитической жизни? Вопрос представляется таким только при поверхностном взгляде. Победа социалистов равнозначна *иностранному вторжению*, не только потому что сущность марксизма от начала и до конца противоречит вечному духу Испании. Не только потому что идея Родины презирается при социалистическом строе, но потому что социалисты самым конкретным образом получают инструкции от Интернационала.

Любая нация, попавшая под власть социализма, низводится на уровень колонии или протектората.

Кроме того, что в этой неминуемой угрозе присутствует элемент, который превращает её в войну с внешним врагом. Социалистический мятеж приведёт к отделению, вероятно, окончательному, Каталонии. Испанское государство передало Женералитату почти все средства обороны и предоставило ему свободу рук для подготовки к атаке. Известны тесные связи социалистов с Женералитатом, так что революция в Каталонии не будет означать захват ими власти: они её уже имеют. И они используют её, в первую очередь, для провозглашения независимости Каталонии. И, как я уже сказал, это будет непоправимо.

Чтобы избежать полной катастрофы, испанское государство может попытаться вернуть силой каталонскую территорию. И тогда произойдет главное. Несомненно, осторожный Женералитат не осуществит проект революции, не прощупав предварительно международную почву. Известны его связи с одной соседней державой. И если будет провозглашена независимая республика Каталония, что вполне вероятно, то новая республика будет признана одной из держав. Как после этого её вернуть? Вторжение в неё выглядело бы в глазах всей Европы агрессией против народа, который совершил акт самоопределения, объявив себя свободным. Испания столкнулась бы не с Каталонией, а со всей анти-Испанией европейских держав.

Из-за этих мрачных перспектив, из-за хаотической, унизительной, абсурдной ситуации, когда Испания утратила всякое понятие об исторической судьбе и все мечты о выполнении своей миссии, я вынужден прервать молчание и обратиться к Вам с этим длинным письмом. Несомненно, Вы найдёте в нём темы для размышлений о том, ограничиваются ли нынешние опасности пределами Испании или, если они станут реальностью, то превратятся во внешние угрозы целостности Испании.

Если в процессе этих размышлений Вам потребуются имеющиеся у меня сведения, я готов их Вам предоставить. У меня есть мои собственные идеи о том, что необходимо Испании, и я возлагаю надежды на благоразумие, но сейчас, когда требуются срочные меры, я полагаю, что выполняю свой долг, посылая Вам эти строки. Богу угодно, чтобы все мы преуспели в нашем служении Испании.

Приветствую Вас ото всей души — Хосе Антонио Примо де Ривера *(Подпись)*.

ОБРАЩЕНИЕ К ИСПАНСКОЙ ФАЛАНГЕ

Ко всем членам Испанской Фаланги ХОНС

Выполнив в чрезвычайных обстоятельствах свой долг помочь нашими силами нанести поражение антииспанскому движению, которое уже почти побеждено, мы считаем для себя вопросом жизни или смерти непременное сохранение строгости стиля и доктрины посреди путаницы, которая нам угрожает. Поэтому настоятельно необходимо, чтобы все члены нашего Движения с максимальным энтузиазмом и усердием распространяли отныне повсюду в категорической форме следующие установки:

1. Против смешения

Победа над сепаратистским движением может наполнить историческим и национальным смыслом середину нашего века. Но для этого необходимо, чтобы руки победителей были способны извлечь этот смысл и чтобы умы победителей составили глубокое и безошибочное представление об иной Испании. Мы не надеемся, что это произойдет. Устаревший до невозможности стиль правящих кругов, консервативный, эгоистический и антигероический тон партий, сплотившихся сегодня вокруг власти, оправдывают прогноз, что всё может быть утрачено. Дата 7 октября, которая могла бы стать началом новой эпохи, затерялась в мешанине прочих будничных дат. Популисты, радикалы, демократы и аграрии придумывают разные мероприятия для того, чтобы не делать никаких героических выводов из нынешнего момента. Сокровища испанского национального чувства, которые заключает в себе победа над сепаратизмом, растрачиваются по мелочам на «патриотических совещаниях», в акциях благодарности правительству и союзах сторонников порядка. Наша молодёжь категорически отказывается участвовать в этих буффондах. В гордой изоляции, как вчера и всегда, она сохранит незапятнанной духовную доблесть Реконкисты. Чтобы, когда придёт её время, достичь полной и безраздельной победы.

2. «Против порядка». Предупреждение

Уже есть признаки того, что первым желанным последствием происшедшего для людей, именуемых правыми, является «восстановление порядка». Никто из наших активистов, переживших моменты борьбы, не будет участвовать в подобном деле. Мы хотим порядка, но «иного порядка», коренным образом отличного от нынешнего. Господствующий общественный строй, а именно он пока что спасся от революции, представляется нам **по сути своей несправедливым**. Мы против марксистской, антииспанской революции, но мы не намерены скрывать, что недовольство масс социалистов, синдикалистов и анархистов имеет под собой глубокие основания, и мы его целиком разделяем. У нас больше, чем у кого-либо, вызывает гнев и отвращение консервативный общественный строй, при котором огромные массы голодают, а праздное меньшинство купается в золоте. Пусть все члены нашего Движения заявляют об этом повсюду и руководствуются в своем поведении следующим строгим правилом: после того, как смолк последний выстрел мятежа, всякое сотрудничество с «элементами порядка» строжайше запрещено. Никто из членов Фаланги не должен участвовать в «объединениях граждан», «комитетах взаимодействия» или каких-либо других организациях этого же рода.

3. Против соглашательства

Уже есть признаки того — и в этом специфическая особенность общей тенденции в сторону смуты — что революционные события ещё не достигли своей неизбежной кульминации.

В то же время нас уже начинают готовить к тому, что руководители революции останутся безнаказанными, что сохранится Статут Каталонии и будут вестись переговоры с социалистическими профсоюзами, которые правительство надеется «приручить» благодаря посредничеству профессора Бестейро.

Среди наших активистов нет ни одного, кто не считал бы своим долгом вести борьбу против подобных вещей. Мы требуем строгих наказаний для истинных политических вождей мятежа. Бывают события, которые могут закончиться только подобающей им трагедией, а пантомима принижает их и пачкает. Мы требуем полной отмены Статута Каталонии; отказавшись от сепаратистских намерений, Каталония, как и другие регионы Испании, может надеяться на реформы в направлении децентрализации, но недолгий опыт Статута показал, что это теплица, в которой культивируется сепаратизм; его сохранение было бы предательством. Наконец, мы требуем одновременно полной революции в социальной и экономической сфере, безжалостного вскрытия тех мутных источников, которые скрывают Всеобщий Союз Трудящихся и социалистическая партия. Нам кажется бесчестным обманом соглашение об общественном спокойствии с умеренными социалистами.

4. Против принесения вооружённых сил в жертву

С гораздо большим благоговением, чем при «общественных чествованиях», мы гордимся в эти дни нашей армией, нашим военно-морским флотом, нашей гражданской гвардией, нашей штурмовой гвардией, нашими карабинерами, нашими силами безопасности и порядка. Они вынесли на себе последствия той грязной политики, которая позволила разразиться буре, и приняли борьбу с ней, как всегда, на свои плечи. Наши вооруженные силы проявили себя как мученики в эти дни. Они испытывали страдания при виде того, каким страшным мучениям подвергаются их жёны и дети. Но ни страх, ни глупость, ни недисциплинированность не обуяли, тем не менее, людей в военной форме. Кровь военных пролилась ради спасения Испании от последствий ошибок и предательства других.

Вооруженным силам Испании нужны не только словесные восхваления и церемонии. Им нужна справедливость. Военные суды обращают, как всегда, свою суровость и против изменников среди самих военных. Сегодня, когда не могут остаться безнаказанными истинные виновники, политики, чтобы уменьшить свои огорчения или удовлетворить свою алчность, проливают в невосполнимых количествах драгоценную испанскую кровь. Испанская Фаланга ХОНС поднимает свой сильный и искренний голос, требуя справедливости, от имени вооруженных сил, которые долг обязывает молчать.

С этими инструкциями руководители территориальных и провинциальных организаций и ХОНС должны немедленно ознакомить всех членов Движения с наказом строго соблюдать их и распространять. Пусть местные руководители следят за тем, чтобы их в точности соблюдали все, и сообщают своему руководству имена нарушителей, если таковые окажутся, для принятия надлежащих мер.

¡Arriba España! («Воспрянь, Испания!» — *Ред.*).

Вождь, Хосе Антонио Примо де Ривера.

Мадрид, 13 октября 1934 г.

ПИСЬМО ИСПАНСКОМУ ВОЕННОМУ

Ты не сможешь, даже если бы захотел, оставаться слепым и глухим к неотложным нуждам Испании. Неожиданно ты обретёшь национальную славу. Может быть, через несколько недель тебя снова пошлют с твоей ротой подавлять оружием гражданские беспорядки. И, успокаивая волнение твоего собственного духа, ты не сможешь не задать себе, в долгие часы дежурства, несколько неотложных вопросов: Что происходит? Это государство, защищая которое я рискую жизнью, действительно ли оно заботится о судьбах моей Родины? Или я продлеваю своими усилиями существование мёртвой, бездушной и бесплодной политической организации?

Тому, кого каждую ночь будут мучить подобные сомнения, я адресую это письмо, чтобы оно помогло ему в его молчаливых размышлениях.

1. Крах конституционного строя

Способ выхода из последнего кризиса показал, что нынешний конституционный строй уже не может держаться своими силами. Государство, чтобы жить, вынуждено прибегать к уловкам, которые выходят за рамки нормального функционирования его учреждений. Мы имеем уже не только ставшее перманентным военное положение со всеми его последствиями — закрытием газет, вмешательством в дела прессы, правительственными тюрьмами и тому подобным. Мы видим, как формируется рождённое парламентской системой правительство, которое не может прожить в парламенте и полчаса, правительство, которое ради иллюзии мимолетной жизни не собирает Кортесы в течение предельного срока, дозволенного Конституцией; так что мы живём месяц при диктатуре радикальной партии без газет, призывающих к убийствам и грабежам, которые, будучи побеждёнными в октябре, уже готовят месть. А пройдёт месяц, и что нас тогда ожидает? По всей вероятности, мы вернёмся к сосуществованию партий, пока не будут распущены Кортесы. Выборы снова разделят страну на две половины, ведущие между собой ожесточённую борьбу, на левых и правых. Какой смысл в этой борьбе? Чтобы узнать это, надо посмотреть, что представляют собой левые и правые в Испании.

2. Левые

Левые более многочисленны (не следует забывать, что к левым принадлежит почти вся огромная масса испанского пролетариата), более запальчивы, у них больше политических способностей, но они антинациональны. Независимо от искусственных названий партий, левые делятся на две больше группы:

а) Буржуазия, преимущественно буржуазная интеллигенция. Получившая образование за рубежом, проникнутая большей частью влиянием международных организаций, эта часть левых неспособна почувствовать Испанию всей душой. Поэтому все тенденции к разложению национального единства принимаются в левых кругах без сопротивления.

б) Пролетарская масса, целиком захваченная марксизмом. Социалистическая политика, чрезвычайно упорная и искусная, почти вытравила из этой массы испанские чувства. Большинство марксистов не может отойти от рокового понимания жизни как классовой борьбы. Всё не пролетарское их не интересует, поэтому они не могут испытывать никакой солидарности ни с какими национальными ценностями, если они не сугубо пролетарские. Марксизм, если он восторжествует, уничтожит и левую интеллигенцию, свою союзницу. В этом плане русский опыт весьма выразителен.

3. Правые

А правые? Правые взывают к великим понятиям: родина, традиция, власть, но их тоже нельзя назвать подлинно национальными. Если бы они в самом деле такими были, они не скрывали бы за высокими словами классовый интерес и не закоснели бы в защите несправедливых экономических позиций. Нынешняя Испания — очень бедная страна. Чтобы жизнь среднего испанца стала достойной человеческой жизнью, необходимы жертвы со стороны тех, кто поставлены судьбой в привилегированное положение. Если бы правые (которые защищают все эти привилегии) действительно обладали чувством национальной солидар-

ности, они поделились бы своими материальными преимуществами и облегчили тяжёлую жизнь всего народа. Тогда они имели бы моральный авторитет и могли бы выступать в роли защитников великих духовных ценностей. Но пока они защищают когтями и зубами классовые интересы, их патриотизм — пустая болтовня, они такие же материалисты, как и марксисты.

С другой стороны, почти все правые, при всей современной форме, какую они хотели бы придать своим лозунгам (сильное государство, корпоративная организация и т.д.), тащат за собой ворох старья, который лишает их популярности и силы.

4. Главное

Ни правые, ни левые нас не спасут. Победа одной из двух сторон означала бы поражение и унижение другой. Не может быть национальной жизни у родины, расколотой на две непримиримые половины: побеждённых, мечтающих отомстить за своё поражение, и победителей, упивающихся своим триумфом. Не может быть плодотворного сосуществования, кроме как под сенью политики, не зависящей ни от какой партии и ни от какого класса, которая служит только объединяющей и высшей судьбе Испании, которая решает проблемы, возникающие между испанцами, не преследуя никакой иной цели, кроме справедливости и пользы для Родины.

Итак, налицо одна, трудно осуществимая тенденция, не связанная с чьими-либо аппетитами, которой национальные потребности вскоре могут предоставить возможность завоевать власть. Этого нельзя сделать ни легальными, ни нелегальными путями. Легальными нельзя, потому что выборы — это не более, чем кулачный бой между идеалами, игра интересов: каждый избиратель голосует за кандидата, который будет решать, что для него лучше. А нелегальными путями этого нельзя сделать, потому что современное государство, располагающее мощными вооруженными силами, практически непобедимо. Только в одном случае национальное движение может победить в борьбе за власть: если вооружённые силы его поддержат или, по крайней мере, не будут стоять у него на пути.

И, если предположить такой случай, испанские военные окажутся в крайне сложной ситуации. Если однажды, когда все устанут от правых и от левых, от болтливого парламента и от жизни в нищете, от отсталости, уныния и несправедливости, и энергичная молодёжь решит захватить власть, чтобы проводить политику национального объединения, встав выше классов и

партий, как поступят офицеры? Будут слепо выполнять свой долг, не обращая внимания на то, что происходит во внешнем мире, и обрекут на неудачу, может быть, единственную плодотворную надежду? Или вы решите выполнить другой долг, исполнены более славной ответственности, и дружеским жестом передадите свое оружие под знамёна тем, кто хочет лучшего будущего для Испании?

5. Колебания

Удивляет нерешительность многих военных, «Мы не можем иметь политических убеждений — говорят они. В критический момент мы должны выполнять свой долг, а не рассуждать о том, кто прав: государство или его противники. Мы ограничимся тем, что будем защищать его молча».

Прошу внимания! Да, обычно военные не должны иметь политических убеждений, но это когда политические расхождения имеют второстепенный характер, когда жизнь страны развивается на постоянной основе общих убеждений. Армия это, прежде всего, гарант стабильности, поэтому она не должна вмешиваться во второстепенные склоки. Но когда под угрозой сама стабильность, когда налицо угроза самому существованию Родины — например, если дело идёт к тому, что она может утратить свое единство — армии придётся задуматься и сделать выбор. Если она уклонится от этого выбора, чисто формально понимая свой долг, может получиться так, что она однажды утром проснётся и увидит, что защищать некого. Когда грозит полное разрушение, армия может служить гарантом постоянства лишь одним способом: восстановить его с помощью своего оружия. И так было всегда, с тех пор, как существует мир. Как говорит Шпенглер, в последний момент всегда находится отряд солдат, который спасает цивилизацию.

Хотите вы этого или не хотите, испанские военные, но в годы, когда только армия сохранила то, что составляет сущность и основу исторической преемственности, армия будет на высоте своей задачи, если она заменит собой несуществующее государство.

6. Опасности вмешательства военных

Если судьбы Испании окажутся в руках армии, то можно предвидеть два противоположных варианта, способных сделать эту попытку неудачной. Это проявление чрезмерной скромности или чрезмерных амбиций.

I. Чрезмерная скромность. Есть много оснований опасаться того, что армия ограничится слишком скромной ролью; совершит переворот, а потом передаст власть в чужие руки. В этом случае можно предвидеть два в равной мере ошибочных решения:

а) Правительство, составленное из знаменитых людей только исходя из их репутации, но без учёта того, какие политические принципы они исповедуют. Мы упустили бы тогда великолепную возможность, которую нация имеет в настоящий момент. Государство это нечто большее, нежели собрание технических специалистов или хороших управляющих: это историческое орудие осуществления судьбы народа. Нельзя руководить народом без чёткого понимания этой судьбы. Но понимание этой судьбы и указание путей к её осуществлению связаны с определенными политическими позициями. Собрание знаменитостей, не имеющих общей политической веры, будет править ни шатко, ни валко на холостом ходу и зачахнет без народной поддержки.

б) Правительство национального единства, составленное из представителей различных партий, которые согласятся участвовать в нём. Это решение добавит к внутренне бесплодной сущности предыдущего решения то обстоятельство, что на практике оно будет означать ни что иное, как возврат к партийной политике, конкретно, к политике правых партий, поскольку очевидно, что левые в этом правительстве участвовать не захотят. Это значит, то, что могло стать началом многообещающей национальной эры, опять сведётся к торжеству одного класса, одной группы, к интересам части нации.

Таковы опасности чрезмерной скромности. Но следует опасаться и противоположного. Рассмотрим этот вариант.

II. Чрезмерные амбиции. Мы имеем в виду в данном случае не личные амбиции военных, а исторические амбиции. Это бывает, когда военные, поняв, что недостаточно одного хорошего управления, что необходимо вызвать в народе сознание коллективной задачи, дать национальное толкование исторического момента, хотят заняться этим сами, то есть, военные, исполнители или участники государственного переворота, сами определяют доктрину и курс нового государства. Но у военных нет достаточного для этого политического образования. Если бы я, подобно многим другим, стал льстить армии, я приписал бы ей все способности, какие только есть. Но, поскольку я знаю, что представляет собой армия, это огромное хранилище молчаливых и героических доблестей, льстить ей представляется мне недостойным делом. Я думаю, лучше поставить ей на службу здравый смысл. И я говорю то, что думаю: армия, привыкнув считать, что политика — не её дело, имеет неполное представление о политике. Она грешит добросовестной наивностью в своих политических решениях. За отсутствием эффективной доктрины ей не удаётся, используя диалектический метод убеждения, обеспечить себе постоянную поддержку народа и молодёжи. Не будем забывать пример генерала Примо де Риверы: будучи патриотом, обладая природным мужеством и умом, он не сумел возбудить энтузиазм за отсутствием убедительного видения истории. Патриотический Союз, не имея доктрины, остался туманностью при всех благих намерениях его создателя.

Если Провидение ещё раз отдаст в ваши руки, офицеры, судьбы Родины, помните, что было бы непростительной ошибкой идти по тому же пути без вех. Не забывайте, что тот, кто порывает с нормально действующим государством, обязан создать новое государство, а не просто видимость порядка. А построение нового государства требует смелого и зрелого понимания истории и политики, а не рискованной веры в собственные импровизации.

7. Слава вмешательству военных!

Армия не только очистит себя от греха формального нарушения дисциплины, но и покроет себя вечной славой, если она в решающий час станет именно теми дрожжами, которые нужны новой эпохе. Европа имеет богатый опыт, который помогает этого достичь: народы, которые нашли свой путь спасения, не доверились каким-то концентрациям сил, а решительно последовали за национально мыслящим меньшинством, сплочённым и пророческим. Вокруг меньшинства может поляризоваться народ; аморфное скопление разнородных личностей не может ничего поляризовать. Армия может положиться на тех, кого она найдёт похожими на саму армию, т.е. на тех, в ком она найдёт наряду с военным отношением к жизни абсолютную преданность двум важнейшим принципам: Родине как великому и славному делу и безусловной социальной справедливости, единственной основе сердечного сосуществования испанцев. Итак, поскольку армия это национальная, объединяющая и надклассовая сила (с учётом того, что в ней органически сосуществуют представители всех классов, у которых одна религия — служение Родине), Испания, которую защищает эта армия, должна исходить из принци-

па объединяющей, общенациональной судьбы. Это не вопрос рецептов (почти все партии, даже самые рыхлые, уже включают в свои программы модный принцип корпоративизма), а вопрос температуры; рецепты без веры ничего не значат, равно как в армии ни к чему тактика и внутренние уставы без искреннего духа служения Отчизне и чувства чести.

Не так уж важно, что обладателей власти будет немного, и они будут не очень опытны в административных делах. Техника управления — это дело специалистов, которых легко набрать. Главное это исторический и политический смысл движения, понимание его ценности для будущего. Это должно быть ясно для тех, кто отдает команды.

8. Уведомление

Скоро, как бы ни удерживал нас от последнего решения страх ошибиться, мы должны будем начать наступление на Испанию. Ориентиры, годные для других стран, перенаселенных, с высоко развитой промышленностью, оправившихся после мировой войны, ещё более пригодны для нашей Испании, огромной и редко населенной, где ещё столько предстоит сделать. Не хватает только волшебных средств, импульса и веры, чтобы процесс пошёл. Испания, как в сказках, находится в плену у дураков и злых волшебников. Запутанная, посредственная, трусливая и бесплодная политика обрекает её на паралич. Но уже собираются рыцари, готовые прийти ей на помощь, и однажды вы, испанские офицеры и солдаты, увидите их перед вашими рядами. Это будет решающий момент. Очереди или молчание ваших пулеметов решат вопрос, будет ли Испания продолжать чахнуть или сможет открыть душу надежде властвовать. Подумайте об этом, прежде чем дать команду: «Огонь!» Подумайте о том, что, независимо от уставов, раз в пять лет в жизни нашего народа происходят решающие события. Да вдохновит нас всех Бог в этих благоприятных обстоятельствах.

¡Arriba España! («Воспрянь, Испания!» — *Ред.*).

Хосе Антонио Примо де Ривера,
вождь Испанской Фаланги ХОНС
Мадрид, ноябрь 1934

ПРОГРАММНЫЕ УСТАНОВКИ ФАЛАНГИ

Нация. Единство. Империя

1. Мы верим в высшую реальность Испании. Укреплять её, возвышать и возвеличивать — обязательная коллективная задача всех испанцев. Осуществлению этой задачи должны безоговорочно подчиняться интересы отдельных личностей, групп и классов.

2. Испания — это единство судьбы в окружающем мире. Всякий заговор против этого единства отвратителен. Любой сепаратизм — преступление, которому нет прощения. Действующая Конституция, поскольку она способствует распаду, является покушением на единство судьбы Испании. Поэтому мы требуем её немедленной отмены.

3. Мы хотим иметь Империю. Мы утверждаем, что Империя — это историческая полнота Испании. Мы требуем для Испании достойного положения в Европе. Мы против как международной изоляции, так и чужого посредничества.

Что касается стран Испано-Америки, то мы стремимся к объединению их культур, экономических интересов и властных структур. Испания выполняет роль духовной оси испанского мира, его авангарда в международных делах.

4. Наши вооруженные силы — сухопутные, морские и воздушные — должны быть настолько мощными и многочисленными, насколько это необходимо, чтобы постоянно обеспечивать Испании полную независимость и достойное её место в мировой иерархии. Сухопутная армия, военно-морские и военно-воздушные силы должны пользоваться общественным уважением, какого они заслуживают, и желательно, чтобы по их образу военное отношение к жизни определяло всё существование испанцев.

5. Испания должна снова отправиться на поиск своей славы и богатств по морским волнам. Испания может надеяться стать великой морской державой, преодолевая опасность и развивая торговлю.

Мы требуем для нашей Родины равноправия в иерархии флотов и на воздушных трассах.

Государство. Личность. Свобода

6. Наше государство будет тоталитарным орудием на службе целостности нашей Родины. Все испанцы будут принимать участие в управлении им при посредстве своих семейных, муниципальных и профсоюзных функций. Никто не будет принимать участие в нём при посредстве политических партий. Система политических партий будет безжалостно уничтожена со всеми её последствиями: неорганичным всеобщим голосованием, представительством при посредстве групп, борющихся между собой, и парламентом известного нам типа.

7. Человеческое достоинство, неприкосновенность и свобода личности — вечные и неотъемлемые ценности.

Но истинно свободен лишь тот, кто является членом сильной и свободной нации. Никому не дозволено использовать свою свободу против единства, мощи и свободы Родины. Строгая дисциплина помешает любой попытке внести смуту в ряды испанцев, разъединить их и направить против судьбы Родины.

8. Национал-синдикалистское государство будет разрешать любую частную инициативу, совместимую с общими интересами, защищать и поддерживать полезное предпринимательство.

Экономика. Труд. Классовая борьба

9. Мы представляем себе Испанию в экономической области гигантским профсоюзом производителей. Испанское общество будет организовано на корпоративной основе в виде вертикальной системы профсоюзов с отраслевыми ответвлениями, поставленной на службу национальной экономике в целом.

10. Мы отвергаем капиталистическую систему, которая не принимает во внимание народные нужды, обесчеловечивает частную собственность и превращает трудящихся в бесформенные массы жертв нищеты и отчаяния. Наше духовное и национальное чувство побуждает нас также отвергнуть марксизм. Мы укажем иные ориентиры трудящимся классам, сбитым сегодня с пути марксизмом, в направлении их непосредственного участия в решении великих задач национального государства.

11. Национал-синдикалистское государство не будет жестокими мерами препятствовать экономической борьбе между

людьми, но и не будет бесстрастным наблюдателем господства более сильного класса над более слабым. Наш строй сделает совершенно невозможной классовую борьбу, потому что все, кто участвует в процессе производства, представляют собой органическое целое.

Мы осуждаем и будем пресекать всеми средствами злоупотребления представителей частных интересов в ущерб другим и анархию в сфере трудовых отношений.

12. Первоочередная задача богатства — и на этом будет стоять наше государство — улучшение жизни народа. Недопустимо, чтобы огромные массы жили в нищете, в то время как немногие купаются в роскоши.

13. Государство признаёт частную собственность законным средством достижения индивидуальных, семейных и общественных целей и будет защищать ее от злоупотреблений крупного финансового капитала, спекулянтов и ростовщиков.

14. Мы поддерживаем тенденцию к национализации банков и, при посредстве корпораций, крупных общественных служб.

15. Все испанцы имеют право на труд. Общественные организации обязательно должны поддерживать безработных.

Пока не будет целиком создана новая структура, мы сохраним и улучшим все преимущества, предоставленные рабочим действующими социальными законами.

16. Труд — это долг всех испанцев, кроме инвалидов. Национал-синдикалистское государство совершенно не будет заботиться о тех, кто не выполняет никаких функций и надеется жить паразитом за счёт усилий других.

Земля

17. Необходимо решительно поднять уровень жизни села, вечного источника жизни Испании. Поэтому мы доведём до конца, не отклоняясь от намеченной цели, экономическую реформу и социальную реформу сельского хозяйства.

18. Мы повысим производительность сельского хозяйства (в ходе экономической реформы) с помощью следующих средств:

— Установим для всей сельскохозяйственной продукции минимальные цены, компенсирующие затраты.

— Будем способствовать развитию сельского хозяйства с помощью достаточных дотаций, большей частью за счёт того, что сегодня поглощает город, получая оплату за свои интеллектуальные и коммерческие услуги.

— Организуем настоящий национальный сельскохозяйственный кредит, снабдим трудящихся деньгами под низкие проценты, гарантируем сохранность их имущества и урожая, освободим их от произвола ростовщиков и касиков.

— Организуем обучение земледельцев и скотоводов.

— Будем определять назначение земель с учетом их качества и возможности выращивания на них той или иной продукции.

— Сориентируем нашу таможенную политику в направлении защиты нашего земледелия и скотоводства.

— Ускорим ирригационные работы.

— Рационализируем систему обработки земли, ликвидировав как заброшенные латифундии, как и неэкономичные мелкие владения, приносящие мало дохода.

19. В плане социальной организации сельского хозяйства будут приняты следующие меры:

Перераспределение обрабатываемой земли с передачей её в семейную собственность и энергичное поощрение кооперации труда.

Чтобы избавить от нищеты массы людей, которые сегодня скребут бесплодные земли, их надо будет переселить на новые, плодородные земли.

20. Мы будем неустанно вести борьбу за то, чтобы снова были заселены скотоводческие и лесные территории, примем суровые меры против тех, кто мешает этому, и возможно принудительно мобилизуем временно всю испанскую молодёжь, чтобы решить эту историческую задачу — восстановить богатства родины.

21. Государство может экспроприировать без выкупа земли, которые были приобретены в собственность или использовались незаконно.

22. Первоочередной задачей национал-синдикалистского государства будет возрождение наследственных владений сельских общин.

Национальное воспитание. Религия

23. Важная миссия государства — с помощью строгой дисциплины воспитания сохранить сильный и единый национальный дух, чтобы будущие поколения радовались в душе за свою Родину и гордились ею.

Все мужчины получат начальное воспитание, которое подготовит их к чести служить в национальной и народной армии Испании.

24. Культура будет организована таким образом, чтобы ни один талант не пропал из-за отсутствия экономических средств. Все, кто этого заслуживает, должны иметь беспрепятственный доступ к образованию, включая высшие.

25. Наше движение включает в себя католическое сознание, славную традицию, преобладающую в Испании, как предпосылку национального возрождения.

Церковь и государство будут согласовывать свои действия без какого-либо вмешательства в дела друг друга, не допуская какой-либо деятельности, которая могла бы угрожать достоинству государства или национальной целостности.

Национальная революция

26. Испанская Фаланга хочет создать новый строй на основе вышеизложенных принципов. Чтобы установить его, преодолевая сопротивление существующего строя, мы призываем к национальной революции.

Желательно, чтобы её стиль был прямым, пылким и воинственным. Жизнь — это воинская служба и прожить ее надо с чистым чувством служения и самопожертвования.

Хосе Антонио
Документ составлен в ноябре 1934

ИНТЕРВЬЮ ХОСЕ АНТОНИО ГАЗЕТЕ «БЛАНКО И НЕГРО»

11 ноября 1934 года.

Брал интервью Луис Мендес Домингес

Вожак Фаланги, её идейный двигатель, унаследовавший темперамент своего отца. Правда, темперамент Хосе Антонио пока что более сдержанный, он еще молодой. Лишь недавно закончил учёбу, но его молодость — залог великих дел даже без обучения.

Это свет, ещё не зажжённый на ещё не пройденном пути.

Праздничные огни, которые ещё не горят в обширном саду победы.

Воля тысяч людей, ещё не нашедшая своего выражения, сосредоточенная в одном человеке.

Интервью. Или болтовня? Скорее, просто беседа при тусклом свете в его кабинете. Это контора адвоката или кабинет трудолюбивого ученого?

Контора адвоката. Хосе Антонио, прежде всего, замечательный адвокат. А политика сегодня это болтовня. Примо де Ривера начинает отвечать на мои вопросы.

— На мой взгляд, политическая ситуация такова. Мы притворяемся, будто не замечаем, что ситуация — предреволюционная. 14 апреля 1931 года рухнул строй, не одна лишь форма правления, а весь строй, т.е. социальные, экономические и политические основы, на которые эта форма правления опиралась. Естественно, те, кто принимал эту полуреволюцию всерьёз, не ограничивали свои амбиции заменой либеральной монархии на буржуазную республику. Поэтому, овладев властью, они быстро утратили спокойные манеры, на которые возлагали надежды многие. Асанья и социалисты, настоящие революционеры, принялись «делать революцию».

Примо де Ривера улыбается и продолжает:

— Потом прошли выборы. Правые, имея справедливые основания для протеста и используя лучшие методы, завоевали большинство в парламенте. Сформировалось буржуазное республиканское правительство, и несколько недель консервативные массы пребывали в эйфории, воображая, будто революция «закончилась», как вызывавший раздражение кинофильм.

— А Вы так не считаете?

— Разумеется.

Внимание! Революция!

— Я Вас слушаю.

— Сразу скажу, что революция жива, и она нам угрожает. Позиции победивших правых настолько шатки, что правым даже не приходит в голову взять власть или завоевать её. 200 депутатов парламента ничего не могут против революции.

— Есть мнение, что через месяц пейзаж изменится.

— Нет. Я сказал Вам, что мы в одном шаге от революции. Об этом ни на минуту не забывают те, кто думает, как я. Невозможно делать вид, будто «ничего не произошло».

— Вы умалчиваете о том, каков же выход.

— Нет. Вы хотите это знать? Выход таков: заменить разрушенное государство другим.

— Каким именно?

— Одним из двух. Либо социалистическим государством, которое доведёт революцию до победного конца, либо «тоталитарным» государством, которое установит внутренний мир и вернёт нации оптимизм, сделав своими интересы всех. И это не должно остаться фразой, необходимо глубоко проникнуть в испанскую социальную реальность, которая требует глубочайших реформ. Пока миллионы испанских семей живут в нищете, внутреннего мира в Испании не может и «не должно» быть. Интересы этих миллионов семей необходимо включить в общие интересы Испании, иначе в отчаянии они станут жертвами антинациональной анархии.

«Нация становится великой, когда воплощает в реальность силу своего духа»; «свобода — это не право, а долг»; «прежде всего, фашизм в том, что касается в целом будущего и развития человечества, отбрасывая в сторону все соображения текущей политики, не верит ни в возможность, ни в полезность вечного мира».

— Хорошо, дон Хосе Антонио. А какова Ваша позиция в данный момент?

— Моя позиция выражена в речи, произнесённой в Театре комедии 29 октября 1933 года. Она заключается в том, чтобы поставить свою энергию на службу национальному и социальному тоталитарному государству, которое будет считать себя орудием судьбы всей Испании, как единого целого по отношения к миру, а не самого сильного класса или самой сильной партии.

— А Ваша работа в парламенте?

— От неё мало чего можно ожидать. Я постоянно убеждаюсь в неспособности парламента преобразовать Испанию. А что касается работы самого парламента, то, что он сделал до сих пор?

Примо де Ривера делает паузу. Он смотрит поверх камина. Там висит портрет его отца и другой, с дарственной надписью — Муссолини. Я предлагаю ему сигарету. Он говорит: Спасибо. Я не курю.

Большая картотека. До самых дверей. Примо де Ривера работает.

Контора адвоката? Или кабинет трудолюбивого ученого?

ИСПАНСКАЯ ФАЛАНГА ХОНС — НЕ ФАШИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Заметка, опубликованная в испанской прессе 19 декабря 1934 г. Текст составил Хосе Антонио

Сообщение о том, что Хосе Антонио Примо де Ривера, вождь Испанской Фаланги ХОНС, намеревался принять участие в т.н. Международном фашистском съезде, который состоялся в Монтрё, абсолютно ложно. Вождь Фаланги был приглашён на этот съезд, но решительно отверг это предложение, чтобы дать понять, что подлинно национальный характер Движения, которое он возглавляет, исключает даже видимость какого-либо международного руководства.

С другой стороны, Испанская Фаланга ХОНС не является фашистским движением; она имеет с фашизмом некоторые точки соприкосновения в важных вопросах, касающихся универсальных ценностей, но она каждый день подчеркивает свой особый характер и убеждена, что, идя именно по этому пути, она получит самые плодотворные возможности для своей деятельности.

ХАРАКТЕР И СТИЛЬ – ВОТ ЧТО ТАКОЕ ИСПАНИЯ

Тост Хосе Антонио на банкете в честь Эухенио Монтеса 24 февраля 1935

Вот она, наша Фаланга; сегодня утром она проповедует свои идеи по сёлам Кастилии, а мы сейчас сидим с тобой за столом, брат Эухенио Монтес. Такова наша Фаланга: она сочетает в себе интеллектуальность, которая раньше существовала без характера, утерянного в бесплодном эстетизме, и любовь к родной земле, которую хотели лишить всех требований стиля.

Мы умеем сочетать вечное чувство кастильской земли с трудной точностью мысли философа и поэта, хотя быть философом и быть поэтом это разные вещи.

Характер и стиль — вот из чего состоит Испания. Сегодня мы часто слышим возражения против стиля. Нам говорят, будто те, кто творил великие дела, не думали о стиле. Ну и что из того, что не думали? Главное, они его имели. Стиль это то, что Гёте называл идеей своего существования: внутренняя форма жизни, которая, сознательно или бессознательно, проявляется в каждом действии и в каждом слове.

Кто-то написал: «Испанская пехота доблестна сама по себе». Он плохо знал испанскую пехоту, тот, что это написал. Она была доблестной, потому что служила великой судьбе, потому что воплощала в жизнь великую судьбу, была опорой Империи Запада, духовного единства Европы, силой лучших принципов. Сама по себе эта пехота не имела поводов быть доблестной.

Трагедия Испании, может быть, заключается в том, что её характер и её стиль были разъединены ложной, пошлой, декадентской оболочкой «исконного языка». «Исконный язык» — это не народный язык. Народными, ритуальными и глубокими, как говорил Рафаэль Санчес Масас, являются традиции празднования дня рождения, медового месяца, почитания семейного очага; о них нам напоминают это кафе Сан Исидро и эта улица Толедо. Зато не народны Форнос в Мадриде, квадрига Аполлона и тот провинциализм, который выражается в «тыканье», употреблении цикория и в напевах фламенко, которые поют с андалузским акцентом, а придумали их между Мадридом и Сан Мартин де Вальдеглесиас.

Нет недостатка и в официальных советчиках, которые говорят, Бог весть с каким намерением: «С народом надо говорить грубо, иначе он не поймёт». Это оскорбление для народа и для нас. Мы не выдумываем никакого особого языка для наших речей, потому что, как сказал тот же Рафаэль, мы плотью и языком принадлежим к одному народу.

Кто сказал, что наш народ понимает только грубую речь? Театр Кальдерона это сплошная теология и метафизика, выраженные в самой утончённой форме. Однако это народный театр. И мы тоже народны — посмотри, Эухенио, на лица, которые тебя окружают, — мы с тобой хорошо понимаем друг друга. Именно поэтому мы не говорим на «исконном» языке и не чувствуем себя, как рыба в воде в той Испании, где нам приходится жить. Мы неустанно странствуем по её дорогам, потому что в этой Испании нам ничего не нравится, потому что мы хотим, чтобы Испания была другой, собранной, такой, какой её трудно сделать. Берегитесь, ребята, тех, кто превозносит интуитивные достоинства инстинкта — это варварство! Наш товарищ Матиас Монтеро, которого больше нет с нами, умер за тот образ жизни и стиль, который мы хотим привить нашей Родине. Испании, которой сегодня ещё нет, но которая стоит того, чтобы отдать за неё жизнь.

Такие чувства мы испытываем во время нашего банкета. Ты, Эухенио Монтес, мастер трудных дел, вернул интеллекту функцию служения ремеслу, а мы сражаемся, потому что понимаем то, что ты хочешь сказать нам. Сегодня ты уезжаешь в Рим. Когда ты вернёшься, может быть, тебе придёт на ум что-то новое. Тогда я предлагаю тебе снова разделить с нами трапезу под крышей этого же кафе Сан Исидро.

«Ла Насьон», 25 февраля 1935

ИСПАНИЯ И ВАРВАРСТВО

Речь, произнесённая в театре Кальдерона в Вальядолиде 3 марта 1935 г.

Завтра исполнится год с того дня, когда в этом же самом театре перед Испанией предстала Испанская Фаланга ХОНС. В те дни было осуществлено слияние воедино ядер ХОНС и Испанской Фаланги, которые с тех пор образуют неразрывное единство Испанской Фаланги ХОНС. Это была её первая пропагандистская акция и, как и все смелые предприятия, она завершилась выстрелами. Почти всегда начать стрелять это лучший способ привлечь к себе внимание. За этот год произошло многое, и мы можем надеяться, что достигли такой степени зрелости, на какую и не рассчитывали в 1934 году. К концу года наше движение обрело свои интеллектуальные контуры.

Кое-кто думал о нас, что мы это вышедшая на улицы ударная сила, которая потом будет работать под наблюдением неких благоразумных людей. Сегодня о нас так уже не думают, а мы, со своей стороны, совершенно чётко заявляем, что мы не чей-то авангард, а армия нового строя, который необходимо установить в Испании. И я осмелюсь добавить, что Испания, установив этот новый строй, покажет пример Европе и всему миру.

Эпохи можно разделить на классические и средневековые; последние заняты поиском единства, первые отличаются тем, что они его нашли. Классические эпохи, эпохи завершённости, заканчиваются катастрофой, вторжением варваров. Этот процесс можно наблюдать на примере Рима. Его средние века, эпоха роста, длились от битвы при Каннах до битвы при Акциуме, его классическая эпоха — от битвы при Акциуме до смерти Марка Аврелия, период упадка — от Комода до вторжения варваров. Когда в Риме начали действовать две разлагающие силы, которые в итоге его разрушили, Рим представлял собой законченное единство, ему нечего было больше делать. Все высшие цели были

достигнуты, а внутренней жизни в Риме не было; его религия ограничивалась регулярно проводимыми церемониями; его мораль была моралью народа воинов: это великолепная сила, когда ведётся строительство, но она становится бесполезной, когда строительство завершено. Отсюда усталость Рима, стремление найти убежище в двух течениях, обращённых в сторону внутренней жизни. Первым из них был стоицизм нашего Сенеки, но это была интеллектуальная философия, а не религия откровения; вторым было христианство, отрицавшее римские принципы, религия униженных и преследуемых, не признававшая императора божественным и достойным священного сана. Христианство подрывало основы Рима, но, чтобы Рим исчез, не хватало катастрофы — вторжения варваров.

Мы сегодня являемся свидетелями конца эпохи, средние века которой последовали за классической эпохой Рима. Разрушенный Рим стал историческим полем, находящимся под паром. Потом на нём пробились новые ростки культуры, образовались корни европейского единства. И наступил XIII век, век Святого Фомы. В эту эпоху общей идеей было метафизическое единство, единство в Боге; эти абсолютные истины объясняли всё, и весь мир, в данном случае Европа, имел самую совершенную экономику всех времен. Университеты Парижа и Саламанки рассуждали на одни и те же темы на одной и той же латыни. Миф нашёл самого себя. Вскоре возникла Испанская империя, историческое, физическое, духовное и теологическое целое.

К третьему десятилетию XVIII века начались метания. Общество уже не верило в самого себя и не верило столь же сильно, как раньше, ни в какое высшее начало. Это отсутствие веры, по контрасту с тягостностью совершенного общества, побуждало слабые умы к бегству, к возврату к Природе.

Жан-Жак Руссо олицетворял собой это отрицание и, поскольку он утратил веру с её абсолютными истинами, он сочинил свой «Общественный договор», книгу, в которой он рассуждал о том, что всё должна вершить воля, а не разумные нормы. Появились экономисты и начали объяснять историю через торговлю, стоимость и обмен. Возникла крупная промышленность, ремесленники превратились в пролетариев. Появился демагог, которому поверила доведённая до отчаяния пролетарская масса, а то, что мнилось бесконечным прогрессом, закончилось войной 1914 года, попыткой Европы совершить самоубийство.

Европа Святого Фомы была Европой, которую объясняло одно и то же мышление. Европа 1914 года не захотела больше быть единой. Порождением европейской войны было появление легионов ничем не занятых людей; после этой катастрофы остановились фабрики, и огромные массы людей стали безработными; промышленность развалилась, усилилась конкуренция, были воздвигнуты таможенные барьеры. В этой ситуации, при утрате всякой веры в вечные начала, что ожидало Европу? Несомненно, новое вторжение варваров.

Есть две точки зрения: одна катастрофическая, которая считает вторжение варваров неизбежным и надеется лишь, что после катастрофы начнутся новые Средние века, и наша, которая исходит из того, что можно возвести мост над варварским потоком, избежать катастрофы и спасти из той эпохи, в которую мы живём, все духовные ценности цивилизации.

Такова наша новая задача перед лицом русского коммунизма, который грозит нам вторжением варваров. Кое-чему мы можем поучиться у коммунистов: их самоотверженности, их чувству солидарности. Но русский коммунизм — это вторжение варваров, он переходит все границы и отбрасывает все исторические и духовные ценности; это антиродина без веры в Бога. Поэтому мы прилагаем усилия к тому, чтобы спасти абсолютные истины, исторические ценности, не дать им исчезнуть. Как это сделать? Это вопрос, ответ на который должен быть дан здесь, в Кастилии и Испании.

Одно решение предлагает социал-демократия. Она, по сути, сохраняет капитализм, но занимается тем, что сыпет песок в его шестерни. Это чистое безумие.

Другое предлагаемое решение — тоталитарные государства. Но тоталитарных государств не существует. Есть нации, у которых появились гениальные диктаторы, подменяющие собой государство. Но подражать этому примеру невозможно. Мы в Испании пока только надеемся, что у нас появится такой же гений. В качестве примеров того, что именуется тоталитарным государством, называют Германию и Италию. Но прошу заметить: они не только не похожи друг на друга, но радикально противоположны, потому что у них противоположные исходные точки. Германия исходит из веры народа в свой расовый инстинкт. Немецкий народ в восторге от самого себя, Германия живёт в условиях супердемократии. Римом, наоборот, правит гений с классическим складом ума, он хочет формировать народ сверху. Немецкое

движение — движение романтического типа, его направление всегда одно и то же: отсюда вышли и Реформация, и Французская революция, поскольку Декларация прав человека списана с Конституции США, этого детища немецкой протестантской мысли.

Ни социал-демократия, ни намерение построить тоталитарное государство, не имея гения, не достаточны для того, чтобы избежать катастрофы. Есть ещё одна разновидность бальзамов, которыми так богата Испания: я говорю о конфедерациях, блоках и союзах. Все они исходят из предпосылки, что несколько карликов, объединившись в союз, могут стать гигантом. Мы должны с осторожностью относиться к подобным рецептам и не дать обмануть себя болтовнёй. Есть движения, которые первым пунктом своей программы ставят религию, а в остальном преследуют только материальные выгоды; которые в обмен на умеренный характер аграрной реформы и неприкосновенность церковных владений изгоняют крест из школ и отказываются запретить разводы.

Другие блоки объявляют себя корпоративистскими, но это не более, чем фраза. Спросим у первого, кто говорит об этом: Что вы понимаете под корпоративизмом? Как эта система работает? Как она решает международные проблемы? До сих пор лучший проект разработан в Италии, но и там это лишь придаток к совершенному политическому механизму. Для гармонизации отношений между хозяевами и рабочими там создано нечто вроде наших смешанных судов в гигантском масштабе: конфедерации хозяев и рабочих и связующая их вершина. Сегодня корпоративное государство не существует, и неизвестно, хорошо оно или плохо. Закон о корпорациях в Италии, по словам самого Муссолини, это исходная точка, а не пункт назначения, как думают наши политики, мнящие себя корпоративистами.

Когда мир разваливается, его не скрепить пластырем сугубо технических мер. Необходим совершенно новый строй, и его исходной точкой должна стать личность. Пусть услышат это те, кто обвиняет нас в том, будто мы исповедуем государственный пантеизм: мы считаем личность фундаментальной единицей, потому что Испания всегда ставила во главу угла человека как носителя вечных ценностей. Человек должен быть свободным, но нет свободы, если нет порядка.

Либерализм сказал человеку, что он волен делать, что хочет, но не обеспечил экономический строй, который был бы гаран-

тией этой свободы. Необходимой гарантией может быть организованная экономика, а в настоящее время мы имеем экономический хаос. Но экономика не может быть организованной без сильного государства, а сильным, но не тираническим может быть только государство, которое служит единству судьбы. Сильное государство, обладающее сознанием этого единства судьбы, — истинный гарант свободы личности. И наоборот, государство, которое не имеет этого сознания, постоянно боится прослыть тираническим. Таково наше испанское государство. То, что удерживает его руки от воцарения справедливости путём кровавой революции, это сознание отсутствия у него внутреннего оправдания, отсутствия миссии, которую оно должно выполнить.

Испания может стать сильным государством, поскольку она представляет собой единство судьбы в мире. Испанское государство может ограничиться выполнением основных функций власти, сняв с себя не только задачи арбитража, но и полное регулирование многих отраслей экономики, передав его традиционным институтам — синдикатам, которые не будут больше паразитическими структурами, как при нынешних трудовых отношениях, а интегрирующей вертикалью, которая будет обеспечивать сотрудничество всех отраслей производства.

Новое государство должно реорганизовать, руководствуясь критерием единства, испанское сельское хозяйство. Не вся Испания пригодна для обитания: надо оставить пустошам и, прежде всего, лесам многие земли, на которых те, кто их обрабатывает, обречены на вечную нищету. Массы людей надо переселить на земли, пригодные для обработки. Для этого необходима глубокая экономическая и социальная реформа сельского хозяйства: мелиорация земель и рационализация их использования, орошение, обучение агрономов и животноводов, цены, компенсирующие затраты; таможенная защита сельского хозяйства, дешёвые кредиты, сочетание семейных наследственных хозяйств и коллективной обработки земли. Это и будет настоящий возврат к Природе не в стиле эклог Руссо, а в стиле «Георгик» с их глубоким, серьёзным и ритуальным пониманием земли.

Руководствуясь тем же критерием единства, следует реорганизовать всю экономику. Как достичь гармонии между трудом и капиталом? Труд — человеческая функция, собственность — человеческий атрибут, собственность, но не капитал: капитал — это экономическое орудие и как таковое

должно служить экономике в целом, а не чьим-то личным выгодам. Хранилища капитала должны быть подобны водохранилищам: они создаются не для того, чтобы кто-то устраивал на них регаты, а для того, чтобы регулировать течение рек и вращать турбины.

Чтобы сделать всё это, надо преодолеть сильнейшее сопротивление. Воспротивятся все эгоизмы, но наш лозунг всегда будет таким: Речь не идёт о спасении материальных благ. Собственности, как её понимали до сих пор, приходит конец. С ней покончат, во благо или во зло, массы, которые, большей частью, правы и к тому же обладают силой. Важно не спасение материальных ценностей, важно, чтобы при материальной катастрофе не погибли и главные духовные ценности. Их мы и хотим спасти любой ценой, даже пожертвовав всеми экономическими привилегиями. Больше будет значить слава, которой покроет себя наша Испания, если она остановит вторжение варваров.

СПОСОБ РАСПОЗНАВАНИЯ «РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ»

Каждому приходилось сталкиваться с суровыми революционерами или «геволюционерами», как говорят те, кто не произносит букву «р», такими суровыми, такими суровыми, что всех остальных они считают лжереволюционерами. При такой встрече естественно задать самому себе вопрос: А за счёт чего живёт этот субъект?

Дело в том, что есть страшные революционеры, которые зарабатывают, например, в государственном учреждении 450 песет в день и расходуют две-три тысячи на поездки, особняки, званые обеды и оплату трех бандитов в автомобиле, которые охраняют их драгоценные жизни.

И если упорно заниматься выяснением того, каким образом этим революционерам при их маленьких зарплатах удаётся повторить чудо Иисуса с хлебами и рыбами, вскоре выяснится, что тайный источник такой расточительности — средства некоторых архиконсервативных миллионеров или секретные фонды, предназначенные для распределения среди своих. В обоих случаях речь идёт о кормушке и об её хозяине.

Эта изначальная низость «бедных» революционеров накладывает свой отпечаток на все их действия. Этот отпечаток мошенничества лежит на всём, начиная с утверждений, будто они обладают какими-то компрометирующими секретами, и кончая якобы искренними обращениями со страниц газет к воображаемым массам, ради обретения симпатий которых можно даже проводить собрания на трамвайных перронах.

Таким образом, некий индивид продаёт своё достоинство честного человека за деньги. Он принимает их, и его низость нравится хозяевам. Это, пусть и печальный, но всего лишь эпизод его личной жизни. Хуже, что такой индивид отрабатывает свои сребреники, играя на отчаянии бедных рабочих, которые верят его посулам. О, как он ненавидит тех, кто жертвует своим положением, привилегиями, покоем и личными привязанностями, и взваливает на себя тяжелейшую задачу — привлечь на свою сторону и закалить в самопожертвовании нашу замечательную патриотическую молодёжь.

В том, что это мощное движение беспокоит фабрикантов лжепатриотизма и холодных закусок под названием «корпоративное государство», нет ничего особенного; но то, что на службе у этих фабрикантов состоят революционеры, нарочито плохо одетые и грязные, и произносят речи, наполненные пылкой демагогией, это мерзость. Здоровые организации обычно отбрасывают эту мерзость, не делая при этом красивых жестов и не удивляясь тому, что она появляется.

«Арриба», № 1, 21 марта 1935

НЕУДОБНАЯ ИСПАНИЯ

Я тоже принадлежал к числу тех, кто надеялся мирно жить в своей келье. Я не знаю более привлекательной привилегии, чем иметь возможность заниматься своим делом. Большинство смертных живёт, как люди, сбившиеся с пути. Они смиренно принимают свою судьбу, но не без тайной надежды однажды уклониться от неё. Я видел многих людей, которые, имея одну из самых привлекательных профессий, например, замечательную профессию военного, мечтали однажды избавиться от неё и найти лазейку, которая приведёт их к спокойной жизни бюрократа или коммерсанта. Эти люди живут не настоящей жизнью, не той, которая была им предназначена. Я испытываю иногда скорбь Пиранделло, думая об этих настоящих жизнях, которыми их обладатели не жили, а вели фальшивую жизнь. Поэтому я и ценю так возможность следовать своему призванию. Я знаю, что важны не аплодисменты; лучше тихая радость, которую чувствуешь, когда следуешь за своей звездой. Счастливы лишь те, кто знает, что свет, который проникает на их балкон каждое утро, осветит то занятие, которое предназначено для них в гармонии мира.

***

Но сегодня мы не можем спрятаться в келье. Во-первых, потому что с улицы доносится очень сильный шум. Во-вторых, потому что наше непонимание того, что происходит в мире, не послужит нашей судьбе в судьбах мира, а чудовищным образом исказит её. Наша эпоха не подходит для высокомерия одиноких эстетов и для облачённой в одеяния идеализма грязной лени тех вредных лодырей, которые чванливо именуют себя бунтарями. Сегодня время служить. Функция служения, ремесла обрела своё славное достоинство. Никто, ни философ, ни военный, ни студент не может оставаться в стороне от гражданских стремлений. Мы осознаём этот долг и не делаем его предметом насмешек.

И в Испании это важней, чем где-либо. Наша Испания осиротела, она утратила гармоничное устройство. А как без него кто-то может надеяться найти своё место в общей гармонии? Наша Испания отличалась тем, что у неё был стиль, как говорил Менендес-и-Пелайо, а сегодня она меньше всех в мире может этим похвастаться. В её народных основах есть замечательные слои мирной и гармоничной цивилизации, но сколько мусора на них навалено! Неизвестно, что хуже: демагогическое варево левых, выдающих старые глупости за находки, или ура-патриотизм правых, которые своей вульгарностью делают отталкивающим то, что должно привлекать. Усилиями левых и правых создаётся хаос, шумный, запутанный, утомительный, бесплодный и безобразный.

***

Мы, студенты, когда взываем к имени Испании, не примыкаем к плохому оркестру патриотов, не собираемся петь в хоре фанфаронов, и другим не советуем. Мы призываем к аскетичной работе, мы хотим найти под развалинами отвратительной Испании ключи Испании настоящей, той, которую трудно создать.

Мы не будет просто клеймить как антипатриотов тех или иных критиков Испании, торопясь сформулировать наше недовольство. Мы упрекаем их в том, что они в своей критике не вполне откровенны. Но их недовольство — наше недовольство. Наш способ служить Испании строгий. Мы часто бичуем физическую плоть Испании, её страхи, её лень, её известные пороки, чтобы освободить её метафизическую душу. Эта Испания для нас неудобна. Избави нас Бог от того, чтобы жить, как рыбы в воде, в сегодняшней Испании! Мы испытываем гнев и отвращение при мысли о таком растительном существовании. Когда делаешь операцию, надо резать без колебаний. Неважно, что из-под скальпеля потечёт кровь. Главное — быть уверенным в том, что действуешь, повинуясь закону любви.

«Ас», первый год выпуска, № 1, 26 марта 1935

КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ

Все правые политические партии усиленно подчёркивают свой контрреволюционный характер. Они яростно соревнуются между собой, доказывая, какая из них самая контрреволюционная. Но различия, которые их разъединяют, не исчезают, несмотря на это фундаментальное совпадение. Происходящее логично, потому что, создавая союз или блок на базе этой концепции, нельзя ограничиваться привлечением сил, обычно считающихся правыми. Если предлагается создать единый фронт всех контрреволюционных сил, то следовало бы объединить все контрреволюционные направления.

Разве контрреволюционеры только правые? Партии «порядка», Аксьон Популар, аграрии, Испанское Обновление, традиционалисты-контрреволюционеры, потому что они за «порядок», т.е. потому что их главное стремление — сохранить порядок, не абстрактный, а ныне существующий. А левые, вплоть до Асаньи, они что, хотят свергнуть существующий строй и установить новый, например, в области экономики, на обломках буржуазного строя? Да никоим образом. Это, по сути своей, буржуазные партии, сторонники сохранения капиталистического строя. Если правые — контрреволюционеры, потому что они хотят сохранить этот строй, а левые тоже защищают существующий порядок вещей в плаще и со шпагой, то почему бы им не заняться всерьёз созданием контрреволюционного блока, который включал бы в себя всех, от Аксьон Популар и Испанского Обновления до Асаньи? Это было бы логично, это был бы союз всех контрреволюционных сил.

Ясно, что под этой напыщенной фразеологией кроются более скромные мотивы: нужно, чтобы продолжалась борьба между партиями, чтобы они собирали для выборов свою клиентуру, чтобы могли спокойно переваривать пищу те, кто извлекает выгоду из нынешней ситуации, касики города и деревни, ростовщики, банкиры, капитаны промышленности. Прихо-

дится маскировать свои цели, лишь бы жизнь осталась такой, как есть. Ей приписывают все божественные и человеческие достоинства и изображают ситуацию как пейзаж в идиллических рассказах. Говорят, будто эпоха революций прошла, антинациональные марксистские силы побеждены и т.д. Если в мире происходит какое-то событие, его суть извращают и делают бессмысленные выводы.

Контрреволюционные политики столь наивны, что они думают, будто им удастся таким образом обмануть действительность. Это глупая надежда, потому что, нравится нам это или нет, но наша эпоха — революционная, а ситуация в Испании остро революционная. Это не зависит от наших желаний, как не зависит от них, будет хорошая или плохая погода.

Надо быть слепым, чтобы не видеть, как рушится вся политическая и экономическая структура капиталистического мира и с каждым днём становится всё более ясно, что есть лишь два решения и оба революционные: диктатура пролетариата или национальное государство, которое обеспечит социальную справедливость и укажет народу коллективную цель. Иного выхода нет, нравится нам это или нет. Контрреволюционные пластыри и заплаты, вся эта галиматья на руку только тем, кто стремится к антинациональной революции.

«Арриба», № 2, 28 марта 1935

ГОСУДАРСТВО, ЛИЧНОСТЬ И СВОБОДА

Лекция, прочитанная на образовательных курсах, организованных Испанской Фалангой ХОНС 28 марта 1935г.

Проблема свободы

В противовес презрительным словам Ленина: «Свобода — для чего?» мы начинаем утверждать свободу личности, признавать личность. Подвергая критике государственный пантеизм, мы начинаем принимать реальность свободной личности, носительницы вечных ценностей.

Но какая-либо вещь утверждается именно тогда, когда ей грозит гибель. Мы утверждаем свободу, потому что опасаемся, что она может быть подавлена. А при какой ситуации появляется риск, что эта концепция свободы станет недооцениваться?

Для первобытного человека не существовало идеи, концепции свободы. Он жил в условиях этой свободы, она была для него естественной, он не ценил её и не формулировал. Первобытный человек обладал полной свободой, не зная, в чём она заключается. Он не знал этого, потому что не был способен её ограничивать, он просто существовал и ничего больше. Только когда возникает общность, которая накладывает запрет на его импульсы, он отдаёт себе отчёт в том, что такое свобода их проявлений. Пока не появляется совокупность норм, способных ограничить стихийные тенденции природы, проблема свободы не возникает; её нет, пока нет государства.

Государство может считать себя социологической реальностью, познаваемой методами наук о «бытии», естественных наук и совокупностью норм, к которым могут быть применимы методы наук о «долженствовании», нормативных наук. В первом аспекте борьба между личностью и государством не представляет юридического интереса, она сводится к изучению причинных

связей, безразличных для проблемы долженствования. Борьба, интересная с юридической, политической точки зрения — это борьба между комплексом норм, составляющих государственный юридический порядок, и личностью, которая хочет утвердить себя в жизни перед лицом этих норм, хочет, попросту говоря, делать то, что принесёт ей выгоду.

Правые и левые

Эта борьба группирует политические тенденции вокруг двух постоянных направлений, которые называют «правым» и «левым».

За этими внешними выражениями скрывается нечто более глубокое. Суть этих позиций, правой и левой, мы могли бы кратко описать следующим образом: правые это те, кто считает, что общая цель государства оправдывает индивидуальные жертвы и что личный интерес надо подчинять коллективному, а левые, наоборот, ставят на первое место самоутверждение личности, она превыше всего, главное — её интересы, а всё, что направлено против них, незаконно.

Но, согласно этим определениям, получается, что коммунизм — правое течение, потому что коммунизм всё подчиняет государственным интересам. Ни в одной стране нет меньше свободы, чем в России [СССР — Ред.], нигде государство не довлеет так удушающе над личностью. Но нас уверяют, будто конечная цель коммунизма — общественная организация без государства, без классов, полная анархия и полное равенство. Так учили вожди коммунистов: за трудным этапом строгой диктатуры последует анархистский коллективизм.

В эпохи нарушения всех законов, вроде той, в которую мы живём, стираются контуры стабильных состояний, вот и получается, что архиконсерваторы чувствуют себя левыми, т.е. индивидуалистами, когда речь идёт о защите их интересов. Как «правые», так и «левые» перемешиваются друг с другом и противоречат сами себе, потому что поворачиваются спиной к своим постоянным, фундаментальным духовным ценностям.

Суверенность

Но неверна та точка зрения, которая противопоставляет личность государству и считает суверенность той и другого антагонистическими понятиями. Эта концепция «суверенности» стоила

миру много крови, и ещё будет стоить, потому что эта «суверенность» узаконивает любое действие, от кого бы оно ни исходило. Разумеется, перед лицом права суверена делать то, что он хочет, личность тоже претендует на право делать то, что она хочет. Этот спор неразрешим.

На этом принципе основывался абсолютизм. Эта система появилась в эпоху Возрождения и дала лучших политиков, чем философов. Она опиралась на римское право и видела в политической власти частное «владение»; говорилось о её наследственном характере. Князь становился «владельцем» своего трона и все его желания обретали силу закона только потому, что исходили от него: «Quod principi placuit, legis habet vigorem». Отметим, между прочим, что это божественное право королей никогда не было доктриной Церкви, вопреки утверждениям её врагов.

Естественно, что в противовес божественному праву королей было провозглашено божественное право народа. Выразительную форму этому основному тезису демократии придал Руссо в своем «Общественном договоре». По его мнению, вся власть исходит от народа и его волевые решения оправданы несправедливостями прошлого. За лозунгом «Quod principi placuit, legis habet vigorem» последовало утверждение Жюрьё: «Народу не нужны доводы для оправдания своих действий». И личность, избавившись от тирании правителей, стала жертвой тирании народных собраний.

Суверенность и судьба

Государство настаивает на своей суверенности, личность на своей, и они сражаются друг с другом за право делать то, что им выгодно. Этот спор неразрешим. Но есть правильный и плодотворный выход из этой борьбы, если мы подведём под неё иные основы. Этот разрушительный антагонизм исчезнет, если проблему отношений между личностью и государством мы будем понимать не как борьбу за власть и права, а как стремление к целям, намеченным судьбой. Родина — это единство судьбы в окружающем мире, а личность является носительницей особой миссии в гармонии государства. Здесь не может быть никаких споров: государство не может предать свою задачу, а личность не может перестать работать над своей в совершенном порядке жизни своей нации.

Позиции анархизма невозможно защищать, потому что, будучи абсолютным утверждением личности, он своим тезисом о доброте человека и его способности к соглашению уже делает ссылку на какой-то порядок вещей; устанавливая понятия добра и согласия, он отрицает сам себя. Анархизм похож на молчание: когда о нём говорят, его отрицают.

Идея судьбы, оправдывающая существование государства или системы, заполняла собой самую высокую эпоху, достигнутую Европой: XIII век, век Святого Фомы. Она родилась в умах монахов. Монахи воплотили её во власти королей и отрицали эту власть, когда она не оправдывалась стремлением к великой цели: благосостоянию подданных. Если бы было принято это определение бытия как выполнения миссии, как единства судьбы, расцвела бы благородная, великая и могучая концепция «служения». Если все выполняют свои задачи, достигается полная гармония в «служении» между личностью, единством и свободой. Открылась бы бесконечно плодотворная эра, целью которой была бы гармония и единство человеческих существ. Никто не чувствовал бы себя оторванным от других, не чувствовал противоречия между реальностью и общественной жизнью. Личность участвовала бы в делах государства, выполняя определенную функцию, не при посредстве политических партий, не как представительница ложной суверенности, а в каком-то учреждении, в семье, в муниципальном округе. Трудолюбивы работник был бы носителем власти.

Профсоюзы — это профессиональные братства, братства трудящихся и одновременно вертикальные органы государственной системы. Выполняя свою скромную повседневную работу, они могут быть уверенными в том, что они являются живым и необходимым органом в теле Родины. Государство тогда избавится от тысячи ненужных занятий. За ним останется лишь то, что связано с его миссией перед миром, перед историей. Государство как синтез таких плодотворных действий позаботится о своей всемирной судьбе. И вождь это тот, кто указывает высокие цели и одновременно больше всех служит им. Координатор многих частных судеб, рулевой курса великого корабля Родины, но её первый служитель. Это высшая должность на земле — быть «слугой слуг Божьих».

Еженедельник «Арриба», № 3, 4 апреля 1935

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА НАКАНУНЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПЕРЕЛОМА

Лекция, прочитанная в коммерческом кружке Мадрида 9 апреля 1935 г.

Не думайте, что я отношу на свой счёт те аплодисменты, которыми вы меня встретили. Однако я весьма благодарен, что меня пригласили выступить с этой кафедры, с которой звучали голоса многих авторитетных людей, и хотел бы сказать, что осознаю ответственность того мероприятия, что сегодня проводится. Эту ответственность накладывает уже сама высота этой кафедры. Я очень благодарен дону Мариано Матесансу за столь любезные слова, сказанные им в мой адрес, но хотел бы отметить, что это нелегкая задача — найти верный тон моего нынешнего выступления.

Надеюсь, никто из вас не ожидает, что я устрою сегодня политический митинг. Это плохо соответствовало бы открытому гостеприимству этой свободной кафедры. К тому же я считаю, что когда собираются сколько-то испанцев, много испанцев, как сегодня, мы все скорбим о судьбах Испании, нам не подобает ограничиваться комментариями по мелочам текущей политики. Это отвлекло бы нас от другой политической миссии, великой и трагической. Если бы мы начали гадать, скоро ли снова соберутся Кортесы, помирятся ли группы, которые еще недавно были друзьями, и довольствовались бы этим, я убежден, мы упустили бы одну из тех возможностей, когда мы собираемся, чтобы поговорить о трагических вещах, о том, что сегодня нас особенно беспокоит.

Итак, я не буду устраивать митинг, но и не намерен читать академическую лекцию. Это не соответствовало бы вашему настроению, я не считаю себя достаточно авторитетным для этого. Да и время сейчас не такое, чтобы дилетанты читали академические лекции. Обычно, когда о серьезных вещах говорят в академических лекциях, Европе предстоят гекатомбы. То, что предстоит Испании, как части Европы, начинается в салонах, может быть, самых утонченных из всех салонов, какие когда-либо видела история. Если хотите (чтобы представить себе разнообразие этих первоначальных моментов, несколько нервных, частично из любопытства, частично благодаря моей эмоциональности, а частично потому что я не знаю, какое помрачение умов нас еще ждёт), давайте перенесёмся в своём воображении в те салоны, о которых я вам говорил.

Давайте представим себе на минуту, что мы живём в последней трети XVIII века. С XIII по XVI век мир жил сильной, надёжной жизнью, в полной гармонии; мир вращался вокруг одной оси. В XVI веке начались сомнения, а XVII век открыл дорогу свободным исследованиям, и под сомнение было поставлено всё на свете. XVII век уже не верил ни во что, а самые утончённые представители XVIII века не верили уже в самих себя. Тогда литераторы и философы той эпохи и начали болтать в своих лекциях о том обществе, которое с восторгом их принимало. Лучшим сатирам на общество XVIII века аплодировало то самое общество, против которого они были направлены. И в этом самом XVIII веке, когда все свелось к светской болтовне, иронии и худосочной философии мы встречаем две очень разные фигуры, женевского философа и шотландского экономиста.

Женевский философ был человеком болезненным, деликатным, утончённым. Этот философ, как, по словам Шпенглера, бывает со всеми романтиками, — а он был прямым предшественником романтизма — страдал, живя в слишком здоровом, слишком мужественном, слишком могучем обществе. Его угнетала тяжесть этого общества, и он испытывал неодолимое желание отделиться от этого общества, вернуться к Природе, освободиться от дисциплины, от гармонии, от норм.

Эта ностальгия по Природе постоянно звучит во всех его произведениях: возврат к свободе. Самая знаменитая из его книг — книга, которая продолжала влиять на протяжении всего XIX века, а в наши дни это влияние уже близко к развязке — вовсе не требует того, чтобы её читали целиком. Она сводится к одной фразе, которая звучит как вздох: «Человек родится свободным и всюду он в оковах». Этого философа, как вы все знаете, звали Жан-Жак Руссо, а книга называлась «Общественный договор».

Эта книга отвергала законность любой власти, полученной традиционным путем, либо по предопределению, которое счита-

лось божественным, либо опиравшейся на традицию. Он отрицал законность этой власти и хотел заменить её новой, руководствуясь ностальгией по свободе. Он говорил: человек свободен, он свободен от природы и не должен никоим образом отказываться от свободы. Человек не может иметь никакой иной системы, кроме той, которую он принял путем свободного волеизъявления; от свободы никогда нельзя отказываться, поскольку это равнозначно отказу от звания человека. Кроме того, отказываясь от свободы, он не заключает никакого соглашения, поскольку не получает ничего взамен; он может быть только свободным и непременно свободным; следовательно, свободной воле тех, кто составляет общество, не может противостоять никакая форма государства. В основе политических обществ должен лежать договор: этот договор, совокупность воли отдельных людей, становится высшей волей, не просто суммой воли отдельных людей, а волей, имеющей свою сущность. Это особое, высшее Я, не зависящее от личности, которые оно объединяет. Только эта суверенная воля, отделённая уже от воли отдельных людей, может издавать законы. Она всегда права; только она может навязывать себя людям, а люди никогда не могут быть правыми перед ней, потому что, если они обратятся против неё, они обратятся тем самым против самих себя. Эта суверенная воля не может ошибаться и не может желать зла своим подданным.

С другой стороны, мы имеем шотландского экономиста. Это человек иного типа, точный, формальный, наивный в своих симпатиях, немного вольтерьянец, довольно распущенный и чуть меланхоличный. Этот экономист, прежде чем стать им, преподавал логику в университете Глазго, а потом моральную философию. В те времена моральная философия включала в себя довольно разнородные предметы: теологию природы, этику, юриспруденцию и политику. В 1759 году он написал книгу под названием «Теория моральных чувств», но не эта книга сделала его бессмертным, а другая, которая называлась «Исследование о богатстве народов». Звали этого шотландского экономиста, как вы все уже догадались, Адам Смит.

Для Адама Смита экономический мир был естественной общностью, созданной в результате разделения труда, которое не было сознательным явлением, желанием распределить между собой задачи, а было явлением бессознательным, стихийным. Разделение труда произошло не по соглашению между людьми, никто не руководствовался при этом интересами остальных, а только собственной выгодой. То, что каждый искал собственной выгоды, привело к гармонизации с выгодами других, и в этом стихийном, свободном обществе мы имеем, во-первых, труд как единственный источник всякого богатства, а во-вторых, обмен вещей, которые производят одни, на вещи, которые производят другие. Далее, мы имеем деньги как товар, в котором все уверены, что остальные его примут, и, наконец, капитал, накопления за счёт того, что не было израсходовано, делающие возможными новые предприятия. Адам Смит был уверен, что капитал — необходимое условие развития промышленности, это его слова. Но всё это происходит, как нам говорят, стихийно, никто не заключает соглашений, чтобы дела шли именно так, однако они идут именно так, как должны идти. Адам Смит считал, что они должны идти именно так, и был настолько уверен в своём анализе, настолько им доволен, что говорил государству, которое называл сувереным: «Лучшее, что ты можешь сделать, это не вмешиваться ни во что, оставить вещи как они есть. Экономические вопросы — деликатнейшие, не трогай их; если их не трогать, они сами по себе пойдут хорошо».

Книга Руссо вышла в 1762 году, книга Адама Смита — в 1776; перерыв между ними был невелик. С тех пор стали подробно обсуждаться две доктрины, тезисы, высказанные одним философом и одним экономистом. И в бурном конце XVIII века произошло то, что должно было произойти: эти два теоретических тезиса решили немедленно проверить на практике. И подобно тому, как в кино перед нашими глазами проходят разные события, и кажется, будто фигуры возникают в глубине экрана, а потом выдвигаются на первый план, вместо дат 1908, 1911, 1917 мы можем сегодня представить себе, как на экране сменяют друг друга иные цифры: 1765, 1767, 1769, 1770, 1785 и 1789. Первые пять дат соответствуют появлению машин, которые преобразили промышленность, прежде всего, прядильную и ткацкую: первой прядильной машины, первой паровой машины, первой ткацкой машины, а последняя дата, 1789 год, это год Французской революции, которая получила в готовом виде руссоистские тезисы и приняла их. В Конституциях 1789, 1791, 1793 годов был сформулирован почти в тех же словах, что у Руссо, принцип народного суверенитета: «Любой суверенитет по сути своей берёт начало в нации. Никакая корпорация, никакая личность не может выполнять властные функции, если последние не являются его выражением». Вы не поверите, но одновременно

с провозглашением этого тезиса отвергалось всеобщее голосование. Только одна из французских революционных конституций, Конституция 1793 года, которая практически не применялась, установили это голосование, а остальные его ограничивали, и в Конституции восьмого года оно окончательно исчезло. Но принцип формулировался по-прежнему: «Основой любого суверенитета является, по сути, нация».

Однако, в революционных конституциях было кое-что, чего не было в «Общественном договоре» — это декларация прав человека. Я уже говорил вам, что Руссо не допускал, чтобы личность противоречила суверенной воле, суверенному Я, национальной воле. Руссо этого не допускал, а революционные конституции допускали. Но прав был Руссо. Со временем власть народных собраний настолько усилилась, что в действительности человеческая личность исчезла, стала иллюзией ссылка на права личности в противостоянии с властью.

Либерализм (пришлось воззвать к нему, потому что не было иного барьера против тирании революционных конституций) знал свою великую эпоху, когда он провозгласил равенство всех людей перед законом — завоевание, от которого никогда уже никто не откажется. Но после этого завоевания его великая эпоха прошла, и либерализму не осталось ничего другого, кроме саморазрушения. Естественно, то, что Руссо называл суверенной волей, превратилось в волю большинства. По Руссо, большинство теоретически выражает суверенную волю, но на практике большинство торжествует над меньшинством и навязывает всем свою волю. Чтобы достичь этого большинства, партии ведут борьбу между собой, чтобы получить больше голосов, чем другие, ведут пропаганду друг против друга, раскалываются. Таким образом, под прикрытием тезиса о национальном суверенитете, который мыслится неделимым, происходит разделение, потому что каждая группа надеется, что её воля будет отождествлена с предполагаемой суверенной волей, она вынуждена всё больше заниматься самовосхвалением, саморекламой, борьбой за голоса избирателей. В результате происходит разложение либеральной системы (разумеется, этот процесс длится многие годы), раскол на партии достигает такой степени, как это было в Германии, когда режим был при последнем издыхании: за несколько дней до прихода к власти Гитлера в стране было 32 партии. Я не решусь сказать, сколько их в Испании, потому что сам этого не знаю, даже считая те, которые представлены в Кортесах, потому что кроме тех групп, которые представлены официально и образуют парламентские объединения, в нашем парламенте есть ещё нечто чрезвычайно любопытное: два меньшинства, состоящие каждое из десятка депутатов. Они называют себя независимыми меньшинствами, но, обратите внимание, не потому что они как меньшинства не зависят от остальных, а потому что каждый из членов этих групп чувствует себя независимым от остальных её членов. При таком партийном распылении иногда случается, что несколько меньшинств объединяются и образуют большинство половина плюс один или половина плюс три депутата. И тогда они чувствуют себя так, будто обладают полным национальным суверенитетом, правом подавлять не только остальных депутатов, но и остальных испанцев. Они чувствуют себя так, будто обладают безграничными возможностями самооправдания, т.е. властью объявлять благом всё происходящее, не принимая во внимание ни юридические, ни человеческие оценки прочих смертных.

Жан-Жак Руссо предвидел это, когда писал: «Поскольку суверенная воля неделима и, кроме того, она не может ошибаться, если случайно какой-то человек вступит в конфликт с суверенной волей, значит, ошибается этот человек, и когда суверенная воля принуждает его подчиниться ей, она лишь обязывает его быть свободным». Обратите внимание на этот софизм. Если, например, депутаты Республики, несомненные представители национального суверенитета, обременяют вас налогами или придумывают другие унижающие вас законы, вы должны считать, что они совершают благодеяние, делая вас немного более свободными, независимо от того, хотите вы этого или нет.

Это был очень короткий и немного беспорядочный синтез, история политического либерализма. История экономического либерализма шла параллельно.

Точно так же, как Французская революция через несколько лет после смерти Руссо подхватила его принципы, Смит достиг того, чего редко достигают писатели: в Англии установилась полная экономическая свобода. Был открыт путь для свободной игры спроса и предложения, что, по Адаму Смиту, должно было привести без нажима с чьей-либо стороны к экономическому равновесию. И у экономического либерализма была своя великолепная, героическая эпоха. Мы никогда не должны злорадствовать над павшими, ни над людьми, даже если они были нашими врагами, им нужно воздавать почести, как того требует челове-

ческое достоинство, ни над умершими идеологиями. У экономического либерализма была великая, блестящая эпоха, он дал стимул использованию огромных богатств, которые до того лежали втуне; он создал большие удобства даже для низших слоев; конкуренция, изобилие, несомненно, расширили жизненные возможности многих. Экономический либерализм стал клониться к упадку, потому что произвёл на свет в качестве своего сына, может быть, самое ужасное явление нашей эпохи, которое называется капитализмом (и, начиная с этого момента, как мне кажется, мы уже не будем перечитывать старые истории).

Я хотел бы, чтобы отныне и навсегда мы правильно понимали термины. Когда мы говорим о капитализме, речь не идёт о частной собственности; это две вещи не только разные, но, можно сказать, противоположные. Одним из результатов капитализма было почти полное уничтожение частной собственности в её традиционных формах. Это достаточно ясно всем, но все же не будут лишними некоторые дополнительные пояснения. Капитализм — это более или менее быстрое превращение прямой связи человека с вещами в техническое средство господства над ними. Древняя собственность, собственность ремесленников, мелких производителей и торговцев — это как бы проекция личности на её вещи. В качестве собственника человек может сохранить эти вещи, использовать или обменять по своему желанию. Почти с такими же формулировками концепции собственности веками существовало римское право. Но, по мере совершенствования и усложнения капитализма, человек отдалился от своих вещей. Между ним и ими встал ряд технических средств господства и то, что было прямой элементарной проекцией отношений между человеком и его вещами, усложнилось. Начали вводиться знаки, представлявшие отношения собственности, но эти знаки всё больше подменяли собой живое присутствие человека, и когда капитализм достиг вершины совершенства, истинным обладателем древней собственности стал уже не человек и не человеческий коллектив, а абстракция, представленная листками бумаги, то, что называется акционерным обществом. Оно истинный обладатель совокупности прав, и оно до такой степени обесчеловечено, ему до такой степени безразличен человек — обладатель этих прав, что смена держателей ничего не меняет в юридической организации, в работе всего общества.

Этот крупный капитал, технический капитал, достигший огромных размеров, не только не имеет ничего общего, как я уже

сказал, с собственностью в элементарном человеческом смысле, но является её врагом. Поэтому каждый раз, когда я вижу, как хозяева и рабочие вступают в кровопролитную борьбу, которая доходит до уличных убийств, до покушений, совершаемых с безграничной жестокостью, я думаю, что ни те, ни другие не знают, что являются участниками экономической борьбы. Но в этой борьбе они представляют одну сторону, а им вместе, хозяевам и рабочим, противостоит власть капитализма, техника финансового капитализма. Если я не прав, скажите мне, у вас гораздо больше, чем у меня, опыта в этих делах. Вы много раз обращаетесь за помощью в крупные кредитные учреждения и знаете, какие проценты они берут — 7-8%. И вы не менее хорошо знаете, что деньги, которые эти учреждения вам дают — не их деньги. Они ссужены им под 1,5-2% и эта огромная разница, которую вы покрываете, чтобы деньги перешли из одних рук в другие, ложится и на вас, и на ваших рабочих, которые могут настолько разойтись с вами во взглядах, что начнут убивать вас.

В последние десятилетия финансовый капитал идёт по пути к своему краху и на этот крах можно смотреть с двух точек зрения: социальной (это наш долг) и с технической точки зрения самого капитализма.

Если смотреть с социальной точки зрения, мы, сами того не желая, вынуждены будем во многом согласиться с критикой, которой подверг капитализм Карл Маркс. Сегодня, исходя из той реальности, которая заставила нас заниматься политикой, мы должны говорить об этом постоянно. Мы все знаем, что заявляют марксисты и антимарксисты. Стало даже штампом говорить об «утопических мечтах Карла Маркса». Но не было в мире человека, менее склонного к мечтам, чем Карл Маркс. Он исходил из живой реальности экономической организации, конкретно — экономической организации мануфактур Манчестера и пришёл к выводу, что внутри этой экономической структуры действуют постоянные факторы, которые приведут к её разрушению. Маркс написал об этом в ужасно толстой книге, которую не смог закончить при жизни, но она столь же толстая, сколь интересная, в ней содержится истина, в ней используется сложнейшая диалектика и виден огромный талант. Эта книга, как я уже сказал, чисто критическая. В ней после пророчеств о том, что общество, основанное на этой системе, придёт к саморазрушению, ничего не сказано о том, когда это произойдёт и в какой форме. Сказано лишь: налицо такие-то и такие-то предпосылки,

отсюда вывод: всё это плохо кончится. Маркс умер, не издав второй и третий тома своего труда. Он принадлежал к иному миру (не решусь сказать, что он из ада), совершенно чуждому тому подозрению, которое однажды высказал один испанский антимарксист, причисливший его к поэтам.

Карл Маркс уже предрёк социальный крах капитализма, о котором я сегодня говорю с вами. Сначала происходит концентрация капитала. Этому способствует крупная промышленность. Для мелкой промышленности нужны только рабочие руки и сырьё. В эпохи кризиса, когда рынок сужается, эти две вещи легко сократить: закупается меньше сырья, сокращается рабочая сила и восстанавливается примерное равновесие между производством и потребностями рынка. Но крупная промышленность, кроме того элемента, который Карл Маркс называл переменным капиталом, использует огромную часть своих резервов в виде постоянного капитала, и эта часть намного превосходит стоимость сырья и рабочей силы. Большие производственные мощности невозможно моментально сократить. Чтобы производство компенсировало это накопление мертвого капитала, капитала, который нельзя уменьшить, у крупной промышленности нет иного средства, кроме очень быстрых темпов производства, а поскольку количественное увеличение продукции делает её более дешевой, она захватывает рынки мелких предприятий, разоряет их одно за другим и поглощает.

Этот закон концентрации капитала открыл Маркс. Некоторые утверждают, будто он не действует, но мы видим, что в Европе и в мире возникло множество трестов, огромных производственных синдикатов и других подобных структур — вы это знаете лучше меня. Мы видим великолепные магазины с уникальными ценами, которые могут позволить себе роскошь прибегнуть к демпингу, зная, что вы не выдержите конкуренции и несколько месяцев, а они, компенсируя расходы одних предприятий за счёт других, одних филиалов за счёт других, могут, сложа руки ждать нашего полного разорения.

Второе социальное явление, которое мы наблюдаем, это пролетаризация. Ремесленники, вытесняемые из своих мастерских, ремесленники, которые были владельцами своих орудий производства, вынуждены их продавать, потому что они больше не нужны. Мелкие производители, мелкие торговцы экономически уничтожаются необъятным и неудержимым шествием крупного капитала и кончают тем, что вливаются в ряды пролетариата. Маркс описывает этот процесс в самых драматических тонах:

эти люди сначала продавали свою продукцию, а потом они продают орудия, с помощью которых её изготавливали, продают свои дома, а когда им уже нечего продавать, они осознают, что сами могут быть товаром, и отправляются на рынок труда, чтобы продаться во временное рабство. Это явление, пролетаризация огромных масс и их скопление в городах вокруг фабрик — ещё один симптом социального краха капитализма.

Другой симптом — безработица. В первые времена применения машин рабочие сопротивлялись их установке в мастерских. Им казалось, что эти машины, которые могут выполнять работу двадцати, ста или четырехсот человек, вытеснят их. Во времена веры в «бесконечный прогресс» тогдашние экономисты посмеивались и говорили: «Эти невежественные рабочие не знают, что это позволит увеличить производство, развить экономику, вызовет бурный подъём торговли... место будет и для машин, и для людей». Но оказалось не так: во многих местах машины почти полностью вытеснили людей в ужасающих количествах. Я вспомнил сейчас данные о производстве бутылок в Чехословакии: в 1920 году этим были заняты 8000 рабочих, а теперь — не более 1000, однако производство растёт.

Вытеснение человека машиной не заключает в себе того поэтического утешения, о котором говорили в первые времена, имея в виду освобождение людей от тяжёлого труда: «Машины будут делать за нас нашу работу». Машины в действительности не уменьшили рабочий день, он остался тем же, они только вытеснили всех лишних людей. Не стало компенсацией и увеличение зарплат. Да, они увеличились, но правду об этом сообщает статистика. Знаете, насколько в эпоху процветания США, с 1922 по 1929 год, увеличился общий объём зарплат рабочих? На 5%. А знаете, насколько увеличились в ту же эпоху дивиденды капитала? На 86%! Кто скажет, что это справедливое использование преимуществ механизации?

То, что капитализм потерпит социальный крах, можно было предвидеть. Трудней было предвидеть, что он потерпит и технический крах, что делает его положение отчаянным.

Например, периодические кризисы это явление, порождённое крупной индустрией, и именно по той причине, на которую я указывал ранее, говоря о концентрации капитала. Невосполнимые издержки на первоначальную организацию производства это мертвый капитал, который ни в коем случае не может быть уменьшен при сужении рынка. Сверхпроизводство, производ-

ство в бешеном темпе, о котором я говорил ранее, насыщает рынки. Тогда сокращается потребление, и рынок поглощает меньше, чем производят фабрики. Если бы сохранялась прежняя структура мелких предприятий, производство сокращалось бы пропорционально спросу путём уменьшения затрат на сырьё и рабочую силу. Но крупная промышленность не может этого сделать, потому что имеет огромный постоянный капитал, мертвый капитал, и разоряется, т.е. технически крупная промышленность хуже подготовлена к эпохам кризисов, чем мелкая. Это первый крах для её застарелой надменности.

А потом теряется и одна из самых симпатичных и привлекательных черт героического периода либерального капитализма, та смелость, с которой он говорил: «Мне не нужна никакая помощь общества, я прошу у власти лишь одного: чтобы она оставила меня в покое и не вмешивалась в мои дела». Капитализм быстро, как только наступили эпохи кризисов, начал просить помощи у общества. Мы видим, как самые мощные предприятия обращаются к государству либо затем, чтобы оно установило протекционистские пошлины, либо за живыми деньгами. Как говорит один писатель, враг капиталистической системы, капитализм, столь сильно противящийся возможной национализации его прибылей, когда дела пойдут плохо, первым выступит за национализацию его убытков.

Наконец, преимуществом свободного обмена, либеральной экономики было стимулирование конкуренции. Нам говорили: конкуренция всех производителей на свободном рынке будет способствовать постоянному совершенствованию продукции и улучшению положения тех, кто её покупает. Но крупный капитал автоматически уничтожает конкуренцию, сосредотачивая производство в руках нескольких мощных концернов.

Последствия этого мы знаем: кризис, паралич производства, закрытие фабрик, огромные демонстрации безработных, европейская война, послевоенный период... И человек, который надеялся жить при либеральной экономике и политике, при господстве либеральных принципов, полный оптимистической веры в эту политику и экономику, оказался в ужасной ситуации: раньше он был ремесленником, мелким производителем, членом корпорации, иногда привилегированной, мог рассчитывать на сильную муниципальную власть, и ничего этого больше нет. Человек лишился всех своих атрибутов, опустился до химически чистого состояния индивида; у него ничего нет, кроме дня и ночи, нет ни

клочка земли, на который он мог бы поставить ноги, ни дома, где он может укрыться. Старинное гражданство, полноценное, человечное, свелось к номеру в избирательных списках и номеру в очереди у ворот фабрики.

Сегодня у Европы две перспективы. Возможно, близится война. Европа, отчаявшаяся, нервная, может быть ввергнута в новую войну. С другой стороны, перед нами привлекательный пример СССР, т.е. привлекательный пример Азии: не будем забывать об азиатской составляющей того, что называется русским коммунизмом. В нём кроме германского, марксистского влияния есть и типично азиатское анархистское влияние. Ленин объявил, что последним этапом развития того строя, который он предлагал установить, — это заявление он сделал в книге, которую написал незадолго до победы русской революции, — будет бесклассовое общество без государства. Этот последний этап будет иметь все характерные черты анархизма Бакунина и Кропоткина, но, прежде чем достичь этого этапа, необходимо пройти через период жесточайшей марксистской диктатуры пролетариата. И Ленин, с необыкновенно ироничным цинизмом, говорил: «Этот этап не будет ни справедливым, ни свободным. Миссия государства — подавление; все государства подавляют. Государство трудящегося класса тоже сумеет подавлять. Оно будет подавлять тот класс, чью собственность сразу же экспроприирует, класс, который раньше сам был угнетателем. Это государство не будет ни свободным, ни справедливым. И, кроме того, мы не знаем, когда произойдёт переход к последнему этапу, счастливому этапу анархического коммунизма». Час этого перехода ещё не наступил и, возможно, никогда не наступит. На европейский взгляд, на взгляд европейского буржуа или пролетария, это ужасно, безнадёжно. Это означало бы растворение в массе, подавление железной пятой государства. Но европейский пролетариат, в отчаянии, не находя себе места в Европе, он смотрит на СССР как на миф, как на перспективу возможного освобождения. Итак, мы наблюдаем процесс разложения политического и экономического либерализма. И перед огромными массами европейцев встаёт ужасный выбор: либо новая война, которая означала бы самоубийство Европы, либо коммунизм, который означал бы капитуляцию Европы перед Азией.

А что тем временем происходит в Испании? Наш политический и экономический либерализм может избежать процесса са-

Некоторые пронацистские лгуны считают, что этими словами Примо де Ривера благословил агрессию нацистской Германии. Но заметим, что он предсказал, что война с СССР будет также трагична. Он вовсе не призывал к агрессии.

моразложения, потому что он, по сути, никогда не существовал. Что касается политического либерализма, то вы знаете, каким он был. Выборы, до самых последних лет, организовывались Министерством внутренних дел, и многие испанцы поздравляли себя с этим. Один из самых блестящих умов Испании, Анхель Ганивет, писал в 1887 году: «К счастью, мы имеем в Испании такой замечательный метод, как составление списков кандидатов, поддерживаемых правительством. Это позволяет избежать выборов, иначе в день выборов возникали бы очень трудные проблемы. Понятно, что для того, чтобы овладеть волей масс, надо пустить в ход самые простые и доступные идеи, потому что идеи, трудные для понимания, не доходят до толпы. И люди, более даровитые, могут не затруднять себя хождением по тесным улочкам, пожиманием рук честным избирателям и не говорить им разные глупости: всё равно победят те, у кого глупости вылетают вполне естественно».

Несколько лет спустя, кажется, в 1893 году, упрямо и твёрдо стоя на антидемократических позициях, он добавил: «Я восторженный поклонник всеобщего голосования, но при одном условии: чтобы никто не голосовал». «Я не думаю, что это шутка дурного вкуса. Я считаю, что, в принципе, все люди должны принимать участие в судьбах своей страны, подобно тому, как лучшее для мужчины это быть отцом семейства. Но это две такие трудные вещи! Поэтому тем, кто хочет вступить в брак, я советую не делать этого, а тем, кто хочет голосовать, я не советую голосовать. К счастью, испанский народ не нуждается в этих советах, потому что он сам решил не голосовать».

Таков был в действительности наш политический либерализм. И когда он перестал быть таким, когда выборы стали честными, мы увидели Кортесы, которые, будучи убеждёнными в том, что победа позволяет им делать всё, чего они пожелают, так и делают, попирая права всех остальных смертных.

Но, кроме этих колебаний между либеральным режимом, которого не было, и Кортесами, существование которых слишком заметно, мы обнаруживаем, что испанское государство, конституционное испанское государство, каким мы его видим согласно основной хартии и дополнительным законам, не существует; это просто имитация существования. Испанское государство не существует ни в одном из своих самых важных учреждений. Вот мы, например, члены парламента. Первейший долг парламента — ежегодно утверждать бюджет. Мы сейчас живём с бюджетом,

принятым — вы все это знаете, потому что вам об этом говорили более авторитетные люди, чем я, — на 1934 год. Он был сведён с дефицитом якобы 592 миллиона песет, на самом деле он порядка 800 миллионов, потому что государству не хватает средств для выплаты по ряду принятых им на себя обязательств. С такой сметой, которую все мы, депутаты Кортесов, резко критикуем, как ужасную, мы вступили в 1935 год. Мы промедлили с разработкой нового бюджета и начали продлевать старый на триместры; но уже в первом триместре дополнительные расходы составят, как мне кажется, 73 миллиона, а потом добавится ряд чрезвычайных кредитов, благодаря которым, когда этот бюджет будет сведён, мы сможем с гордостью показать изумлённой Европе, что он выполнен, что в течение 12 месяцев обошлось стране в 1000 миллионов песет долга.

Более того: когда мы сталкиваемся со всем этим, и с проблемой вина, которая не терпит отлагательств, и с проблемой пшеницы, и с проблемой безработицы, тут начинается настоящий позор: мы, депутаты, предоставляем самим себе каникулы по случаю масленицы, которую никто уже не отмечает, а депутаты должны отмечать, не знаю, почему.

А безработица? У нас около 700.000 безработных. Семьсот тысяч безработных в стране, которая не залечивает раны, нанесённые войной, не имеет крупной промышленности и поэтому не затронута кризисом капитализма. У нас 700.000 безработных и это чудо, что они просыпаются по утрам живыми. И я не знаю, сколько времени мы ещё будем говорить об этих 700.000 безработных. Сильное парламентское меньшинство говорит, что для помощи им нужно 100 миллионов песет, и предлагает Кортесам проголосовать за эту помощь. Тогда другое меньшинство, которое не хочет, чтобы кто-то опередил его в таких вопросах, меньшинство, которое обладает сегодня всей полнотой власти, заявляет: «Сто миллионов? Тысячу миллионов! Мы дадим тысячу миллионов!»

И эта тысяча миллионов становится предметом изучения правительства, которое думает, как их распределить. Из этой суммы, предназначенной для борьбы с безработицей, 750.000 пойдут на строительство общественных сооружений. Вы понимаете, что строительство этих сооружений — не способ нормализации экономики. Будем надеяться, что на это строительство не будут тратить 750 миллионов песет в год. Кроме того, по данным статистики, из 700.000 безработных 400.000 сельскохозяйственных рабочих, и им не достанется ни одной песеты из 750 миллионов.

Таково наше государство, государство, которое тратит на персонал (я признаю, что государственные служащие должны получать жалование, но они не выполняют общественно полезные функции, им широко открыла двери администрация; на тех, кто выполняет общественно полезные функции, эта критика не распространяется), согласно расчётам специалистов, 1350 миллионов песет в год, не считая 313 пенсионеров.

Я повторяю: было бы хорошо, если бы это государство служило чему-то, но это роскошествующее государство, которое не отказывает себе ни в чём, это государство, которое мы поддерживаем налогами, которому мы ежегодно даём займы и которое скоро не сможет больше их просить, потому что ему никто не будет верить — это государство не служит ничему. Оно просто ездит на нас всех верхом. Мне говорили (я не проверял и предупреждаю вас об этом, может быть, это выдумка), будто государство борется с бедствиями деревни следующим образом. Когда деревню постигает бедствие, её владелец начинает следствие с целью его прекращения. Разумеется, когда следствие заканчивается, беспокоиться уже не о чем.

Экономический либерализм в Испании тоже потерпел неудачу, потому что в лучшую эпоху экономического либерализма, в героическую эпоху капитализма, испанский капитал не существовал. Крупные предприятия у нас с самого начала возникали с помощью государства, они не только не отвергали её, но опирались не неё и во многих случаях — вы прекрасно это знаете — не только выпрашивали помощь у государства, не только требовали повышения таможенных пошлин для своей защиты, но даже прибегали к угрозам, чтобы заставить испанское государство уступить всем их требованиям. И не будем больше об этом говорить.

В Испании никогда не было сверхиндустриализации, она не перенаселена и не перенесла войну. Мы сохраняем возможность восстановить класс ремесленников, который большей частью продолжает существовать. В их лице мы имеем сильную, дисциплинированную и выносливую массу мелких производителей и торговцев. Они сохранили нетронутыми важные духовные ценности. На что мы можем надеяться в Испании, чтобы воспользоваться случаем и снова, сколь амбициозно это не прозвучит, через несколько лет встать во главе Европы? На что мы надеемся? На то, что политические партии соблаговолят прекратить склоки из-за разногласий по мелочам в парламенте и вне парламента. Да, я обещал не придавать нынешнему собранию характера митинга, но что делать, если ситуация с испанскими партиями столь неутешительна? Я прошу вас обратить внимание на особенности (как видите, я хочу поднять вопрос на такую высоту, на какую только смогу) испанской и европейской трагедии, если вы соблаговолите выслушать меня до конца. Человек утратил свою целостность, свои корни, он превратился, как я уже сказал ранее, в номер в избирательных списках и в очередях у ворот фабрик. Этот человек громко требует, чтобы ему снова позволили твёрдо стоять на земле, вернули ему гармонию с общей, коллективной судьбой, попросту говоря — будем называть вещи своими именами — с судьбой Родины. Родина — это единственная возможная коллективная судьба. Если мы сведём её к чему-то меньшему, к дому, к местности, то наше отношение к ней будет почти физическим, а если расширим её до пределов Вселенной, то затеряемся в недосягаемой туманности. Родина — это именно то, что объединяет судьбу каждого народа в мире и отличает её от судьбы других народов. Как мы всегда говорим, родина — это единство судьбы в окружающем мире.

Каким образом надеемся мы достичь этого единства человека и Родины? Мы надеемся, что и левые, и правые партии отдадут себе отчет в том, что эти две вещи неразделимы. Я критикую их не из-за каких-то мелочей, а из-за их неспособности занять определенную позицию по отношению к проблеме единства человека и Родины в целом.

В центре внимания левых партий человек, но оторванный от своих корней. Они интересуются судьбой личности, противопоставляя её всей политической структуре, как будто это противоположные понятия. Поэтому левые течения действуют разлагающе. По иронии судьбы они, имея в своих рядах множество блестящих талантов, проявляют больше способности к разрушению и почти никогда — к созиданию. Правые партии видят перспективу с другой стороны, но они тоже смотрят одним глазом вместо того, чтобы смотреть обоими. Правые партии хотят сохранить Родину, хотят сохранить единство, хотят сохранить власть, но они не понимают заботы людей, им подобных, которым нечего есть.

Такова истина, и обе стороны прикрывают свою ограниченность болтовней. Одни взывают к Родине, но не чувствуют её и не служат ей; другие скрывают свое безразличие к глубоким проблемам каждого человека за формулировками, которые представляют собой всего лишь ничего не значащие словесные ухищ-

рения. Сколько раз мы слышали от правых: мы живём в новую эпоху, необходимо двигаться по направлению к сильному государству, к гармонии капитала и труда, искать корпоративную форму существования. Но всё это пока пустые слова. Что значит, например, сильное государство? Государство может быть сильным, когда оно служит великой цели, когда оно осознаёт, что осуществляет великую судьбу народа. Если же этого нет, это просто тираническое государство. А тиранические государства обычно самые безвольные. Когда Филипп II посылал еретика на костер, он был убеждён, что делает это по велению Бога. А когда либеральному государству наших дней необходимо расстрелять изменника Родины, оно не осмеливается на это, потому что не находит достаточных внутренних оправданий своих действий.

Достижение гармонии между капиталом и трудом это тоже фраза. Те, кто говорит это, думают, будто занимают самую разумную, самую гуманную позицию по отношению к социальной проблеме. Гармония между капиталом и трудом... Это всё равно, как если бы я сказал: «Я хочу достичь гармонии с этим креслом». Капитал — я потратил уже достаточно времени на доказательство того, что капитал и частная собственность это разные вещи — это экономическое орудие, которое должно служить экономике в целом и поэтому не может быть орудием преимуществ и привилегии немногих, кому повезло больше других. Когда говорят о необходимости гармонии между капиталом и трудом — я лично никогда об этом не говорю — что это значит для вас? Как вам гармонизировать отношения с вашими рабочими? Разве вы тоже не работаете? Разве вы не предприниматели? Разве вы не берёте на себя риск? Ведь всё это формы трудовых отношений. Но нет, когда говорят о гармонизации отношений между капиталом и трудом, хотят лишь, чтобы незначительное меньшинство привилегированных питалось трудами всех, хозяев и рабочих. Такой вот способ урегулирования социального вопроса, такое вот понимание социальной справедливости!

А корпоративное государство? Сегодня все объявляют себя сторонниками корпоративного государства. Им кажется, что, если они не объявят себя его сторонниками, они будут выглядеть так, словно они не побрились утром.

Корпоративное государство — это тоже пустые слова.*

Муссолини, у которого есть идеи относительно того, что такое корпоративное государство, когда он образовал 22 корпорации, за несколько месяцев до этого произнёс речь, в которой сказал: «Это не более, чем исходная точка, но не пункт назначения». Корпоративная организация на данный момент, если описывать её в общих чертах, выглядит так: рабочие образуют одну большую Федерацию, хозяева (в Италии их называют работодателями) — другую; связующим звеном между этими двумя большими Федерациями является государство. Как временное решение, это хорошо, но отметим для себя, что это очень похоже на наши смешанные суды. Трудовые отношения в том виде, в каком их определяет капиталистическая экономика, этим решением не затрагиваются: остаются на своих позициях те, кто даёт работу, и те, кто продаёт свой труд, чтобы жить. В будущем развитие, похоже, пойдёт по революционному, но очень старому пути старых европейских корпораций без отчуждения труда как товара и без сохранения двусторонних трудовых отношений. Все, кто участвует в выполнении одной задачи, все, кто образует национальную экономику, будут объединены в вертикальные синдикаты, которым не нужны будут ни паритетные комиссии, ни связующие звенья, потому что они будут функционировать органически, как функционирует, например, армия, где никто не образует паритетных комиссий из солдат и командиров.

Повторяя эти туманные рассуждения о корпоративной организации государства и о сильном государстве, о гармонии капитала и труда, представители правых партий думают, будто они решают таким образом социальный вопрос и занимают самую современную и справедливую политическую позицию.

Всё это басни. Единственный способ решения вопроса — изменение сверху донизу организации экономики. Эта революция в экономике не приведёт к поглощению личности государством, к государственному пантеизму.

Всеобщая революция, всеобщая организация Европы должна начинаться с личности, потому что она больше всего пострадала от этого развала, превратившего её в безликую, бессодержательную молекулу, в жалкий индивид, который отдаст последнее, лишь бы жить. Вся организация, вся новая революция, всё укрепление государства и вся экономическая реорганизация будут направлены на то, чтобы их плодами могли воспользоваться огромные массы, оторванные от своих корней либеральной экономикой и стараниями коммунистов.

И это называется поглощением личности государством? Личность будет иметь ту же судьбу, что и государство, а государство будет определять чёткие цели. О них мы всё время говорим. Во внешней политике это укрепление позиций нашей родины, а во

Тут не отвергается полностью концепция корпоративного государства. Речь о том, что корпоративное государство это только первый шаг, потом третейские рабочие суды заменит вертикальная система фалангистских профсоюзов. На первых этапах корпоративное государство по типу Италии это прогрессивный строй, но Муссолини не учил останавливаться, он ещё глубже проработал теорию экономической социализации.

внутренней — стремление сделать более счастливыми, более гуманными, более активными участниками жизненных процессов большинство людей. И в тот день, когда личность и государство снова вернутся к полной гармонии, будут иметь одну цель и одну судьбу, государство сможет быть сильным, но не тираническим, потому что оно будет использовать свою силу для блага своих подданных.

Это именно то, что должна сделать Испания в наше время: взять на себя гармонизацию судеб человека и Родины, дать себе отчёт в том, что человек не может быть свободным, если он не живёт по-человечески. А он не может жить по-человечески, если ему не обеспечен прожиточный минимум. А прожиточный минимум не может быть обеспечен, если экономика не будет построена на иных основах, увеличивающих возможности миллионов людей пользоваться её плодами. А такая экономика не может быть построена без организующей роли сильного государства. А государство не может быть таким, если оно не служит великому единству судьбы, именуемому Родиной. И тогда вы увидите, что всё пойдёт на лад, закончится титаническая, трагическая борьба между человеком и государством, которое воспринималось человеком как угнетатель. Когда это будет достигнуто (а этого можно достичь, и в этом ключ к существованию Европы, какой она была, и какими снова могут стать Европа и Испания), мы поймём, что каждым из наших действий, даже самых личных, самыми скромными из наших повседневных дел мы служим как нашим скромным личным судьбам, так и судьбам Испании, Европы и всего мира, гармоничной судьбе всего Творения.

ФАЛАНГА И РОЛЬ ЖЕНЩИНЫ

Речь, произнесённая в Дон Бенито, провинция Бадахос, 28 апреля 1935

Мы приехали сюда для того, чтобы вступить в контакт с местными жителями, поговорить с ними, узнать, какова она, эта Испания, забытая и обижаемая многими, и которую, однако, вы носите в душе своей, защищая со страстной любовью её имя и величие. Земля наша очень богата, она способна обеспечить достойную человека жизнь вдвое большему числу испанцев, чем то, которое живёт на ней сейчас, большей частью, в нищенских, нечеловеческих условиях. А в былые времена наша земля была повелительницей мира, дала жизнь и дух многим другим землям.

Сегодня же, наоборот, она влачит жалкую жизнь, бедную и упадочную, без каких-либо стремлений к славе и к справедливости. Это происходит оттого, что мы перестали быть единым целым, разбились на осколки, выгоду из чего извлекает только горстка политиков, монополизировавших национальную жизнь. Мы же хотим восстановить единство Испании и — будьте уверены — хотя мы и не превратим её в рай, потому что в нашей жизни это невозможно, но вы все будете жить лучше, потому что мы ограничим накопление лишних богатств, вредное для нации, служащее только для удовлетворения пожеланий власть имущих, мы ликвидируем ряд финансовых организмов, которые лишили экономику человечности, и направим усилия всего народа не на защиту прибылей немногих, а на улучшение жизни всех. Мы не можем смириться с современной испанской жизнью, мы должны полностью преобразовать её, полностью изменив не только её внешнюю структуру, но и образ жизни испанцев.

Мы не хотим, чтобы какая-нибудь одна партия или один класс одержали победу над другими, мы хотим, чтобы победила Испания как единое целое, чтобы все её будущие достижения основывались на единстве воли отдельных людей.

Мы будем стремиться к этой цели и готовы принести ради неё самые большие жертвы, потому что в тысячу раз лучше пасть, служа великому делу, чем влачить пустую жизнь, без идеалов, без иных целей и устремлений, кроме удовлетворения повседневных нужд.

Жить стоит лишь тогда, когда в жизни осуществляется великое дело, или, по крайней мере, есть стремление к этому, и мы не знаем лучшей цели, чем создание новой Испании.

(Из беседы Хосе Антонио после митинга в Сан Бенито с женщинами — членами Фаланги)

Вы, женщины Эстремадуры, выразили желание идти вместе с нами. Но вы, может быть, не знаете, насколько глубока связь между женскими чаяниями и Фалангой. Ни одна другая партия не понимает женщин лучше, потому что для Фаланги не характерны ни галантность, ни феминизм.

Галантность была не чем иным, как ловушкой для женщин. Их соблазнили льстивыми словами, чтобы отодвинуть их на задний план и лишить права участвовать в серьёзных делах. Их развлекали пустой болтовней, заведомо считая их глупыми, отводили им чисто декоративную роль. Мы же знаем, насколько важна миссия женщин, и никогда не позволим себе обращаться с ними подобным образом.

Однако мы не сторонники феминизма. Мы не понимаем, каким образом уважение к женщине может сочетаться с отвлечением её от её замечательной судьбы и наделением её мужскими функциями. Меня всегда печалит вид женщины, выполняющей с необыкновенным рвением мужскую работу, соперничая с мужчинами, — она всегда окажется в проигрыше, к злорадству мужчин. Настоящий феминизм должен заключаться не в том, чтобы требовать для женщин права выполнять те функции, которые сегодня считаются высшими, а в том, чтобы придавать всё большее человеческое и социальное достоинство женским функциям.

Именно по той причине, что мы не галантные кавалеры и не сторонники феминизма, наше движение в одном важном аспекте лучше понимает женское отношение к жизни. Великолепные шеренги парней вряд ли ожидали услышать такое из уст своего командира и он, чего доброго, упадёт в их глазах.

Духовные движения отдельной личности или массы всегда управляются одним из двух рычагов: эгоизмом или самоотречением. Эгоизм стремится к непосредственному удовлетворению

чувственных потребностей, самоотречение отказывается от них во имя соображений высшего порядка. Если мы попробуем определить примат этих рычагов в зависимости от пола, то, вполне очевидно, что эгоизм характерен для мужчин, а самоотречение — для женщин. Мужчина — слушайте, девушки, это поможет вам немного спустить его с того пьедестала, на который вы его возвели, — крайне эгоистичен, женщина же почти всегда соглашается на подчинение, на служение, на самоотречение ради цели.

Такова и Фаланга. Те, кто сражается в её рядах, отказываются от удобств, от развлечений, от старой дружбы и более глубоких чувств. Мы готовы к тому, что наша плоть будет страдать от ран. Мы готовы к смерти — многие лучшие из нас уже доказали это — как к акту служения. И, что хуже всего, мы готовы ездить из одного места в другое, кричать до хрипоты посреди искажений, кривотолков, безразличного эгоизма и враждебности тех, кто нас не понимает и ненавидит, потому что не понимает, и в своём ожесточении видят в нас пособников чьих-то тёмных целей, отвлекающих внимание от подлинных бедствий. Такова Фаланга. И происходит чудо: чем меньше в ней эгоизма, тем больше растут и множатся её ряды. На место каждого, кто героически пал, каждого, кто, струсив, убежал, встают десятки, сотни, тысячи новых бойцов.

Как видите, дорогие женщины, мы сделали своей главной добродетелью самоотречение, а это, прежде всего, ваша добродетель. Дай Бог, чтобы мы поднялись с ней на такую высоту, стали настолько женственными, чтобы в один прекрасный день нас и вправду можно было бы назвать мужчинами!

«Арриба», № 7, 2 мая 1935

РЕЧЬ ОБ ИСПАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Речь, произнесённая в кинотеатре «Мадрид» 19 мая 1935 г.

Товарищи! Тот акт комедии, о котором много раз говорилось здесь сегодня утром, был лишь прелюдией. Он отличался пылом и даже, если хотите, детской безответственностью. То же, что происходит сегодня, — акт величайшей ответственности. Мы подводим итоги долгого пути, пройденного за полтора года, и начинаем новый этап, который, несомненно, завершится окончательной победой Испанской Фаланги ХОНС в Испании. На этом военном этапе нашего пути от нас требуется перед лицом Истории предельная точность определения наших позиций. Это мой долг сегодня и ради выполнения этого долга я пожертвую красотами речи, которые могли бы вызвать ваши аплодисменты, лестные для меня.

Наше движение — а когда я говорю о нашем движении, я имею в виду как Испанскую Фалангу, так и ХОНС, потому что оба эти движения нерасторжимо слились в одно — смыкается с революцией 14 апреля. Причиной нашего появления в Испании было 14 апреля 1931 г. На эту дату смотрят с самых разных точек зрения, как на все исторические даты, проявляя при этом в достаточной степени и глупость, и невежество. Мы столь же далеки от тех, кто ломает гербы на фасадах, как и от тех, кто только испытывает ностальгию по придворным танцам, и мы должны точно оценить, повторяю, перед лицом Истории, смысл 14 апреля по отношению к нашему движению.

14 апреля 1931 г., признаём этот факт, не было крахом испанской монархии, которая была историческим орудием осуществления одной из самых великих мировых судеб. Она основала и поддерживала Империю и делала это, потому что представляла собой её фундаментальное достоинство: единство правления. Без этого было невозможно ничего сделать. Но монархия уже доста-

точно давно утратила это единство правления: при Филиппе III король уже не правил, он был лишь внешним символом власти, а реальная власть перешла в руки министров-фаворитов, таких как Лерма, Оливарес, Аранда, Годой. Когда к власти пришел Карл VI, монархия уже была бестелесным призраком. Монархия начиналась в военных лагерях, а закончилась в Кортесах. Испанский народ — большой реалист, он требует от своих святых покровителей, чтобы они ниспослали ему дождь, когда нужно, а если они этого не делают, поворачивается спиной к алтарю. Испанский народ, повторяю, не признавал этого призрака монархии без власти, поэтому 14 апреля 1931 года этот призрак пал и ни один отряд алебардщиков не встал на его защиту.

Но что случилось потом? У нас редко бывали моменты, более благоприятные для того, чтобы, завершив одну, начать новую великую главу истории нашей Родины. Именно бескровный характер событий 14 апреля, расставание с прошлым без сожалений, открыли широкий исторический простор для развития бурными темпами. Надо было только покончить с обидами, установить справедливость, хотя бы просто вытереть слёзы. Открывались надежды для всего народа. Вы помните, какое ликование царило 14 апреля, и многие из вас, конечно, принимали участие в этом ликовании. Народное ликование, как всегда в подобных случаях, было необъяснимым для самого народа, но все народные движения имеют под собой очень глубокую основу и направлены на очень конкретные цели. Ликование 14 апреля было новой встречей испанского народа со старой ностальгией по своей незавершенной революции. Испанскому народу нужна была революция, и он верил, что совершил её 14 апреля 1931 года, верил, потому что ему казалось, что она сулит ему две великие вещи, о которых страстно мечтали многие; во-первых, возрождение коллективного национального духа, а во-вторых, создание гуманной материальной базы для сосуществования испанцев.

Много ли значило коллективное национальное чувство для людей 14 апреля? Многое можно сказать против этой революции, но ряд этих же аргументов будет служить лучшим залогом её плодотворности. Казалось, что люди 14 апреля обратились к патриотизму и пошли по наилучшему пути: по тернистому пути критики. Это уже было плодотворным, потому что, заверяю вас, патриотизм не бывает плодотворным, если он не идёт по пути критики. И наш патриотизм тоже идёт по этому пути. Нас ничуть не волнует патриотическая оперетка, которой развлекаются посредственности

на фоне нынешних бед Испании и тупоумной интерпретации прошлого. Мы любим Испанию, потому что она нам не нравится. Те, кто любит свою родину, потому что она им нравится, любят её физической, чувственной любовью, желая близости к ней. Мы любим её, желая её усовершенствовать. Мы не любим эти руины, нынешний физический упадок нашей Испании. Мы любим вечную и непоколебимую метафизику Испании.

Основы для человеческого сосуществования, материальные основы для удовлетворения нужд испанского народа за несколько веков также не созданы.

Крах капитализма — явление всемирного масштаба. Я не буду говорить о его технических особенностях. Об этом уже говорилось перед другими аудиториями, в иных обстоятельствах. Сегодня перед вами я хочу лишь точно определить значение некоторых терминов, чтобы наши слова не искажали.

Когда мы говорим о капитализме — вы все это знаете, мы говорим не о собственности. Частная собственность — это противоположность капитализма, это прямая проекция человека на его вещи, элементарный человеческий атрибут. Капитализм подменил эту собственность человека собственностью капитала, технического орудия экономического господства. Капитализм при посредстве страшной и неравной конкуренции крупного капитала с мелкой собственностью уничтожает ремесло, мелкую промышленность, мелкое сельское хозяйство, которые всё больше подпадают под власть крупных трестов, крупных банковских групп. Капитализм приводит к тому, что, в конечном счёте, в одинаково бедственном, одинаково бесчеловечном положении оказываются все люди, лишённые всех своих атрибутов, смысла своего существования, хозяева и рабочие, трудящиеся и предприниматели. И желательно, чтобы это чётко запечатлелось в мозгах у всех. Пора перестать ошибочно причислять нас к рабочим партиям, выступающим против хозяев, или к партиям хозяев в их борьбе с рабочими. Рабочие, предприниматели, техники, организаторы образуют костяк производства, а капиталистическая система с её дорогими кредитами, привилегиями акционеров и владельцев облигаций забирает себе, не работая, лучшую часть продукции. Они погружают в нищету всех: хозяев, предпринимателей, организаторов и рабочих.

Подумайте о том, во что превратился европейский человек под игом капитализма. У него уже нет ни дома, ни наследия, ни индивидуальности, ни ремесленных навыков, есть только номер в

массовых скоплениях. Левые демагоги выступают против феодальной собственности и говорят, что рабочие живут как рабы. Мы не прибегаем к демагогии, и мы может сказать, что феодальная собственность была гораздо лучше капиталистической, и что рабочие живут хуже, чем рабы. Феодальная система, давая сеньору права, накладывала на него и ряд обязанностей по защите и материальной поддержке его подданных. Капиталистическая система равнодушна и неумолима: в лучшем случае она не взимает налоги, но она не интересуется судьбой своих подданных. Что же касается рабов, то они были наследственной частью богатства хозяина; хозяин должен был заботиться о том, чтобы раб не умер, потому что раб стоил денег, как машина, как лошадь, а сегодня, если умирает рабочий, воротилы капиталистической промышленности знают, что сотни тысяч голодных ждут у ворот, готовые занять его место.

Карл Маркс, фигура частично роковая, а частично привлекательная, предсказал тот кризис капитализма, который мы сегодня наблюдаем. О нём говорят все, и марксисты, и антимарксисты. И я хочу спросить вас по совести: А что значит быть антимарксистом? Значит ли это, что мы не хотим, чтобы сбылись предсказания Маркса? Конечно, не хотим. Или это значит, что Маркс, по нашему мнению, ошибался в своих предсказаниях? В этом случае, ошибаются те, кто думает, будто Маркс ошибался.

Предсказания Маркса сбываются, быстрей или медленней, но неумолимо. Происходит концентрация капитала, пролетаризация масс и в итоге социальная революция, за которой следует тяжелейший период коммунистической диктатуры. Эта диктатура должна пугать нас всех, европейцев, западных людей, христиан, потому что это самое ужасное отрицание человека, растворение его в огромной инертной массе, где теряется индивидуальность, телесное облачение вечной души. Именно поэтому мы антимарксисты, потому что нас устрашает, как всех западных людей, всех христиан, всех европейцев, хозяев и пролетариев, перспектива превратиться в насекомых, в обитателей муравейника. Нечто от этого есть в капитализме, и он нас тоже пугает: капитализм тоже интернационален и материалистичен. Поэтому мы не хотим ни того, ни другого; поэтому мы хотим избежать исполнения пророчеств Карла Маркса, веря в их правильность. Вот чего мы хотим, но мы не уподобляемся при этом антимарксистским партиям, которые верят, будто неумолимое действие исторических и экономических законов

можно смягчить, говоря рабочим красивые слова, в то время как рабочим не во что одеть своих детей.

Если мы серьезно хотим, чтобы марксистские пророчества не сбылись, для этого нет иного средства, кроме демонтажа громоздкой капиталистической машины, работа которой неизбежно приводит к описанным последствиям, к социальной революции и русской диктатуре. Но чем заменить эту машину после её демонтажа?

Идиоты говорили нам, говорят и ещё сто лет будут говорить: вы хотите демонтировать её, чтобы заменить всепоглощающим государством, которое тоже уничтожит индивидуальность. Прежде чем делать такой вывод, возьмём на себя труд проследить конечные цели капитализма и марксизма вплоть до уничтожения человека. Если мы хотим избежать этого и создать новый порядок, мы, как западные люди, как испанцы и как христиане должны начать с человека, с личности, а от человека перейти к органическим общностям — к семье, к муниципальному округу, к профессиональному объединению; и в конечном итоге к государству как средству достижения всеобщей гармонии. Таким образом, в рамки этой политико-историко-моральной концепции, определяющей наш взгляд на мир, укладывается и решение экономических проблем: мы демонтируем экономический аппарат капиталистической собственности, который поглощает все прибыли, чтобы заменить его личной, семейной, общинной и профсоюзной собственностью.

Это необходимо сделать срочно во всём мире и прежде всего в Испании, потому что наша ситуация, с одной стороны, хуже, а с другой, менее серьезна, чем ситуация других стран. Зарубежный капитализм пережил героическую, блестящую эпоху, он дал толчок к накоплению богатств и к проявлению инициативы, а испанский капитализм с самого начала был рахитичным, с самого начала нуждался в государственной помощи и в таможенных пошлинах. Наша экономика была более захудалой, чем любая другая, наш народ жил гораздо бедней, чем любой другой. Я не буду говорить вам об этом, вы уже слышали это от товарищей, которые выступали раньше меня. У большой части испанской земли, обширной, печальной, высохшей, разорённой, костлявой, как её обитатели, похоже, нет иной судьбы, кроме ожидания того, когда эти кости её обитателей окончательно упокоятся в могиле.

Это наша земля, на которой после лета сразу наступает зима и не бывает ни осени, ни весны; это наша земля с горами без деревьев и селениями без воды и садов; это наша земля, на кото-

рой так многое предстоит сделать и на которой умирают от голода 700.000 безработных и членов их семей, потому что у них нет работы; это наша земля, которая родит хороший урожай пшеницы, а люди едят меньше хлеба, чем во всей Западной Европе; это наш народ нуждается в срочных преобразованиях больше, чем какой-либо другой.

И сделать это здесь гораздо легче, потому что капитализм в Испании не так силён. Наша экономика почти целиком работает на внутренний рынок. Нам предстоит сделать множество вещей: провести разумную аграрную реформу, о чём здесь говорил Онесимо Редондо, провести реформу кредитной системы, чтобы освободить земледельцев, мелких промышленников и торговцев от золотых когтей ростовщичества. Сделав эти две вещи, мы достигнем того, что через 50 лет испанский народ будет жить счастливо.

Возродить национальное чувство и поставить Испанию на более справедливую социальную основу — вот две вещи, которые предположительно сулила (так понимал её ликующий народ) так называемая революция 14 апреля. Воплотила она в жизнь эти идеалы? Вернула нам радостное национальное чувство? Объединила всех нас в одной национальной миссии?

К чему говорить о том, что нас разделило, о тех, кто притесняет нас, преследует, натравливает одних на других? Я хочу лишь назвать ряд явных примеров предательства нации, совершенного первыми людьми 14 апреля. Первый из них — статут Каталонии. Многим из вас известны позиции Фаланги по этому вопросу. Фаланга очень хорошо знает, что Испания многообразна, но для неё это не имеет значения. Испания с самого начала имела призвание быть Империей. Испания разнообразна и многообразна, но её народы с их языками, обычаями, чертами характера неразрывно связаны единством судьбы в мире. Не важно, что будут ослаблены административные связи, но при одном условии: та земля, которой даётся больше свободы, должна обладать в душе таким сознанием единства судьбы, что она никогда не использует свою свободу для заговора против этого единства.

Кроме того, Конституция, с согласия правых партий, которые сейчас у власти, пошла по пути предоставления автономии тем народам, которые достигли «совершеннолетия», определённой степени обособления. Вместо того, чтобы принять меры предосторожности и провести исследования, с целью узнать, не

находится ли единство страны под угрозой, автономия предоставляется тем регионам, где это единство начало рушиться, чтобы оно разрушилось совсем.

Внешняя политика. В эти дни вы все немного в курсе, поскольку знаете, что пишут о внешней политике газеты. Испания вот уже четыре года проводит французскую внешнюю политику, находясь на орбите Франции. В том, что Испания согласует свою внешнюю политику с дружественными державами, для нас ничего удивительного нет. Но на международной арене страны никогда ничего не отдают, не получив что-то взамен. А Франция, внешней политике которой мы подыгрываем, третирует нас в торговых договорах, оттесняет на задний план в Танжере и ведёт за нашей спиной переговоры о режиме Средиземноморья, как будто мы — не Средиземноморье. И единственное, что компенсирует нам служение французской внешней политике, это удовлетворённое честолюбие какого-нибудь щеголяющего своей учёностью министра или посла.

А политика разложения — я не найду другого слова — армии, самого сильного и пока ещё самого здорового гаранта стабильности Испании? Я не знаю, по чьим инструкциям осуществляется быстрое разложение этого гаранта.

И, наконец, конституционная декларация об отказе Испании от войны. Что этим хотели сказать? Если это просто глупость, без всякой задней мысли, пусть она останется на совести их авторов. Если же имели в виду, что Испания намерена оставаться нейтральной в будущих войнах, тогда за этой декларацией должно было последовать увеличение сухопутных, морских и воздушных сил, так как страна с открытыми побережьями, расположенная в одной из самых опасных точек Европы не может обеспечить свой нейтралитет, если не добьётся того, чтобы её уважали. Только сильные могут сохранять достойный нейтралитет. Я не знаю, может быть, авторы этой фразы хотят навязать нам недостойный нейтралитет?

А в социальной сфере? Проведена ли аграрная реформа? Проведена ли реформа кредитной системы? Вы уже знаете, что аграрная реформа, которую предложили люди 14 апреля, вместо того, чтобы, как мы ожидали, вернуть человеку его человеческую, общественную, западную, христианскую, испанскую целостность, пошла по пути коллективизации села, т.е. пролетаризации и деревни тоже, превращения крестьян в массу, наподобие городских рабочих. Это хотят сделать, но даже этого не делают.

Крестьянам до сих пор не дали ни клочка земли. Из Закона об аграрной реформе единственное, что начало выполняться, это принятая в последний момент поправка о чисто репрессивных мерах.

А проведена ли финансовая реформа? Выиграли ли от какой-нибудь разумной меры производители, рабочие, предприниматели, истинные участники производственного процесса как целого? Они только потеряли. Вы хорошо знаете, что мы живём в эпоху кризиса. Но не уменьшились прибыли ни крупных промышленных предприятий, ни банков.

Люди 14 апреля несут страшную ответственность перед Историей, потому что они опять обманули испанскую революцию. Люди 14 апреля не сделали того, что сулило 14 апреля, и поэтому скомпрометировали себя перед вами, перед своим делом, перед обещаниями своих первых дней, перед древними силами. И тут, как мне кажется, я вступаю на почву, когда может кончиться ваше молчание и ваше желание слушать меня, чтобы понять. Силы двух видов мобилизуются против революции, обманутой 14 апреля: монархисты и правые, причастные к власти. Обращаю ваше внимание на то, что, обсуждая проблемы монархии, мы не должны ни минуты испытывать ни ностальгию, ни злопамятство. Мы должны подойти к проблеме монархии с неумолимой строгостью тех, кто был свидетелем событий тех решающих дней, когда творилась история. Мы должны лишь ответить на один вопрос: Пала ли испанская монархия, древняя, славная испанская монархия, потому что она закончила свой цикл, завершила свою миссию, или она была свергнута, когда ещё сохраняла свою плодотворность для будущего? Об этом мы должны подумать, и только тогда мы поймём, как можно разумно решить проблему монархии.

Мы — я говорил об этом с самого начала — не испытываем ни тени непочтительности, злопамятства, антипатии, многие из нас — по тысяче сентиментальных мотивов. Мы понимаем, что испанская монархия закончила свой цикл, лишилась смысла и отпала, как мертвая шелуха, 14 апреля 1931 г. Мы относимся к её падению со всеми эмоциями, каких она заслуживает, и относимся со всем уважением к монархическим партиям, которые, веря в её плодотворность для будущего, призывают к её реставрации. Но мы, даже вопреки самим себе, хотя внутри нас встают сентиментальные воспоминания и ностальгия, не можем направлять свежий порыв молодёжи, которая за нами следует, на восстановление учреждения, которое мы считаем славно почившим.

Это один из флангов, который работает против дел и смысла 14 апреля. Второй фланг — популизм. Что о нём говорить? Мы все понимаем, что он собой представляет. Я питаю большое уважение и большую симпатию к господину Хилю Роблесу и испытываю эти чувства именно потому, что у него проявляется антипопулистская жилка. Я предчувствую, что в один прекрасный день г-н Хиль Роблес порвёт со своей школой, и мне кажется, в этот день он окажет большую услугу Испании; что же касается популистской школы, то чего от неё ожидать? Популистская школа похожа на одну из тех больших немецких фабрик, на которых производятся суррогаты почти всех подлинных вещей. Возникает, например, в мире социалистический феномен, полнокровный, яростный, искренний порыв социалистических масс. А вслед за этим появляется популистская школа, у которой большая картотека и много осторожных и вежливых молодых людей, похоже, прошедших обучение в высшей масонской школе. Она изготавливает суррогат социализма под названием христианской демократии: одним народным клубом противопоставляются другие, одним картотекам — другие картотеки, одним социальным законам — другие социальные законы. Популисты наловчились писать докладные записки об участии в прибылях, о пенсиях для рабочих и о тысяче других красивых вещах. Только для настоящих рабочих нет места в этих красивых сказках, которые никогда не становятся явью. Возникает в мире фашизм со своими воинскими доблестями, мятежный протест угнетенных народов против неблагоприятных обстоятельств, со своим мартирологом и своими чаяниями славы, и тут же появляется популистская партия. Чтобы все поняли намёк, она отправляется в Эскориал и устраивает шествие молодёжи под своими знамёнами, оплатив дорогу участникам. Здесь есть всё, кроме революционной и сильной молодой доблести, которая есть у фашистской молодежи. И пусть вас не волнует та перспектива, что, если Бог дарует нам жизнь, мы увидим в Испании республику партии СЕДА, с личным представительством и законом о печати, во многом похожую на все светские республики Центральной Европы.

Поэтому, товарищи, мы не являемся представителями ни монархической, ни популистской реакции. Перед лицом обмана 14 апреля, жульничества 14 апреля, мы не можем принадлежать ни к какой группе, которая, более или менее скрытно, преследует реакционные, контрреволюционные цели, потому что нас не устраивает в 14 апреля не то, что это был насильственный, принесший кому-то неудобства акт, а потому что это было бесплодное событие, потому что ещё раз были обмануты надежды незавершённой испанской революции. И поэтому мы, вопреки всем оскорблениям, вопреки всем искажениям нашей позиции, сохраняем посреди уличной толпы, посреди тех, кто хранил его и утратил и тех, кто не хочет его хранить, испанский революционный дух, который рано или поздно, во благо или во зло, вернёт нам общность нашей исторической судьбы и глубокую социальную справедливость, которой нам не хватает. Поэтому наш режим, как и все революционные режимы, будет порождён недовольством, протестом, горькой любовью к Родине; это будет общенациональный режим без крикливого патриотизма, без декадентских вывертов, он будет связан с подлинной, вечной Испанией, страной трудной судьбы, и будет вдохновляться истинно испанской традицией; он будет глубоко социальным, но не демагогическим, поскольку будет непримиримо антикапиталистическим и антикоммунистическим. Вы увидите, как мы вернём человеку его достоинство, чтобы таким образом вернуть достоинство всем учреждениям, которые в совокупности составляют Родину.

Вот чего мы хотим и сегодня мы начинаем новый этап нашего пути. Этот этап, товарищи, будет трудным; наша миссия — самая трудная, поэтому мы её и выбрали, поэтому она и плодотворна. Мы против всех. Против революционеров 14 апреля, которые постоянно искажают нашу позицию и исказят и слова, сказанные сегодня, хотя они достаточно ясны, потому что они знают, что счёт, который мы им предъявляем перед лицом Испании, — самый сильный обвинительный акт против них. С другой стороны, мы против контрреволюционеров, потому что они надеются, что мы будем рисковать, защищая их интересы; они покровительствуют нам, помогают нам, даже дают кое-какие деньги, а потом безумно злятся от отчаяния, видя, что те, кого они считали своим авангардом, превратились в независимую армию.

Выступая против тех и других, постоянно придерживаясь истинно испанской линии, атакуемые со всех сторон, без денег, без газет (вспомните пропагандистскую кампанию, которую вызвало собрание 10 000 наших товарищей), словно в осаде, подвергаясь клевете со всех сторон, мы знаем, что наша миссия трудна; её выполнение было бы чудом, но мы верим в чудеса, и это чудо происходит в Испании на наших глазах. Сколько нас было в 1933 году? Горстка, а сегодня у нас повсюду множество сторонников. Мы осмелились собраться на четыре дня в этом месте, в

самом большом кинотеатре Мадрида. Многие пришли сюда пешком из отдалённых провинций, чтобы увидеть наши знамёна и услышать имена наших павших. Мы сознательно выбрали самый трудный путь, но при всех его трудностях, при всех жертвах, мы и, может быть, только мы сумели вывести на поверхность один из тех героических потоков, которые текут под землей Испании. Немногих слов, немногих внешних актов было достаточно для того, чтобы первые места в наших рядах, в которых гибнут, заняли 18 молодых товарищей, жизнь которых только начиналась. Мы, не имея средств, при этой бедности, при этих трудностях собираем всё плодотворное и полезное, что есть в нашей Испании. И пусть мы будем сталкиваться с трудностями до конца и даже после конца; пусть жизнь будет для нас трудной до победы и после победы. Несколько дней назад я вспомнил слова из одного романтического стихотворения: «Не нужен рай мне, я хочу покоя». Это романтическое стихотворение было обращено к чувствам, но оно звучит святотатством по отношению к другому, верному антитезису: рай это, конечно, не покой. Рай — это состояние, противоположное покою. В раю нельзя лежать, в нём надо стоять, подобно ангелам. Наши лучшие товарищи, пожертвовав своими жизнями, уже на пути в рай, ибо нам нужен трудный, неумолимый рай людей, стоящих прямо, рай, в котором никогда не отдыхают, рай, у врат которого стоят ангелы с мечами.

НЕЗАБЫВАЕМЫЙ ДЕНЬ

В кинотеатре «Мадрид», огромном старинном здании, собрались более 10 000 энтузиастов Фаланги. По количеству собравшихся и по ритуальному оформлению этот акт превосходил все прочие политические сборища. Взрыв эмоций, атрибуты и знамёна. Наши павшие товарищи — с нами.

«Воспрянь, Испания!»

Наш митинг в прошлое воскресенье вызвал в Мадриде большой резонанс. Казалось невероятным, что Движение, которое родилось всего два года назад и столкнулось после своего рождения со всевозможными трудностями, смогло вызвать такой эмоциональный накал, собрать такое множество людей и достичь такого качества и стиля, как Испанская Фаланга ХОНС.

Внешняя подготовка этой акции ограничилась рассылкой циркуляров руководителям провинциальных организаций и объявлений в газеты, которые большинство из них, как обычно, не опубликовали, и расклейкой скромных афиш на улицах. Остальное было сделано силами внутренней организации, чтобы сорвать заговор молчания. Как через сеть нервов, все органы ХОНС в Мадриде, руководители округов, кварталов, групп довели до сведения каждого члена Фаланги точные указания и инструкции. И в 10 часов утра огромное здание на площади Кармен, которое, казалось, невозможно заполнить, было забито до отказа толпой энтузиастов, что вызвало изумление, а возможно и враждебность у затесавшихся в наши ряды чужаков.

Завоёвана новая великолепная позиция. Акция в кинотеатре «Мадрид» превзошла ту, что была проведена в Театре комедии, в десять раз. Этот рост в геометрической прогрессии — залог нашего движения к победе.

Подготовка

Товарищи, которым было поручено подготовить место, не спали всю ночь перед митингом. Всё было проверено в эту ночь: молоток на председательской трибуне, освещение, микрофоны. Был один торжественный момент, когда натягивали огромный занавес. В кинотеатре «Мадрид» висит экран во всю стену. Чтобы закрыть целиком его поверхность, — а его площадь более двухсот квадратных метров, — был изготовлен огромный черный занавес с нашей красной эмблемой пятиметровой высоты и именами наших павших товарищей, вышитыми большими золотыми буквами. Поскольку занавес имел в ширину 18 метров, надо было поднимать его медленно, равномерно подтягивая за верёвки, на которых он висел, чтобы не поломать очень широкую деревянную жердь, на которой он держался. Эта операция длилась долго. Только в конце, когда огромный черный занавес с ярмом и стрелами и с именами наших мучеников закрыл до краев пустую стену, наши товарищи смогли почувствовать облегчение. Уже брезжил рассвет.

Паломничество

Начиная с семи часов утра, в наш Центр стали собираться делегации из провинций. Прибыли полторы тысячи товарищей — цифра удивительная, если учесть, что центральная организация не могла помочь местным организациям ни одним сантимо, и каждый активист, в наше время экономических трудностей, ехал за свой счёт. Многие пришли пешком, большинство приехало на автобусах. Подъем на Санто Доминго и непосредственно прилегающая к нему площадь походили на базу большегрузного транспорта. Одна за другой машины высаживали у дверей Центра свой весёлый груз активистов. Казалось, здесь все свои, как члены одной большой семьи. Внутри нашего дома комиссии, которым было поручено встречать прибывших, работали точно и неустанно, снабжая их перед митингом всей необходимой информацией.

Переполненный зал

Это не фантазия. Кинотеатр «Мадрид», как известно, одно из самых больших зданий в Испании. Чтобы приспособить его под кинотеатр, разумеется, очень расточительно использовали

большую часть площадей, поскольку не принято устанавливать места для зрителей у самого экрана. Всего в зале 4 000 мест. Проходы между креслами имеют ширину два метра, а четыре галереи за ложами очень обширны. На нижнем этаже помещения, отведённые под бар, вестибюль и проход, по площади равны арене. И вот всё это, сверху донизу, центральные проходы, галереи, ложи, вестибюль, лестницы абсолютно всё в десять часов утра было заполнено множеством людей, которые стояли, окружая плотной стеной тех, кому достались кресла. С учётом размеров зала и того обстоятельства, что многие остались вне его, большая часть собравшихся не смогла бы слышать речи, если бы не были искусно размещены громкоговорители.

Зрелище

За несколько минут до начала зал представлял собой впечатляющее зрелище. В глубине его располагалась стена, закрытая черным занавесом с огромной красной эмблемой и именами наших мучеников, золотыми буквами, в двух колонках по бокам. Большой стол для Политической Хунты. А между столом и занавесом — цоколь для знамён, поддерживаемых знаменосцами. В центре — штандарт Мадрида, по бокам — красно-черные знамена, переданные провинциальными организациями. Перед трибуной, на полу, знамёна различных мадридских групп, а сверху донизу зала, четырьмя нескончаемыми рядами, парни первой линии, одетые в голубые рубашки. В голубые рубашки были одеты и многие помощники.

На всех этажах, на входах, лестницах и в подсобных помещениях поддерживался безупречный порядок. В работе внутренней организации принимали участие сотни членов Фаланги с красно-чёрными повязками.

Сфокусированный свет был направлен в глубину зала, где словно издалека, из полутьмы возникали в своей великолепной пышности золотые буквы, красная эмблема и вереница знамён.

Митинг

Ровно в одиннадцать из глубины центрального прохода появился вождь, сопровождаемый членами Политической Хунты, главами ряда служб и мадридских ХОНС.

Все присутствующие поднялись. Раздались аплодисменты и крики «Ура!» Кортеж прошёл большое расстояние до председа-

тельской трибуны и занял её. Посередине сел национальный вождь, по бокам — присутствующие члены Политической Хунты, главы вспомогательной службы и мадридских ХОНС. Генеральный секретарь занял стол, на котором был установлен микрофон. После нескольких слов вождя, который дал самые краткие указания относительно порядка проведения митинга, речь произнёс генеральный секретарь Раймундо Куэста. В конце были зачитаны имена павших. Все слушали стоя и единодушно отвечали, подняв руки в приветствии, криком «Presente!» («Здесь!» — Ред.).

После него говорили Мануэль Вальдес, Мануэль Матео, Онесимо Редондо, Хулио Руис де Альда и Хосе Антонио Примо де Ривера.

Духовная напряжённость аудитории не ослабевала ни на минуту. Постоянно раздавался гром аплодисментов. В некоторые моменты, например, когда Хулио Руис де Альда намекнул на Гибралтар, все встали и долго приветствовали оратора бурными аплодисментами и криками.

По окончании речей вождь трижды провозгласил: «Испания!» и все, стоя, подняв руки в приветствии, отвечали ему: «Единая! Великая! Свободная!» и в завершение: «¡Arriba España!» («Воспрянь, Испания!» — Ред.).

После митинга в присутствии примерно тысячи товарищей состоялся обед в ресторане «Касса Хуан», который прошёл в радостной обстановке при полном порядке. В конце обеда Рафаэль Санчес Масас произнёс тост. Потом национальный вождь сказал несколько слов о долге повиновения, радости натиска и молчания. Он закончил так: «Теперь мы возвращаемся к молчанию. Сегодняшний порыв сделал нас достойными молчания. И в этом молчании будут зреть наши новые порывы».

«Арриба», № 10, 23 мая 1935

ГЕРОИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ВОИНСКОЙ СЛУЖБЫ

Воинская служба — это не чья-то прихоть, не подражание, не детская игра в солдатики и не спортивное проявление чисто гимнастического превосходства.

Воинская служба — это требование жизни, это необходимость для людей и народов, которые хотят спастись, это категорический императив для тех, кто чувствует, что его родина и непрерывность её исторической судьбы требуют криками высоких источников, волнами повелительных голосов его включения в иерархическую и дисциплинированную силу, под командой вождя, и повиновения военной науке, героической тактике в действии.

Воинская служба расставила своих вербовщиков во всех уголках национального сознания для тех, кто ещё сохранил достоинство человека и патриота, чьи сердца ещё чувствуют биение испанской крови, тех, кто слышит в душе голос своих предков, похороненных в родной земле, и в чьих сердцах отдаётся знакомое эхо славы людей его нации и расы, которые хотят, чтобы они продолжали существовать.

Это Родине нужны наши силы и руки, это она приказывает нам надевать униформу, быть всем, как один, одевать голубые рубашки Фаланги. Это Родина вышивает рукой жены, матери, невесты на груди, прямо над стучащим сердцем, готовым к борьбе и самопожертвованию, нашу эмблему — ярмо и пучок стрел.

«Ас», № 6, 15 июля 1935

ПОКА ИСПАНИЯ ПОЧИВАЕТ ВО СНЕ

Какими будут ваши впечатления, товарищи студенты, когда по окончании курса вы вернётесь домой? На протяжении нескольких месяцев вы жили напряжённой жизнью Фаланги. Вы научились понимать жизнь во всей её полноте, одинаково чувствовать её в великом и в малом. Стройную осанку вам придавали голубые рубашки. Вы научились говорить таким языком, какой не спутать ни с одним другим. И теперь вы вернётесь в ваши дома, в сёла, на побережье, в маленькие провинциальные города. Некоторые обнаружат, что влияние Фаланги дошло и до их домов, и в них ваш язык не покажется чужим. Но многие, возможно большинство, столкнутся с неосязаемыми вещами, из-за которых они почувствуют себя чужестранцами в местах, где прошло их детство. Может быть, вы думали, что одновременно с вашим внутренним ростом такой же рост происходил во всех частях Испании. Но скоро вы обнаружите, что это не так, что там, в ваших родных местах, все осталось как было до вашего радостного посвящения в члены Фаланги.

Может быть, те из вас, кто не колебался даже в минуты крайней опасности, начнут падать духом, оказавшись в одиночестве, вдали от товарищей, в окружении, настроенном скептически, если не враждебно. Вас начнут одолевать мысли, что всё, что мы делали, бесполезно перед лицом каменной глухоты Испании. И кое на кого, возможно, начнут производить впечатление аргументы, которые широко используют против упорствующей в своих идеях Фаланги местные хитрецы:

— Фашизм был хорош во времена Асаньи и социалистов, когда нам житья не давали. Но сегодня у власти правые, и дела пошли гораздо лучше. Всё, что нам нужно, это мир, и мы его уже имеем.

Мир и послеполуденный отдых. Это программа-максимум трёх четвертей населения той Испании, которая в своей Конституции отказалась от войны, ущербной Испании, которая утратила старый героический дух. Для этих трёх четвертей населения Испании линия национальной жизни, начатая 13 апреля 1931 года, достаточно хороша. Было бы ещё лучше, если бы снизили налоги и сократили срок военной службы. То, что происходило после 1931 года, было похоже на какую-то дьявольскую сарабанду, когда всё встало вверх ногами. Но после этой неразберихи счастливый союз сонных антиклерикалов из радикальной партии и старых монархистов из СЕДА сулит восстановление порядка, т.е. того, что было до Асаньи. Чего ещё надо? Разве вы не сторонники порядка, как нам говорили? Разве вы создаёте военную организацию не для того, чтобы поддерживать порядок? Но если нам его уже обеспечивает правительство, нам ничего больше не надо.

Если кто-то заколеблется, расслабившись от этих убаюкивающих аргументов, пусть он найдёт опору в своей душе, в общности Фаланги, которая поддерживается невидимыми нитями, натянутыми по всем землям Испании, во время нашей разлуки. И тогда внутренний голос Фаланги скажет ему:

— Всё это глупая болтовня усталых и близоруких людей. Во-первых, вы скоро уже увидите, как небо затягивают грозовые тучи. Во-вторых, мы не хотим вести растительную жизнь при старом порядке. За ним — Испания, подвергшаяся унижению перед остальным миром, расколотая изнутри, отказавшаяся от великих замыслов, бездушная, грязная, страна, в которой миллионы человеческих существ живут в нечеловеческих условиях.

И сегодня, при этой душной, сонной атмосфере, когда все эгоисты Испании надеются лишь на послеполуденный отдых, многие местности Испании страдают от жары, и там нет ни одного деревца, чтобы от неё укрыться, а вода солёная или загнившая. И ничего этого нельзя исправить, следуя за консерваторами, т.е. в рамках существующего порядка, уважая все приобретённые кем-то ранее права вплоть до мелочей. Надо глубже вонзить плуг в национальную почву и вырыть из неё все запасы, всю энергию коллективными усилиями, для чего понадобится возбудить огромный энтузиазм, а решать эти проблемы придётся военным путем. Необходимо мобилизовать всю Испанию сверху донизу, привести её в состояние военной готовности. Испания должна совершить прыжок, а не оставаться в постели, как неизлечимый больной, которого добрая администрация лечит мазями и припарками.

Сегодня, более чем когда-либо, товарищи, нужны заповеди нашей веры, пока неудобства не разогнали сон Испании, а сегодня ничто не мешает спячке. Все червяки заранее радуются, надеясь опять застать Испанию спящей, чтобы ползать по ней, покрыть её своей слизью, и пожрать её. Пусть каждый из вас будет как острие палки, которой погоняют быков, пусть не даёт окружающим заснуть. Эта общая задача — быть нарушителями спокойствия — будет объединять нас до осени, когда мы снова соберёмся у наших костров. Осенью мы, может быть, испытаем величайшее из наслаждений — будем сражаться и умирать за Испанию.

«Ас», № 7, 19 июля 1935

РЕЧЬ, ПРОИЗНЕСЁННАЯ В ТЕАТРЕ СЕРВАНТЕСА В МАЛАГЕ

21 июля 1935 года

Эта акция, организованная Испанской Фалангой, когда мы сравниваем её с проведёнными ранее, вызывает у нас новые чувства. Если бы мы устраивали собрания на футбольных полях, оплачивали приезд участников и задавали роскошные пиры, публичный успех был бы обеспечен. Но я никогда не чувствовал себя так удовлетворительно, как в этой конфиденциальной, интимной обстановке, без пиджаков, в атмосфере чистого и простого товарищества.

Если бы я предвидел, что эта акция, которую мы проводили сегодня в Малаге, будет иметь такой семейный характер, я пригласил бы вас прогуляться за город, в поля. Чтобы под благодатной сенью деревьев мы испытали новые впечатления, рассказывая о наших радостях, заботах и надеждах.

В тени деревьев, в этой интимной обстановке, я унёсся бы мысленно в далёкое прошлое, во времена завоевателей Америки. Их было мало, гораздо меньше, чем нас. Они прибыли на девственные земли Америки, куда не ступала нога белого человека, и на высоких горах, когда над их головами светила луна, а внизу до горизонта простирались бесконечные пампасы, они начали закладывать основы будущей золотой славы обширной Империи.

Давайте поговорим совершенно спокойно, как будто мы в самом деле отдыхаем в тени деревьев.

Знаете ли вы, наши дорогие товарищи из организации города Малага, о той услуге, которую вы оказали Испанской Фаланге, из-за чего мы называем вас ветеранами первого часа? Знаете ли вы, какова ваша миссия в Фаланге? Сейчас узнаете.

Мы призываем нынешние поколения, нынешнюю молодёжь, посмотреть открытыми глазами на жизнь в создавшейся ситуации: старый мир, старый общественный строй рушится, а Роди-

на, некогда великая и могучая, лежит в развалинах. Капиталистическая система агонизирует.

Капиталистический строй был необходим, когда создавалась крупная промышленность и требовалась концентрация капитала. Но крупная промышленность по мере своего роста одновременно поглощала мелкие предприятия и мелкую промышленность. Капитализм с самого начала был заклятым врагом рабочих, которых он сгонял безликими шеренгами на фабрики, но он был врагом и мелкого капитала, потому что он поглощал и уничтожал источники производства, заменял человека, мелкого промышленника, листами без нервов и сердца. Капитализм превратил людей, трудящихся в пролетариев, т.е. индивидов, которые, будучи отчуждёнными от средств производства, ожидают через какое-то число дней получения зарплаты за свой тяжёлый труд.

Капитал пожирал рабочих, промышленность, всё, что оказывалось в пределах его досягаемости, и в итоге начал пожирать сам себя. Пролетарские классы всё больше страдают от голода, число безработных значительно увеличилось, и никуда нельзя ускользнуть от агонизирующей системы.

Это то, что касается общественно-экономического строя.

Но есть еще Родина, превращённая в архив воспоминаний. Вспомните: на курсах для получения степени бакалавра всегда находился какой-нибудь глупый профессор, который прилагал все усилия к тому, чтобы мы поверили, будто святой апостол Иаков присутствовал на поле битвы при Клавихо? Вся учёность этого профессора сводилась к тому, чтобы подчёркивать значение присутствия апостола Иакова при этой битве, и он совершенно не занимался изучением других вопросов, причин славы Испании.

И о завоевании Америки нам говорили, подчёркивая глупость тех, кто составлял планы завоевания этих земель. А когда говорили о Карле V и Филиппе II, осуждали их вмешательство в европейские религиозные войны. Они сражались, не учитывая мнения бедного профессора, который, к сожалению, не находился рядом с ними, чтобы в критические моменты решений давать им полезные советы.

Кроме архива воспоминаний, мы имеем перед собой Родину, превращённую в руины, безоружную, с побережьями, открытыми для любой атаки извне.

Как могла наша Родина позволить, чтобы в её Конституции было записано, что «Испания отказывается от войны»? Значит, если на нас нападут, мы не будем защищаться? Это всё равно, что сказать: «Меня ударили. Пусть ударят ещё, пусть меня бьёт, кто угодно, я и не подумаю защищаться». Для нас это бесчестие, позор. А Испания позволила, чтобы в её Конституции были записаны такие слова.

Имея перед собой сломленную, загнанную в угол, безоружную Испанию и общественно-экономический строй, при котором увеличивается число нищих и голодающих, мы видим, что наши современники разделились на два лагеря, так называемых правых и левых.

Испанские правые всё время показывают нам свою заинтересованность в том, чтобы мы поверили, будто святой апостол Иаков отдавал приказания во время битвы при Клавихо. Одержимые этим, они совершенно не понимают беды испанского народа, его безотлагательные нужды, его печальное положение.

Мы имели случай убедиться в несчастном состоянии нашего народа во время трехдневной поездки по землям Испании. Мы видели в провинции Леон, где климат суровый, а не такой мягкий, как в Малаге, людей, ютящихся в подземных убежищах или в землянках, которые служат им жильём.

Вы видели, как и мы, людей, работающих от зари до зари за тарелку окрошки. Вы встречали в испанских степях людей с горящими глазами, готовых, как в лучшие времена, к любым приключениям, но ведущим жалкую жизнь. Людям в этих пустынных местностях живётся хуже, чем домашним животным.

Правые не стремятся к тому, чтобы исправить это, избежать этого, чего можно было бы достичь — достаточно хотя бы в небольшой мере проявить самоотверженность. Но те, кто поёт хвалу Родине, не думают о тех, кто живёт в землянках в провинции Леон.

Левые кричат на весь свет о необходимости достичь подлинной социальной справедливости, любой ценой, но одновременно они стараются вытравить из душ рабочих все духовные импульсы, все религиозные стимулы. Они возбуждают ненависть рабочих масс не для того, чтобы улучшить жизнь Родины, не для того, чтобы установить социальную справедливость, а чтобы ездить на спинах трудящихся масс, призывая их вешать и резать.

Мы не знали, куда нам себя отнести. Одних больше заботили социальные ценности, других — слава и величие Родины. И мы заперлись в башне из слоновой кости и стали ждать в ней развития событий, забыв о бедах народа.

Мы так и жили, но, к счастью, произошла революция и избавила нас от самообмана. Революция схватила нас неожиданно, как хватают за пояс нерешительных детей и бросают их в море, а там — хочешь, не хочешь — а плыви.

Вы видите, как мы плывём и как далеко заплыли, потому что мы, к нашей чести, опираемся на две основы. Что значат уличные песни и крики, если нет социальной справедливости? Зачем обманывать рабочих, умалчивая о том, что они могут быть свободными и сильными, только если Родина будет великой, свободной и справедливой?

Мы очнулись от глубокого сна и решили посвятить наши жизни возрождению Испании. В эти трудные дни, в жару и в холод, но всегда честно мы будем говорить рабочим: «Многие из нас, кто не испытывает голода, от которого страдают ваши семьи, который уносит ваши жизни, выходят сегодня на улицы, чтобы сражаться за ваше дело, готовые отдать за него жизнь». И это не лживая поза, не ещё один обман — список наших павших говорит о нашей искренности.

Поэтому наша молодёжь чудесным образом обретает дух героизма и те ценности, которые казались глубоко спрятанными, а теперь вышли на поверхность и на них воздвигается храм, более прекрасный, чем античные храмы. Вот перед вами это список: в нём числится Матиас Монтеро, основатель католического профсоюза студентов, который, даже зная, что ему угрожают смертью, не изменил путь, по которому он шёл домой. Хесус Эрнандес, мальчик пятнадцати лет. Ему выстрелили в спину, и в пункте скорой помощи, уже в предсмертном бреду он прошептал слова старой песни ХОНС: «Я хочу умереть по-испански...».

А Мануэль Каррион, администратор гостиницы в Сан Себастьяне? Это был тихий, мягкий, мирный человек, очень преуспевший в своей профессии. Он был образцом любезности и деликатности. Но однажды он услышал призыв к героизму, составил несколько листовок на баскском и кастильском языках и вышел на улицу, чтобы распространить их. Ему угрожали смертью, и однажды ему тоже выстрелили в спину. Он умер, ничуть не жалея о жизни, его интересовала только победа идеала, за который он пролил свою кровь.

Вот что я хочу сказать о мёртвых и о живых. В Севилье были схвачены тринадцать наших товарищей, и один из них, когда умер Мануэль Гарсиа, радостно, лицом к врагу, поднял его на руки, чтобы толпа его не изувечили, и, то падая, то снова подни-

маясь, отнёс его в безопасное место, а потом, поцеловав его в лоб, сказал: «Arriba España!» («Воспрянь, Испания!» - *Ред.*)

Я полагаю, что приведённые мною факты достаточны для того, чтобы вы поверили в плодотворность Испанской Фаланги. А эти двое парней, которые недавно, услышав наш призыв, вышли на улицы с криками: «Это покушение — дело рук коммунистов?» Разве это не пример плодотворности и любви к идее? Разве это не пример героизма, не заботиться о своих обожжённых телах, а лишь о том, чтобы ответственность не пала на организацию? И так каждый день. Одни падают на улицах, убитые в спину, другие томятся в тюрьмах, откуда пишут нам письма, вызывающие у нас бурю эмоций. Приятно командовать такими людьми.

Эти жертвы и эти люди, которые пишут такие прочувствованные и пламенные письма, оправдывают наше право командовать ими, поэтому мы обращаемся к вам, ко всем, кто хочет вернуть Испании твёрдую и нерушимую социальную справедливость и принести ей новую славу.

Настало время, чтобы народ, полный потенциальных возможностей, перестал быть собственностью немногих. Настало также время выбросить ростовщиков и банкиров, врагов как рабочих, так и хозяев. Ради этого мы рискуем и знаем, ради чего приносим жертвы. Мы говорим это, как уже отметил Раймундо Фернандес Куэста, тем людям, которые утверждают, будто то, что мы делаем, не нужно, что правительство поддерживает порядок, и нет причин проявлять озабоченность: дела и так идут достаточно хорошо.

Ничего подобного, господа! Дела идут не хорошо, потому что нам грозит революция, более сильная и лучше организованная, чем в октябре, и потому что мы не хотим, чтобы наши дети испытывали стыд, зная, что есть люди, которые работают от зари до зари за тарелку окрошки и что многие испанцы живут как свиньи.

Ни с чем этим мы не может согласиться. Мы не можем признать, будто на улицах не стреляют, потому что говорят, будто дела идут хорошо. Мы выходим на улицы под выстрелы, чтобы ситуация не оставалась такой, какова она сейчас.

Вы знаете инструкции, что надо делать этим летом. Надо бороться с нынешней сонливостью, вызванной жарой и довольством. Вы должны быть возмутителями спокойствия Испании, каждый из вас должен быть острием той палки, которой погоня-

ют быков, чтобы все видели, что мы не смиримся с подобным положением вещей. Это наша задача, притом первоочередная.

Мы не собираемся на стадионах и не сорим деньгами на поездки и обеды. Вам будут говорить разные глупости о нашей организации. Вас будут уверять, будто Фаланга — это учебный батальон, делающий ставку на насилие. Не придавайте этому значения! Те же самые фразы вам будут говорить ещё десять лет. Против нас ведётся война, но всё равно, мы идём вперед. И мы собираемся в Малаге в эту июльскую жару и в холодных горах Севера, но везде мы обмениваемся впечатлениями, не интересуясь тем, что о нас говорят. Это не имеет значения! Для тех из нас, кто будет в могиле, наступит день, когда их кости снова задрожат под победоносной поступью новых легионов.

¡Arriba España! («Воспрянь, Испания!» — *Ред.*).

ОБ АГРАРНОЙ РЕФОРМЕ

Речи, произнесённые в парламенте 23 и 24 июля 1935 (переведена в сокращении)

Я полагаю, что тему всей сегодняшней дискуссии можно свести к одному вопросу: Нужна или не нужна Испании аграрная реформа? Если кто-то из вас считает, что не нужна, пусть наберётся мужества сказать это и представит проект закона, который, как говорит г-н Дель Рио, гласил бы: «Статья единственная. Закон от 15 сентября 1932 года отменяется». Есть ли среди вас кто-нибудь, кто видел земли Испании и считает, что аграрная реформа не нужна? Не приходится взывать ни к какому демагогическому великодушию: деревенская жизнь в Испании совершенно невыносима. Я не буду об этом разглагольствовать, расскажу без прикрас о двух фактах. Вчера я был в провинции Севилья: там есть один посёлок под названием Вадолатоса, где женщины поднимаются в три часа ночи для сбора турецкого гороха; заканчивают они эту работу к полудню — продолжать её невозможно по техническим причинам — и за эти девять часов работы этим женщинам платят одну песету…

…Другой случай в ином стиле. В провинции Авила есть посёлок под названием Нарос дель Пуэрто. Этот посёлок принадлежит одной сеньоре, которая купила его за 80 000 песет. Она является собственницей каждого квадратного сантиметра земли: церковь, кладбище, школа, дома всех жителей расположены на её земле. Эта сеньора сдаёт дома в аренду всем жителям и в договоре об аренде с бесконечным числом статей указаны не только все случаи отказа в аренде, предусмотренные Гражданским кодексом, но и такие мотивы отказ: «Хозяйка может отказать в аренде крестьянам, которые плохо говорят». *(Шум и смех в зале)*

…То, что вы увидите, проехав сотню километров по всем землям Испании, я полагаю, убедит вас всех, что Испании необходима аграрная реформа. Она заключает в себе более широкий смысл, нежели разделение латифундий на мелкие участки или объединение мелких участков. Аграрная реформа — это нечто большее, более амбициозное, более полное; это замечательное дело, которое, может быть, одно только и можно совершить в революционной обстановке и на него стоит потратить время…

Аграрная реформа в Испании должна состоять из двух частей, иначе это будет лишь частичная мера, которая может ухудшить дело. Во-первых, необходима экономическая реорганизация испанских земель. Они не все обитаемы и не все пригодны для сельского хозяйства. У нас есть огромные территории, где мелкие собственники могут лишь влачить из поколения в поколение жалкое существование. Есть бедные земли, на которых непрерывный труд многих поколений не позволяет получить больше четырёх-пяти семян с одного. Жители этих земель обречены на вечную нищету.

Обитаемые земли Испании составляют не более четверти её территории; на этих землях необходимо правильно распределить сельскохозяйственные культуры. Дело не в латифундиях. Есть места, где латифундии необходимы (латифундии, но не латифундисты — это другой вопрос), потому что лишь большие посевные площади могут компенсировать большие затраты. Есть места, где можно работать на мелких участках, а есть такие, где это ведёт к разорению.

Вторая задача — определение экономических зон обработки сельскохозяйственных культур. После этого необходимо будет приступить к расселению сельских жителей по удобным для обработки зонам и к обустройству их на этих землях. Это будет революционная мера. Хотим мы этого или не хотим, но право собственности на землю не является основополагающим для юридического сознания нашей эпохи. Это может быть болезненным для нас, но мировая юридическая наука в наше время не относится к собственности на землю с таким же уважением, как сто лет назад.

Вы спросите, почему я затрагиваю только собственность на землю, а не банковскую собственность, право собственности на городские здания, промышленные предприятия. Но не я управляю миром. (*Депутат Ориоль де ла Пуэрта: «Банковская собственность — виновник всего»*). Этим мы займёмся потом. Но

Один из примеров ошибок Франко это отказ от быстрого проведения аграрной реформы. Это был настоящий удар в спину фалангизму, предуготовивший контрреволюцию 1977 года.

сейчас, с учётом изменившегося отношения юридической науки к земельной собственности, необходимо произвести экономическую ампутацию. В истории это постоянно происходит. Г-н Санчес Альборнос говорил об этом более авторитетно, чем я. Он приводил в пример рабство. Наши деды имели рабов, владели ими, как собственностью, передавали по наследству, продавали. Но настал момент, когда юридическое сознание мира осудило это, и рабство было отменено.

Но, кроме юридического обоснования необходимости проведения аграрной реформы революционным путем, есть и экономические причины, и мы будем лицемерами, если будем делать вид, что не замечаем их. В проекте г-на министра сельского хозяйства говорится, что собственность будет оплачена согласно оценке и добавляется, что на операции, связанные с аграрной реформой, не может тратиться более 50 млн. песет в год. А сколько нужно земли для расселения испанцев? Восемь или десять миллионов гектаров?

Округлённо это будет стоить восемь миллиардов песет; разделим на 50 млн. в год и мы получим 160 лет на проведение аграрной реформы. Если мы скажем это крестьянам, они справедливо подумают, что над ними издеваются. У нас нет 160 лет на проведение аграрной реформы, её надо проводить срочно, пусть даже она будет несправедливой по отношению к нынешним земельным собственникам.

Ваша революция 1931 года могла и должна была всё это сделать. Но она сделала это не вовремя и плохо. Принятый закон об аграрной реформе имел как минимум два недостатка. Во-первых, вместо определения экономических зон с учётом того, где возможно мелкое, а где необходимо крупное земледелие, закон временно сохранил хозяйства коллективного типа, которые не улучшили участь земледельцев, а наоборот, подчинили их игу бюрократии.

И вы сделали ещё одну вещь, чем дали аргументы врагам аграрного закона 1932 года: вы экспроприировали без выкупа земли грандов Испании. Не все гранды Испании не имели заслуг перед Родиной, г-н Санчес Альборнос (*Санчес Альборнос: «Я это признаю»*). Вы правы, но признайте также, что следовало заниматься не изучением генеалогии, а законности титулов (*Санчес Альборнос: «Мы согласны, я внесу поправку»*).

Закон 1932 года по этим причинам был плох; но вы (*обращаясь к Комиссии*) творите сегодня такое, чего не делали ни при

каком режиме. Я хочу напомнить вам, что делала французская монархия, реставрирована после французской революции; она не доходила в своих проектах до того, до чего хотите сегодня дойти вы, желая перечеркнуть все результаты аграрной реформы и установить фантастические нормы оплаты точной стоимости земель.

...Поймите, в чём прелесть закона об аграрной реформе. Если речь идёт о выкупе всей испанской земли и её распределении, этот закон доставит радость. Но одно из двух: либо этот закон, как я сказал ранее, будет издевательством, растянутым на 160 лет, и тогда он не нужен, либо единовременно будет выкуплена вся земля Испании, а поскольку в экономике не бывает чудес, документ, ценность которого лишь в том, что он передаст собственность из одних рук в другие, сам по себе будет чудом.

Господин Флоренса произнёс великолепную речь. В ней мне показались особенно интересными две вещи. Он очень выразительно описал нам долину Эбро, где есть обширные плодородные земли, невозделанные по причине отсутствия рук для их обработки. Второй момент: то, что надо в первую очередь сделать до аграрной реформы — это повысить цены на сельскохозяйственную продукцию.

... Я хотел бы задать вопрос г-ну Флоренсе: Не считает ли он, что причиной снижения цен на эту продукцию является то, что она производится на бесплодных или почти бесплодных землях? (*Флоренса: «Да»*) Не является ли причиной того, что наша пшеница стоит 48, 49 или 50 песет за квинтал то, что она выращивается на землях, непригодных для этой цели? (*Флоренса: «Совершенно верно»*). Значит, если есть плодородные земли, но нет рук для их обработки, и есть земли, где выращиваются не те культуры, то не должна ли глубокая и плодородная аграрная реформа начинаться с определения пригодных для поселения и обработки зон Испании? (*Депутат Алькала Эспиноса: «Против этого я не возражаю, но здесь говорилось о конфискации собственности и инвентаря»*). Эту первую меру, которая получила сегодня авторитетную поддержку г-на Флоренса, г-н Алькала Эспиноса называет художественной литературой.

Описание земель — первый шаг. Второй — перераспределение населения по пригодным для обитания и обработки землям. Г-н Алькала Эспиноса сказал: «Г-н Примо де Ривера хочет, чтобы это было сделано с помощью ужасной революции». Почему ужасной? Просто с помощью революции. Слово «революция», которое

точно определяет мою позицию как национал-синдикалиста, позицию, которую г-н Санчес Альборнос почему-то относит к правому флангу испанской политики. Моя концепция революции не означает, что я буду наслаждаться зрелищем уличного мятежа, звуками пулемётных очередей и тем, что женщины будут падать в обморок. Я не думаю, что такое зрелище может быть для кого-то привлекательным. Моя концепция революции связана с меньшим уважением к ряду юридических позиций, которые считались неприкосновенными 40, 50 или 60 лет тому назад.

Г-н Флоренса выступил здесь в защиту работников сельского хозяйства, но он очень хорошо знает разницу между сельскохозяйственным предпринимателем и аграрным капиталистом. Это очень разные функции в аграрной экономике... Управляющий должен обладать большим опытом, знаниями, организационным талантом, а аграрные капиталисты, собственники земель могут в любой день отстранить его от должности. Его задача — собрать урожай, а земля всегда производит одно и то же.

Тот пересмотр юридических ценностей, о котором я говорил вчера, затрагивает не столько сельскохозяйственных предпринимателей, сколько сельских капиталистов, т.е. тех, кто, имея какие-то земли в реестре собственности, могут ставить на основании этого других в зависимость от себя. (*Алькала Эспиноса: «Почему вы отделяете владения согласно реестру собственности от управления предприятием? Я не вижу здесь несовместимости, не вижу противоположных фигур»*). Так устроен мир, и это не моя вина...

... Смысл закона об аграрной реформе 1932 года и всех законов об аграрной реформе сводится к тому, что необходимая функция управляющего обусловлена, как и все человеческие функции, физическими ограничениями. Можно спорить, нужен ли управляющий для эксплуатации 500, 600, 2000, 4000 га, но очевидно, что никто не обладает таким организационным талантом, таким опытом и знаниями, чтобы управлять 80, 90, 100 тысячами га на разных территориях...

Хотим мы этого или не хотим, но мы должны каждый день выполнять свою функцию в мире, чтобы мир нас уважал, а тот, кто не выполняет никакой функции, кто лишь пользуется юридически привилегированной позицией, должен смириться с тем, что он понесёт ущерб.

Такова основа закона об аграрной реформе 1932 года, всех законов об аграрной реформе. Палата хочет заменить имеющий

недостатки закон об аграрной реформе другим. Можно подумать, что она хочет довести аграрную реформу до конца. Но я убеждён, что она того не хочет. Речь не идёт о проведении аграрной реформы. Этот проект, который мы сегодня обсуждаем, он лишь позволяет государству насильственно экспроприировать земли ради пользы общества. Стоило огород городить! Определение того, в чём польза общества, отдаётся на усмотрение администрации…

Это не аграрная реформа, это отмена аграрной реформы. Она подменяется экспроприацией без учета того, нужно ли данное имение для аграрной реформы, так как не проводится никакая классификация земель по их пригодности для сельского хозяйства.

В этом проблема. Я надеюсь, что моё выступление и выступления других депутатов дадут нужный эффект.

БОЛЬШЕВИЗМ

24 июля утром меня окончательно причислили к большевикам многие лица, которые оказывают мне честь, беспокоясь о моей судьбе. Непосредственным поводом для такой классификации была речь об аграрной реформе, произнесённая мною накануне, 23 июля, в Палате депутатов. Следует сказать мимоходом, что большинство тех, кто предаёт меня анафеме, не читали эту речь, а знают её лишь по краткому изложению её содержания в прессе. Мне больно об этом говорить, но моя риторика в данном случае подверглась значительному обрезанию: от неё остались одни кости, которые невозможно переварить. Но я очень надеюсь на тех, кто, чтобы судить о речах, берут на себя труд читать их. А сжатого изложения было достаточно для того, чтобы объявить приговор: тот, кто говорит так, не может быть никем иным, кроме как большевиком.

Какое же представление о большевиках имеют мои обвинители? Может быть, они думают, что большевизм заключается, прежде всего, в разделе земель и раздаче их веками голодавшему народу? Если да, то они ошибаются. Большевизм — это в основе своей материалистическое отношение к миру. Если попытки коллективизации крестьянства потерпят крах, большевики могут от неё отказаться, но они не уступят в главном: в своём желании оторвать народ от религии, разрушить семью, сделать существование сугубо материальным. Близок к большевизму тот, кто разделяет чисто экономическое толкование истории. Антибольшевистской является та позиция, которая рассматривает мир под знаком духовности. Эти две позиции существовали всегда, когда ещё не было терминов «большевизм» и «антибольшевизм». Большевик — это всякий, кто стремится к приобретению любой ценой материальных преимуществ для себя и для своих близких, антибольшевик — это тот, кто отказывается от материальных благ ради духовных ценностей. Аристократы прошлого, которые во имя религии, родины и короля жертвовали жизнью и имуще-

ством, были живым отрицанием большевизма. Те, кто сегодня, когда капиталистическая система трещит по швам, жертвует своими удобствами и привилегиями ради того, чтобы сделать мир более справедливым, не принося, однако, в жертву духовные ценности, тоже служат живым отрицание большевизма. Может быть, благодаря нашим усилиям, не таким уж предосудительным, нам удаётся консолидировать жизнь, пусть и менее роскошную, для избранных на несколько веков, но без жестокостей и кощунств. Наоборот, те, кто предаётся бесконечным наслаждениям, пользуясь полученным даром богатством, те, кто стремится в первую очередь удовлетворить свои чрезмерные потребности, а не помочь голодающему народу, люди с материалистическим взглядом на мир, вот они-то и есть настоящие большевики. Это чудовищно рафинированный большевизм: большевизм привилегированных.

Хосе Антонио Примо де Ривера
газета «ABC», 31 июля 1935

ТРАДИЦИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ

То, что мы являемся свидетелями конца эпохи, не осмелится отрицать ни один беспристрастный наблюдатель. Эпоха, которая сегодня агонизирует, была короткой и блестящей. Её рождение можно датировать третьим десятилетием XVIII века, её внутренний двигатель можно назвать одним словом: оптимизм. XIX век, развивавшийся под знаком имен Смита и Руссо, и в самом деле верил, что, если пустить всё на самотёк, это даст наилучшие результаты, как в экономике, так и в политике. Надеялись, что свобода торговли и стихийность экономики станут залогом бесконечно растущего благосостояния. Предполагалось также, что политический либерализм, т.е. отмена всех норм, которые не были приняты по свободному соглашению большинства, принесёт такие выгоды, о которых люди и не подозревают. Первоначально казалось, будто факты подтверждают эти пророчества; XIX век знал один из самых энергичных, жизнерадостных и интересных периодов истории. Правда, он был таким только для очень узкой сферы, для тех, кто проматывал большие наследственные богатства. Чтобы XIX век позволил себе расслабиться, ему должны были предшествовать многие века накопления огромных запасов дисциплины, самоотверженности и порядка. Может быть, то, что считалось славой XIX века, было посмертной заслугой предыдущих веков, о которых забыли, но без которых XIX век не смог бы позволить себе роскошь существовать.

Разумеется, блестящее великолепие политического и экономического либерализма длилось недолго. В политике этот отказ от всех постоянных норм, провозглашение безграничной свободы критики привели к тому, что через несколько лет мир уже не верил больше ни во что, даже в собственный либерализм, который приучил его не верить. А в экономике вожделенный бесконечный процесс однажды повернул голову и показал другое своё лицо, искажённое ужасными судорогами массовой пролетаризации, закрытия фабрик, выбрасывания урожая в море, безработицы, голода.

Душу XX века, особенно после войны, поразил горький ступор разочарования. Идолы, снова покрытые гипсом и водружённые в нишах, не вызывали больше ни веры, ни уважения. С другой стороны, когда утрачено чистосердечие, так трудно вернуться к вере в Бога!

***

Задача нашего времени — вернуть людям сознательное отношение к нормам и к хлебу. Заставить их увидеть, что нормы лучше необузданности. Что, прежде чем отпускать вожжи, надо быть уверенным в том, что возможен возврат к твёрдой опорной точке. С другой стороны, в экономике человека надо вернуть на землю, глубоко связать его с его вещами, с его домашним очагом и работой. Можно ли представить себе более жёстокую форму существования, чем то, которое влачит пролетарий. Бывает, он 20 лет изготавливает один и тот же винт большого корабля, но никогда не видит корабля, частью которого является этот винт, и связан со своей фабрикой только бесчеловечно равнодушным списком работающих.

Все молодые люди, сознающие свою ответственность, жаждут сделать мир справедливым. Они встают на путь действий и, что ещё более важно — на путь размышлений, ибо без постоянно бодрствующего разума действие — чистое варварство. Мы не должны отклоняться от этого универсального правила, мы, испанцы, когда наша молодёжь столкнулась с трудностями послевоенного периода.

Испании, с одной стороны, удалось спастись от мирового кризиса, но, с другой стороны, её сотрясает её собственный кризис; она перестала быть сама собой по причине отрыва от корней, явления не универсального. В создавшейся ситуации некоторые надеются её исправить, пустив всё на самотёк. Это желание пустить всё на самотёк, будь, что будет, — позиция, типичная для эпох вырождения. Это гораздо легче, чем собрать разрозненные концы, связать их, отделить полезное от устаревшего… Не была ли лень музой многих революций? Другие со смехотворной наивностью рекомендуют в качестве средства простой возврат к старым традициям, как будто традиция это **состояние**, а не **процесс**, и как будто народам легче, чем отдельным людям, совершить чудо и вернуться назад, в детство.

Имея перед собой ту и другую позиции, некоторые из нас думают о возможности синтеза двух вещей: революции — не как предлога для анархии, а как хирургической операции по чёткому плану и согласно нормам — и традиции, не как средства, а как субстанции, не как памяти о делах великих предков, а как способа угадывания того, что мы можем сделать в нашей ситуации. Плодом этой обеспокоенности стала наша Фаланга. Я сомневаюсь, есть ли другое политическое движение, которое появилось на свет в результате более мучительного внутреннего процесса, более строгой разработки идей и самопожертвования со стороны её основателей, для которых — кто это знает лучше, чем я? — нет ничего противнее их душе, чем кричать на публичных собраниях и краснеть от стыда, выставляя себя напоказ.

***

Но, поскольку по миру циркулирует всякие шаблонные суждения, а одна из характерных черт испанцев это их полное нежелание понять ближнего, драма Фаланги усугубляется тем, что она окружена ложными толкованиями, как со стороны врагов, так и со стороны друзей. Одни без обиняков обвиняют нас в том, что наша организация намерена произвести передел земельных владений. Другие, с интеллектуальным уклоном, считают нас сторонниками поглощения личности государством. Третьи ненавидят нас как представителей самой чёрной реакции. Четвертые очень любят нас, потому что видят в нас будущих спасителей их пищеварения. Каких только глупостей о нашем движении не приходится читать и слышать! Напрасно мы ездим по Испании и хрипнем, произнося речи, напрасно издаём газеты. Испанцы, твёрдо убеждённые в том, что их первые выводы непогрешимы, отвергают нас, и мы просим у них, как милостыню, хотя бы немного внимания.

***

Однажды утром ко мне пришёл человек, которого я не знал. Это был Перес де Кабо. Он сразу же сказал мне, что написал книгу о Фаланге. Это было так необычно, что кто-то наблюдает за феноменом Фаланги вплоть до того, что пишет книгу о ней, что я попросил его ознакомить меня с отдельными её частями, и он прочёл их единым махом, не давая мне ни минуты передышки. Эти части были написаны живо, но не без ошибок. Перес де Кабо, частично, может быть, потому что наши тексты не имеют широкого распространения, а частично, может быть — не зря он

испанец — потому что он убеждён, что может утверждать что-то без необходимости знакомиться с текстом, видел Фалангу в довольно искажённом свете. Однако эти страницы были написаны в хорошем стиле. Автор явно был способен на лучшее. Поверив в это, я провёл с ним ряд долгих бесед, он дважды переработал свою книгу и полностью её видоизменил. Перес де Кабо, хотя первое впечатление о нём могло насторожить, обладает редким среди нас достоинством: он умеет слушать и читать. После его ознакомления с текстами, которые я ему передал, и после наших бесед, в его книге появились страницы, под которыми я готов подписаться, включая все запятые. Зато другие страницы содержат ряд неточностей, а в книге в целом имеются пробелы, касающиеся доктрины; их можно заполнить, надо только быть более терпеливым. Но автор спешил отдать свою книгу в печать, а я не имел власти над ним, чтобы охладить его пыл, да и не мог отказать себе в удовольствии увидеть трактат о Фаланге как о предмете интеллектуального исследования, напечатанный, как положено. Сам Перес де Кабо намерен выпустить новые издания, лучше оформленные, чем те, что мы носили с собой на протяжении двух кисло-сладких лет существования Фаланги. Мы запомним их на всю жизнь, ибо они сблизили нас за прошедшие годы, как сближают детей кусок хлеба и книжка подмышкой.

Хосе Антонио Примо де Ривера
Предисловие к книге «Арриба, Эспанья!» Х. Переса де Кабо, август 1935

ОБ ИСПАНСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ

Речь, произнесённая в парламенте 2 октября 1935

Я полагаю, что в данный момент превыше почти всех тех вопросов, которые, пожалуй, и не существовали бы, если бы их не поднимали в Палате, довлеет надо всеми нами и особенно над правительством, проблема международных отношений в Европе. Господин председатель Совета министров просил нас всех касаться этой темы с максимальной осторожностью. Господин председатель Совета министров может быть уверен, что никто не подойдёт к данной теме с большей осторожностью, чем тот, кто в настоящий момент имеет слово. Но, с другой стороны, выступающий сейчас считает, что испанская Палата проявила бы некоторое легкомыслие, если бы не занялась этой темой. Поэтому о ней говорили вчера очень возвышенно, и сам господин председатель Совета министров благодарил нас за то, что мы не остались в стороне от этой темы. Я хотел бы довести предосторожность до такой степени, что говорю господину председателю в первых же словах: «Я не прошу правительство удостоить ответа даже самые важные мои высказывания. Может быть, в нынешний критический момент оно и не должно нам отвечать, но я полагаю, что оно должно нас выслушать, потому что, может быть, наш общий вклад послужит материалом для того, чтобы Испания заняла более чёткую позицию».

И какую же позицию мы посоветовали бы занять Испании, если бы не было никого в наши дни, кто не вдохновлялся бы интересами Испании? Если бы никто не думал, что на наши позиции влияют определенные симпатии к той или иной стране? Потому что наряду с прочим, несомненно, что среди тех, кто присутствует здесь, нет ни одного, чья душа не была бы открыта, кто не испытывал бы те или иные симпатии. Для нас для всех в той или иной степени конечным «Я» является европейская культура. На всех на нас влияли французская литература, английс-

кое воспитание, немецкая философия и политическая традиция Италии, которая достигла своей высшей точки в эксперименте, от серьёзного изучения которого никто не может уклониться и каждому должно быть предоставлено право беспрепятственно высказывать своё мнение о нём. Но в настоящей момент следует защищать только испанские интересы, испанскую позицию, и я уверен, мы будем их защищать.

Я полагаю, что мы должны сосредоточить наше внимание на нынешних проблемах Европы под таким углом зрения: если будут введены военные санкции, несомненно, разразится европейская война, а европейская война поставит под угрозу само существование Европы. Затронут ли какой-нибудь жизненно важный для Европы интерес, настолько важный, что Европа могла бы пойти на риск самоуничтожения? Вот, я думаю, в чём вопрос; его мы и должны рассмотреть. И тогда я осмелюсь сказать вам, что в нынешнем итало-эфиопском конфликте, который вызвал споры в Европе, обсуждаются две и только две темы: колониальный вопрос и британский вопрос. И больше ничего.

Возьмём колониальный вопрос. Неужели нас шокировало то обстоятельство, что предпринята ещё одна колониальная экспедиция? Если все народы Европы их предпринимали, если колонизация это миссия, если не право, если не долг культурных народов, то почему кто-то, верящий во всемирное братство, допускает фактически исключение варваров из этого всемирного братства? Разве можно защищать право отсталых народов на причастность к этому всемирному братству, оставляя их в состоянии отсталости? Я думаю, уже слишком поздно испытывать шок из-за колониальной экспедиции какой-либо страны. Колонизация составила славу Испании. Колонизация составила славу Англии. Англия не испытывала бы никакого шока в связи с колониальной экспедицией, если бы не примешался другой аспект итало-абиссинской проблемы, если бы к колониальному вопросу, о котором я вам говорю, не примешался сугубо и исключительно английский вопрос.

Дело в следующем. Англия последовательно строила одно из самых величественных политических зданий, какие только знал мир — Английскую империю. Это здание держалось, как и все грандиозные сооружения, благодаря чудесному балансу. В настоящий момент, если будет удалён какой-то из элементов, обеспечивающих этот баланс, может начаться разрушение здания. Абиссиния расположена на перекрёстке жизненно важных для английского правительства и особенно уязвимых потоков, в одном из самых тонких нервных узлов всей английской имперской

сети, и совершенно правильно и похвально, что патриотический эгоизм Англии препятствует тому, чтобы кто-то совался в эту невралгическую точку её Империи. Если бы я был англичанином, я бы в данный момент с закрытыми глазами поддерживал бы английское правительство, потому что я был бы английским империалистом, потому что я считаю, что Империя — это историческая полнота народов, и если бы мне выпало родиться в каком-нибудь народе в момент его исторической полноты, я отдал бы все свои силы ради того, чтобы сохранить эту полноту. Но мы не англичане, и Европа состоит не из одних англичан, более того, Англия не является частью Европы — не как народ, живущий вблизи от европейского континента, а как Империя — это внеевропейская держава.

Английская Империя — великое внеевропейское целое, законы апогея, упадка и судьбы Европы и Английской Империи различны, они редко совпадают, а во многих случаях противоположны, и, может быть, сегодня они противоположны, как никогда.

В данный момент можно сказать, что это обсуждение в Женеве на глазах всего мира это война Англии против Европы. Европа отстаивает своё существование пусть даже за счёт угрозы Английской Империи, а Английская империя заинтересована в том, чтобы существовать, даже ставя под угрозу мир в Европе.

Таковы рамки вопроса и, как видите, здесь не играет роли никакая определённая симпатия. Колониальный аспект выходит за эти рамки, речь идёт о борьбе интересов Британской империи и Европы. Хотите, я опишу вам более чётко позицию Советского Союза? Самую решительную поддержку в Женеве Англия с самого начала получила со стороны Советской России. Надо ли вам доказывать, европейская или неевропейская держава Союз ССР? Разве не остаётся в силе пророчество Ленина, который надеялся на победу советской революции именно в результате европейской войны? Для СССР пожар в Европе — это великолепно. Антиевропейский СССР решительно поддерживает английскую точку зрения, но мы, европейцы, мы то с какой стати должны слепо поддерживать интересы Англии и СССР? Какой при обсуждении этих вопросов должна быть роль Испании как особой индивидуальности и как европейской державы? Если хотите, я изменю порядок слов, но, какова, в первую очередь, должна быть роль Испании в Женеве?

Вы все знаете, что до настоящего момента — я имею в виду сообщения, полученные сегодня утром, мы не знаем, что произошло потом, кроме этих игр в Женеве. *(Один из депутатов: «Уже вспыхнула война». Депутат Барсиа: «Произошли более*

серьёзные вещи». Долгий шум). Пусть так: но до этих последних новостей, процедура, которой следовали в Женеве — я настаиваю на этом не для того, чтобы уйти от другого вопроса, я его тоже коснусь, хотя и в гипотетическом плане — должна была бы определяться не статьей 16, а статьей 15, которая, как вы все знаете, предусматривает выработку каких-то рекомендаций. Если Совет Лиги Наций намеревается достичь примирения и если эта попытка не удаётся, Совет вырабатывает рекомендации, которые передаёт конфликтующим странам. Эти рекомендации могут быть приняты Советом в исключительных случаях простым большинством голосов, т.е. это одно из исключений из общих правил статьи 5-й Пакта, которая требует единогласия, чтобы женевский Совет мог принять решение. Следовательно, при упомянутых рекомендациях Испания могла бы голосовать или воздержаться от голосования, ничуть не мешая продолжению работы женевского Совета. Это лишь вопрос дипломатического такта, взвесить, с какого момента Испания должна или не должна подписывать какие-то рекомендации.

Но была задействована статья 16, касающаяся драматического случая агрессии, и это изменило всё. И правительство, как мне кажется, сейчас думает, какую позицию занять в такой ситуации. Статья 16 Пакта Лиги Наций состоит из двух основных параграфов. Первый предусматривает меры экономического, второй — военного характера. Может быть, г-н председатель совета министров, от внимания Палаты ускользнуло это наблюдение. Применение экономических санкций, т.е. первого параграфа статьи 16, не требует, чтобы женевский Совет пришёл к соглашению. Он гласит — цитирую по памяти: «В тот момент, когда имеет место агрессия одного члена Лиги Наций против другого, все члены Лиги считают себя ipso facto жертвами агрессии и с этого момента прерывают все экономические отношения с агрессором». Если мы не отходим от первого параграфа статьи 16, если речь идёт лишь о гипотетических экономических санкциях, Испания должна только проголосовать. Испания может энергично, опираясь на свой авторитет, попытаться убедить Совет Лиги Наций, что от неё требуется только проголосовать. Юридически решение вступает в действие при одном условии: когда это условие выполнено, все члены Лиги обязаны прервать экономические отношения со страной-агрессором. А поскольку между выполнением этих уже принятых условных обязательств и текстом Пакта не требуются никакие особые заявления, каждая страна может применять эти санкции по своему усмотрению. Для каждой страны применение санкций становится внутренним делом;

каждая страна решает, до какого уровня дойти в применении параграфа первого статьи 16.

Я полагаю, это было бы самое желательное решение. Поскольку Испания может не делать заявлений по этому деликатному вопросу, лучше их не делать.

Но теперь пришло время изучить второй параграф, касающийся военных мер. Каков должен быть вклад каждого члена Лиги Наций, чтобы заставить повиноваться её Пакту ту страну, которая его нарушила? В этом случае уже необходимо решение, так как параграф второй статьи 16 гласит, что Совет должен сформулировать рекомендации, т.е. каждый член Лиги не должен немедленно выполнять предписания Пакта, а предварительно должен быть составлен, отредактирован и одобрен некий текст. Когда наступит момент голосования по этим рекомендациям, при котором требуется единогласие женевского Совета, Испания может высказать следующие соображения: в Женеве нет ни одного государства, из числа представленных там, которое относилось бы к Пакту Лиги Наций с суеверным почтением: ни одного.

Я не хочу, чтобы Испания была единственным исключением, и полагаю, что правительство этого не допустит. Но все прочие страны, я подчеркиваю, все, предварительно зондируют общественное мнение, чтобы посмотреть, голосовать или нет за военные рекомендации второго параграфа статьи 16. Если бы второй параграф применялся столь же автоматически, как и первый, никакое обдумывание не требовалось бы, но с того момента, когда от каждого члена Лиги требуется выражение его мнения, то естественно, что при выработке такого заявления каждая страна должна взвесить, какие её интересы поставлены на карту.

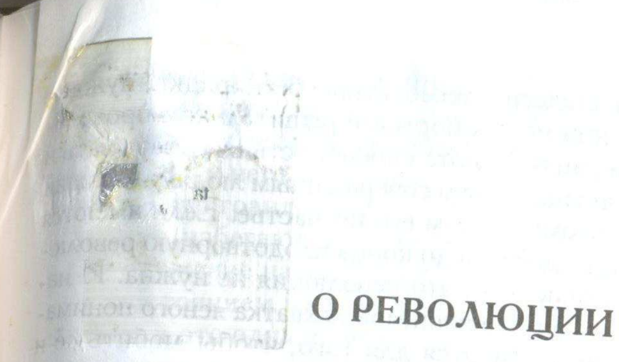
Например, страны Малой Антанты будут голосовать, потому что их беспокоит возможная экспансия Италии в Югославию; Турция свяжет это с вопросом о проливах, Женева проявит интерес к её недавнему союзу с Англией, а мы то, господа, неужели мы будем голосовать из чистой любви к Женеве? Неужели мы будем играть роль простаков, довольных тем, что их допустили в блестящий круг важных персон и позволяют им председательствовать в комиссиях, которые готовят для Европы несъедобные блюда? *(Возгласы одобрения)*.

Испания не может голосовать из чистой любви к Женеве. Прежде, чем голосовать, Испания должна потребовать, и я вас уверяю, Испания достигнет многого, если решиться проявить ответственность, разделив её с другими, и заявить, что развязывание войны в Европе — не европейской дело. Испании следует

подумать, что лучше: либо власть, которая якобы существует в Женеве, превратится в пустой ярлык, либо следует нарушить единство тех, кто заправляет в Женеве, и заявить, что Испания против разжигания пожара в Европе (*возгласы одобрения*).

Если за военные санкции, за военные меры не проголосуют, возможно, европейская война не разразиться. Вопрос сведётся к тому, произойдёт ли конфликт между Италией и Англией. В перспективе этого конфликта у Европы не может быть лучшей позиции, чем та, которая выражается одним словом: нейтралитет, нейтралитет невзирая ни на что. Обычно нейтральная позиция, сформулированная таким образом, изображается как проявление трусости, по крайней мере, когда речь идёт о невмешательстве в дела Европы. Нейтралитет может быть опасным, но это не должно поколебать нашу решимость сохранить его по двум причинам. Первая причинам — надежда, что те, кто ссылается на Пакт Лиги Наций, не сочтут его нарушением наше свободное решение остаться в стороне от войны. И пусть не говорят, будто мы взываем к Пакту Лиги Наций, когда нам это выгодно, и не уважаем его, когда нам это невыгодно. Ничего подобного. Не голосовать за военные меры не значит выступать против Пакта, потому что этим Пактом предусмотрено голосование, соответствующее испанским интересам. И как можно сравнивать намерение Италии превратить Эфиопию в свою колонию с нарушением границ Испании, одного из самых старых и самых уважаемых, как говорят, членов Лиги Наций, если Испания заявит в Женеве, что нет причин разжигать европейский пожар? Думаю, те, кто взывает к Пакту и считает его чуть ли не единственным звеном, соединяющим нас с Европой, и те увидели бы в этом грубое нарушение данного пакта.

Но я скажу вам ещё одну вещь — и это вторая причина. Испания в настоящий момент, решая, оставаться ей нейтральной или нет, должна исходить только из своей выгоды и заботиться только о своём достоинстве, она должна решиться действовать в испанских интересах, а защищать интересы Английской империи у нас нет никаких причин — мы ей ничего не должны (*шум в зале*). Может быть, напомнить вам о Гибралтаре? Мы ничего не должны Английской империи и не обязаны её защищать, мы должны исходить только из испанских интересов. С достоинством Испании несовместима позиция вмешательства или нейтралитета, занятая под влияние угроз или ультимативных требований (*Аплодисменты*).

О РЕВОЛЮЦИИ

Масса народа, которой нужна революция, не в состоянии её совершить.

Революция становится необходимой не когда народ обольщён, а когда его учреждения, идеи, вкусы перестают быть плодотворными или близки к этой грани. В такие моменты происходит историческое вырождение. Не смерть в результате катастрофы, а загнивание в условиях существования без милосердия и надежды. Все коллективные позиции рождаются хилыми, потому что силы, их порождающие, почти истощены. Жизнь общества становится плоской, тупой, она тонет в дурном вкусе и посредственности. Против этого нет иного средства, кроме как разорвать с прошлым и начать сначала. В борозды надо бросить новые исторические семена, потому что старые перестали плодоносить.

Но кто будет сеятелем? Кто отберёт новые семена и определит момент, когда их надо бросить в землю? Это трудная задача. И тут мы сталкиваемся лицом к лицу с демагогическими обещаниями левых и правых, со ставкой на отвратительное заискивание перед массами со стороны тех, кто вымаливает у них голоса и аплодисменты. Они говорят толпе: «Народ, ты великолепен, ты обладаешь высшими достоинствами, твои женщины самые прекрасные и чистые в мире, твои мужчины самые умные и храбрые, твои обычаи самые уважаемые, твоё искусство — самое богатое. Одна беда: тобой плохо управляют. Сбрось своих правителей, освободись от своих уз и ты будешь счастлив». Это означает: «Народ, добейся сам своего счастья путём восстания».

Те, кто говорит так, либо омерзительно неискренни, потому что они используют слова как приманку для масс в собственных интересах, либо совершенно глупы, а глупость бывает хуже обмана. Никто, подумав хоть несколько минут, не сможет отрицать такую истину: в конце бесплодного исторического периода, когда народ по своей или по чужой вине позволяет заржаветь своим движущим пружинам, как может он сам довести до конца огромную задачу своего возрождения? Революция, чтобы она была

плодотворной, а не вылилась в мимолётные беспорядки, нуждается в четком осознании новых норм и в решительном проявлении воли к их достижению. Но эта способность вырабатывать и применять нормы присуща только совершенным людям. Павший народ не способен к этому, в этом его несчастье. Если имеются пружины, позволяющие довести до конца плодотворную революцию, это верный признак того, что революция не нужна. И наоборот, революцию делает необходимой нехватка ясного понимания и толчка, которые требуются для того, чтобы любить её и осуществить. Одним словом, народы в массе своей не могут спастись сами, потому что способность достичь спасения уже означает безопасность. Паскаль приписывает Христу слова: «Не ищите меня, если вы меня уже не нашли». То же самое мог бы сказать народам гений революции.

Среди революционных вождей, которые знает мировая история, достаточно часто повторяются два типа: главарь, который собирает массу, чтобы достичь с ее помощью известности, власти или богатства, и суеверный поклонник народа, верящий в его врождённую добродетель и способность идти своим путём. Главарь менее желателен с точки зрения личной морали, он беззастенчиво тиранит и грабит народ, который его поддерживает, но преимущество в том, что с ним можно покончить одним махом: с его смертью кончается гнёт. Второй же тип, наоборот, оставляет после себя след, и с точки зрения своей исторической миссии является предателем народа в ещё большей степени, чем главарь.

Да, он ещё больше предатель, если использовать слово «предатель» без мелодраматического оттенка, а просто как обозначение человека, который в решающий момент покинул свой пост. Именно это обычно происходит с суеверным поклонником народа, когда ему предоставляется случай стать во главе победившей революции, добиться этого усилием воли, а потом зажигать веру в тех, кто за ним следует, молчаливо взять на себя обязанность командовать ими, править ими, указывать им курс. Если же кровь у него не закипает при зове отдалённой цели, он не должен претендовать на роль вождя. Быть вождём, победить, а на следующий день сказать массе: «Теперь ты будешь командовать, а я тебе подчинюсь», значит трусливо уклониться от славного бремени власти. Вождь не должен подчиняться народу, он должен служить ему, а это нечто другое. Служить ему — значит отдавать приказы ради блага народа, обеспечивать благосостояние народа, которым вождь правит, хотя сам народ не всегда знает, в чём его благо, т.е. действовать в согласии с исторической судьбой народа, даже вопреки тому, чего ожидает масса.

С тем большим основанием в революционных ситуациях, когда, как я уже сказал, народу нужна революция, потому что он утратил способность понимать, в чём заключается благо, потому что у него испорчен желудок; именно от этого его надо лечить. Это грандиозная, но трудная задача. Поэтому слабые вожди её избегают и, чтобы прикрыть свою слабость, подменяют служение народу, поиск трудной гармонии между реальным состоянием народа и его истинной судьбой подчинения народу, а это одна из форм лести ему, его разложения.

Испания пережила это совсем недавно, в 1931 году. Это был один из тех редких случаев, когда масса вела себя скромно и радостно возвышала тех, кого считала лучшими, и готова была следовать за ними.

Так, безо всяких усилий с их стороны, представился случай обрести власть тем людям, который много лет ограничивались ролью врачевателей, критиков. Я говорю в данном случае не о демагогах, а о той небольшой группе избранных, которые в результате интенсивной внутренней работы, начав с отчаяния и закончив пламенной проницательностью, достигли того, что стали выразителями желаний Испании, более ясной, более чистой, более способной, свободной от традиционных нечистот и от противной посредственности. Те, кто входил в эту группу, должны были натянуть новые исторические пружины, посадить молодые деревья на месте старых, сгнивших стволов. Они должны были это сделать, несмотря на сопротивление случайных попутчиков революции и самой массы. Вожди революционного движения обязаны были обвинить предателей. Масса всегда верит, что её предают. Бесполезно льстить ей, пытаясь избежать этих обвинений. Может быть, духовные вожди 1931 года ей и не льстили, но у них не хватило духа сопротивляться ей и дисциплинировать её. С надменным жестом они снова ушли в себя, оставив арену свободной для грубости демагогов и наглости главарей. Так Испания — в который раз — упустила случай.

Следующий мы не должны упустить. Мы уже поняли, что масса не может спастись сама. В этом виноваты и вожди-дезертиры. Революция — задача решительного меньшинства, не поддающегося унынию, меньшинства, за первыми шагами которого не последует масса, потому что в ней после периода упадка угас внутренний свет. Но, в конечном счёте, бесплодную смуту нашей коллективной жизни заменят радость и ясность нового строя.

Журнал «Ас», № 9, 12 октября 1935

АСАНЬЯ

Революция — шанс для Цезаря

Недавно я писал в журнале «Ас», органе нашего Союза испанских университетов, что народная масса, которой нужна революция, неспособна совершить её сама. Революция становится необходимой, когда в итоге процесса упадка народ теряет или почти теряет всякую историческую форму. Это проявляется, в частности, в неспособности массы — больше по её собственной вине, чем по вине правящих классов — понять, что представляет собой истинная, желаемая форма. Времена, предшествующие революциям, это обычно периоды отчаяния и смятения, с массовой тягой к самоубийству, в сочетании с соблазном сатанинского наслаждения самоуничтожением. Не является ли характерным для всех предреволюционных периодов болезненное выставление напоказ всех коллективных язв тем самым народом, который от них страдает? При таком моральном состоянии масса не может ни вообразить себе будущую форму, ни заранее её полюбить. Отчаяние множества людей подрывает существующий строй и способствует переходу от предреволюционной ситуации к революционной. И тут предоставляется шанс. Если следовать курсу самой массы или людей, безразличных к революции, всё кончится крахом на радость реакционным силам. Единственный способ спасения революции — появление того, кого массы потом назовут предателем. Массы в своей наивной несостоятельности всегда с подозрением относятся к тому, что делают их вожди; им всегда кажется, будто их предают. Тщетно пытаться избежать подобных обвинений со стороны масс, всё больше уступая их крикам. Только люди определённого склада спасаются от кары, которой массы подвергают тех, кого считают предателями: это те, кто не заботясь о верности революционной атрибутике, умеет угадать глубинный смысл революции и направить её на путь, о котором массы не подозревают. Парадоксальным образом именно эти предатели масс, только они верно и эффективно служат судьбам народа. Кровавые шарлатаны Конвента были обречены

на то, что их сметут силы реакции. Наполеон, новый Цезарь, консолидировал оружием и личной властью структуру современной Франции.

Ни одна революция не даёт стабильных результатов, если она не рождает своего Цезаря. Только он способен угадать исторический курс, скрытый под воплями переменчивой толпы. Масса не понимает его и не любит, но только он ей служит.

Предполагаемый Цезарь апрельской республики

Был момент — я говорил об этом и раньше — когда казалось, что господин Асанья станет именно тем человеком, который нужен республике. Когда сформировалось правительство 14 апреля, одним из наименее известных массе его членов был военный министр (Асанья). Остальных знали слишком хорошо и, если не считать социалистов, не ожидали от них многого: они придали правительству свой старый стиль, не внушавший надежд. Все эти лерру, альборносы раздражали своим старым клубным республиканством, ещё больше траченным молью, чем шлемы 1882 года. Что же касается группы интеллектуалов и революционной университетской молодёжи, то их или оставили в полузабвении, или предоставили им второстепенные посты. Первое республиканское правительство родилось под знаком посредственности, это был плохой оркестр, прообраз того, что мы имели после 1933 года.

И тут вдруг появился Асанья. Его появление, казалось, предвещало перемену стиля. Асанья не был популярен, он принадлежал к интеллектуальному меньшинству, это был надменный писатель для избранных, взыскательный диалектик, смелый, точный и оригинальный. Когда он появился на публике, в свете прожекторов, он показал себя внешне свободным от коллективной посредственности и совершенно равнодушным к аплодисментам. Этот политик, несомненно, представлял большой интерес, он занял высокий руководящий пост без компромиссов и без усилий, в очень удобный момент, который давал ему возможность показать народу свой талант. Старые радикалы и радикал-социалисты не могли предложить ничего нового; этот нелюдимый и таинственный член «Атенея» мог осуществить неожиданные эксперименты.

В чём была причина неудачи Асаньи? Может быть, тут сыграло роль, мы не знаем, его застарелое недовольство своим политическим положением. Может быть, чрезвычайные условия оказались бесполезными за отсутствием у него плодотворного твор-

ческого духа. Если бы я писал очерк о нём, я назвал бы его «Асанья или бесплодие». Это было похоже на сложное и точное взаимодействие рычагов и шестерён при отсутствии мотора. Асанья впал в своего рода политический эстетизм, который в конечном счете стал жестоким эстетизмом. Его лучшие статьи, если они не были глупо агрессивными, были филигранными безделушками. Относясь к истории, как к спорту, он делал свои ходы, наслаждаясь самой игрой, независимо от результата: он напоминал тех бегунов, которые участвуют в беге не для того, чтобы достичь финиша — им там ничего не светит — а просто ради пробежки. Его политика в этом плане было чудовищной. Для тех, кто не мог разобраться в эстетических ухищрениях, которыми он прикрывался, это была непостижимая, дьявольская пытка. Испания попала в руки диктатора, который действовал, как азиатский массажист: это было то приятно, то мучительно. В день, когда она избавилась от его власти, она испытала облегчение человека, вновь обретшего покой.

Человек двух шансов

Если бы у правых, победивших в 1933 году, было бы хоть что-то, что они могли сказать Испании, неудавшийся Цезарь апрельской революции не смог бы снова поднять голову. Но бесполезно искать прецеденты большей глупости, чем та, которую проявили испанские правые. Вместо того, чтобы стереть память о враге реальными делами, глубокими и сильными идеями, они не нашли ничего лучшего, кроме оживления памяти о враге посредством постоянной кампании глупой и постыдной клеветы. Они почивали в смертельной апатии, непростительной в такие революционные времена, как наши. Политика второй двухлетки, глупой двухлетки, как её называют, была бесплодно консервативной, без радостного ожидания будущего. Это была смешанная политика, не светская, чтобы не задеть католиков, но и не проникнутая религиозным духом, чтобы не обидеть старых радикалов. Она не была великодушной в социальном плане из уважения к эгоизму старых касиков, но не обходилась и без платонических демохристианских деклараций, предмета заботы специалиста по канону господина Хименеса.

Понятно, что на этом фоне, по контрасту, начала казаться крупной фигура Асаньи, человека, упустившего отличный шанс. И чтобы она выросла ещё больше, правые начали раздувать её, затеяв глупое дело о контрабанде.

В порядке исключения Асанья получил два решающих шанса в своей жизни, один в первую двухлетку, второй представится ему в 1936 году. Некоторые будут поражены, прочтя это предсказание, но те, кто прочтут напечатанное здесь через семестр, не будут иметь поводов для удивления. Но дело не в испуге одних и не в смирении других. Главное: Асанья снова на виду, и всё меньше возможность того, что его успеху что-либо помешает. Чего ждать испанцам от возвращения Асаньи?

Желая изучить этот вопрос, мы дважды прочли речь, которую он произнес в Мадриде 20 октября перед 250.000 слушателей.

Элегантная и бесплодная речь

У этой речи был оттенок элегантности: она произносилась перед массой, состав которой обновился за счёт красных революционеров, экстремистов-пролетариев. Асанья — надо отдать ему должное — не сделал им никаких уступок, даже в языке. Его речь, речь интеллектуала, мастера стиля была сплошь и рядом утончённой диалектической игрой. Ирония занимала в ней больше места, чем обращения к слушателям. Как все признают, она вызвала большой энтузиазм. Но это можно было предвидеть, и Асанья может предвидеть свою победу.

Нельзя отрицать и правильность большой части его критики второй двухлетки, которая сейчас агонизирует. Понятно, что многие вещи, на которые он напирал — развязывание братоубийственной войны между испанцами, преследование людей за их идеи — были преувеличены оратором — это касается и количества подобных фактов, и их жестокость. Это снижает авторитетность критика, порой несправедливо, а порой доходящего в своих преувеличениях до поиска дешёвой популярности. Но, несмотря на это, его критика частично была правильной.

На этом достоинства его речи кончаются. Какой путь указывает Асанья? Как он оценивает исторический момент? Когда этот грозный диалектик формулирует свою социально-экономическую программу, ни слова о революционном решении проблем не слетает с его уст! Перераспределение налогов, раздел крупных имений... И это всё? А система? Капиталистическая система остаётся господствующей? Значит, повторится первая двухлетка: капиталистическая экономика и притворные угрозы в её адрес, капиталистическая машина и песок в её подшипниках. Хуже всего этот паралитический

развал. Мне жаль 250.000 слушателей: сколько убедительных, революционных слов можно было бы сказать им о том, что легко воплотить в жизнь.

А каковы национальные задачи? То, что сказал г-н Асанья, унизительно: что Испания не имеет сил защитить себя сама, что её единственный международный пост — в Женеве. Прямо живая вода для и так уже слабой веры испанцев в Испанию.

Подведём итог. Эта речь была похожа на анатомирование и совершенно бесплодна.

Но Асанья вернётся к власти. Его опять вытянет к ней, вместе с рыкающими революционерами, когда она пойдёт к урнам, масса тех людей, которые слушали его 20 октября. Асанья опять получит возможность стать Цезарем, даже вопреки крикам массы, революционная судьба выберет его во второй раз. Опять Испания, обширная и девственная, запуганная, даст ему возможность узнать свою тайну. Но это произойдёт лишь в том случае, если он окажется достаточно сильным, чтобы перекричать рёв возвысивших его масс. Но Асанья не узнает эту тайну: он будет зависеть от массы, которая сделает его своей марионеткой, либо попытается противостоять массе, не имея за собой авторитет великой цели, и тогда масса затопчет его и всю Испанию.

Скажите, пессимизм? Нет, всё зависит от нас, от нас всех. Против красной анти-Испании нас может объединить и сделать сильными только великое дело, национальное дело всех испанцев. Если мы не найдём его, мы пропали. Но мы найдём его, мы уже знаем, что это за дело. А без него пропадёт и Асанья, которого наши дети будут проклинать как человека, упустившего два решающих момента.

«Арриба», № 17, 31 октября 1935

ЗА НАШУ ГАЗЕТУ

Товарищи!

Наш самый мерзкий враг прячется за кулисами капиталистической прессы. Эта пресса претендует на название национальной, но она не обронила ни одного хвалебного слова о наших братьях по борьбе, павших за Испанию во время октябрьской революции.

Не писала она и о тех, кто доставлял под пулями военные сводки из деревни в деревню, из главных сил в авангард, с побережья на военные корабли.

Вместо этого она кричала на весь мир со злобным удовольствием о самых незначительных актах агрессии против кого-либо из наших, о закрытии наших клубов, обо всём, что могло представить нас в унизительном или искажённом свете.

Наш голос не может зависеть от скупой благожелательности капиталистической прессы.

Нам нужна ежедневная газета. И вы, наши замечательные товарищи, заслуживаете и достойны того, чтобы глухая Испания узнала о вашем героизме и восхитилась им.

Нам нужна ежедневная газета. И она у нас будет!

Отныне главной задачей для всех будет сбор средств на газету. Пусть каждый из нас превратится в громкоговоритель и десятикратно активизирует свою деятельность, чтобы в Испании не осталось ни одного уголка, куда не дошла бы весть о нашей газете. Каждый день, везде, с настойчивостью и энтузиазмом говорите о нашей газете. Убеждайте каждого из ваших знакомых с пылкостью участников крестового похода — пусть они пожертвуют на газету по 50 песет.

Если кто не может, пусть подпишется на триместр за 11 песет 25 сентимо.

Как только вы достигнете той или иной цели, сообщите имя согласного вашему местному руководителю, чтобы он, не теряя времени, получил пожертвованную сумму и переслал её в администрацию еженедельника «Арриба», почтовое отделение 546, Мадрид, с указанием имени и адреса участника акции или подписчика.

Подписчикам объясняйте, что они платят за триместр вперёд, потому что их деньги необходимы для начала. Газета будет им доставляться на протяжении трёх месяцев, начиная с первого номера.

Имена активистов ХОНС, которые за неделю соберут больше всех денег на газету, будут занесены на местную доску почета и останутся на ней, пока другие их не превзойдут.

Отряд, который в каждой провинции соберёт за неделю больше всех денег на газету, получит право использовать вымпел, один из тех, что национальное руководство разошлёт по всем провинциям, и владеть им, пока другой отряд его не превзойдёт.

«Арриба» будет еженедельно сообщать, какие провинциальные организации отличились в этой кампании за нашу газету.

Товарищи! Путь с этого момента все включатся в кампанию, в результате которой мы будем иметь газету Фаланги!

1 октября 1935г.
Хосе Антонио Примо де Ривера
«Арриба», № 17, 31 октября 1935

ЛИСТОВКИ ФАЛАНГИ

Земледельцы!

Вас уже столько раз обманывали красивыми словами, что даже стыдно обращаться к вам с новыми. Столько «аграриев» повернулись спиной к вашим нуждам, что вы правы, не доверяя всем тем, кто снова напоминает вам о них. Вы по горло сыты политикой. Но пусть вся горечь, которая накопилась у вас в душе, не помешает вам оставаться на своём посту, вам, молчаливо страдающим то от холода, то от жары, оставаться экономической опорой Испании, хранителями её духовных ценностей.

Пока вы надрываетесь, чтобы получить три или четыре зерна из одного, ростовщик пребывает в уверенности, что ваш пот обеспечит его доходы: спекулянт знает, что вам надо продать урожай по любой цене, чтобы он не сгнил в амбарах; касик рассчитывает на вашу рабскую покорность, позволяющую ему заниматься политическими спекуляциями, а политик усыпляет вас обещаниями, чтобы выехать во власть на ваших спинах. Но никто из них не хочет вашего спасения, потому что их возвышение зависит от того, чтобы вы оставались в том же положении, в каком пребываете уже много веков. Никто из них не хочет аграрной революции, которая нужна Испании.

Первое, что нужно сделать, это дать селу больше экономических ресурсов. Село поддерживает город, но город, вместо того, чтобы вернуть селу большую часть произведённого им, поглощает эту продукцию и использует её для поддержания городской жизни. Город оказывает селу определённые интеллектуальные и коммерческие услуги, но по чрезвычайно высокой цене. В результате те деньги, которые возвращаются в село, хотя и окупают урожай, не обеспечивают в достаточной мере пропитание тех, кто его собирает, и недостаточны для создания новых рабочих мест. В результате всё испанское сельское хозяйство ущербно, его продукция скудна и обходится дорого, и земледельцы ежегодно попадают в одну и ту же печальную ситуацию, когда приходит время продавать урожай.

Государство, если бы оно действительно интересовалось земледельцами, а не только их голосами, уже обеспечило бы пра-

вильную обработку сельскохозяйственных земель и цену на продукцию сельского хозяйства, компенсирующую затраты, с помощью следующих мер:

— *Организации подлинного сельскохозяйственного кредита, который ссужал бы земледельцам деньги под самые низкие проценты под гарантию урожая и избавил бы их таким образом от ростовщиков и касиков. Если государство обяжет банк — который обогащается чужими миллионами — давать деньги, исходя из стоимости урожая, под самые низкие проценты, земледельцы не останутся с непроданным урожаем и не вынуждены будут продавать его спекулянтам по любой цене, а депутатам и министрам не надо будет тратить время на ненужные слова, превратившиеся в новое бедствие деревни.*

— *Распространения обучения агрономов и животноводов, вплоть до самих крестьян, для увеличения их технических возможностей.*

— *Классификации земель, чтобы земледельцы не разорялись, выращивая на своих землях не те культуры, тогда как при правильной ориентации они могли бы получить с тех же земель продукцию, окупающую их труд.*

— *Энергичной таможенной защиты продукции сельского хозяйства, которой часто жертвуют в пользу защиты производства искусственных и ненужных вещей.*

— *Ускорения мелиорационных работ, способных сделать плодородными земли, которые жаждут воды.*

Но этого недостаточно

Но этих мер недостаточно. Необходимо довести до конца подлинную национальную аграрную революцию. Пока ещё, несмотря на аграрные реформы, которые проходили у нас на глазах, в Испании очень много людей, которые живут за счёт села, не работая, получают с села ренту, просто как подать. С другой стороны, есть множество людей, которые вынуждены годами, за неимением другой работы, обрабатывать сухие земли, едва обеспечивающие им полуголодное существование. И есть много земель, которые из-за плохого распределения, плохой обработки или из-за скаредности их владельцев кормят гораздо меньше людей, чем могли бы прокормить.

С этим необходимо покончить. Чего бы это ни стоило, но на земле Испании должен жить испанский народ. И не на любой земле, потому что большая часть Испании необитаема и непригодна для обработки. Это издевательство над крестьянином, сделать его владельцем клочка каменистой и бесплодной земли. Нет, испанских земледельцев надо селить на хороших землях, на тех, что есть сейчас, и на тех, которые можно сделать плодородными с помощью орошения. Испания имеет достаточно земли, чтобы прокормить всех испанцев и ещё 15 миллионов. Не хватает только энергичных людей, которые довели бы до конца прекрасную аграрную революцию: переселить массы людей, голодавших веками, надрывавшихся, царапая сухую землю, на широкие плодородные поля.

Для этого надо будет пожертвовать интересами какого-то числа семейств. Не крупных земледельцев, а сельских капиталистов, получателей ренты, т.е. людей, которые без риска и усилий получают огромные суммы, сдавая свои земли в аренду земледельцам. Это их интересами надо будет пожертвовать. Испанский народ должен жить. Но у него нет денег, чтобы купить все земли, которые ему нужны. Государство не может и не должно ни у кого отнимать имение, если оно не разорено, а расходовать деньги на покупку земель для заселения их людьми. Аграрную реформу надо проводить революционным путём, т.е. заставить тех, кто имеет крупные земельные владения, пожертвовать частью их в пользу крестьян, которые в них нуждаются. Агарные реформы, которые проводятся сегодня на основе полной компенсации собственникам стоимости их земель это издевательство над земледельцами. На такую аграрную реформу уйдут ещё двести лет.

На самом деле прокормить Испания может более 100 миллионов человек. Примо де Ривера не смог полностью уйти от предрассудков в области демографии. С учётом атомной энергетики, систем земледелия Овсинского и Лысенко рост жизненных ресурсов при фалангистах будет быстрее роста населения.

Всё зависит от вас

Всё зависит от вас, земледельцы. От того, что вы перестанете верить политикам, шарлатанам и панацеям, предлагаемым мадридским парламентом. Испанская Фаланга ХОНС, которая обращается к вам с этими словами, не просит у вас голосов и не обещает чудес; она призывает вас объединиться в сильные синдикаты и напрямую защищать свои интересы без посредничества политиков. Организуйте сильные синдикаты и требуйте аграрной реформы, которую Фаланга без колебаний проведёт сразу же, как только придёт к власти. Поднять уровень жизни села, значит поднять уровень жизни Испании. Наша Родина надеется в настоящий момент на великое возрождение села, которое станет залогом её будущего величия. Свободное и богатое село сделает Испанию единой, великой и свободной. «Arriba Espana!» («Воспрянь, Испания!» - *Ред.*).

«Арриба», № 18, 7 ноября 1935

МОЛОДЁЖЬ БЕЗ КРОВА

Левые

Мы — говорит левая молодёжь — верили в 14 апреля. А чем было 14 апреля? Имело оно какую-то программу? Нет, не мог породить никакую программу разношёрстный конгломерат, который тогда победил. Что нас всех объединяло в 1931 году, так это не программа, а настроение. Мы чувствовали себя так, словно нам в лицо подул свежий воздух утренней зари, словно мы вышли из тюрьмы. Мы чувствовали легкость, словно после недавнего купания. Нас тяготила память о вековом упадке, лишь иногда прерываемом вспышками молний. Мы пробудились от мрачного кошмара утраты колониальной империи, бескультурья, ура-патриотизма, посредственности, лени... Наступил другой день, прозрачный, говоря словами манифеста, который написал Ортега и Гассет.

В это апрельское утро не было ни социалистов, ни либералов, ни рабочих, ни буржуа. Мы все были одной массой, исполненной надежды, массой, из которой лучшие из нас могли слепить, что угодно. Почему же единое чувство объединило людей, годами стремившихся к разным целям?

***

Причина было проста. Как всегда бывает, когда достигается высокий градус духовной температуры, улетучиваются все программы, сгорают конкретные иллюзии и на волю вырываются горячие подсознательные потоки, которые все мы носили в себе, даже не отдавая себе отчёта в этом. Снова заблистала религиозная, таинственная сторона великих моментов в жизни народа: люди верили не в то или иное, не тому или иному, а радовались происшедшему. Народ не верил в достоинства той или иной программы, но находился в состоянии невыразимой уверенности,

словно чудесным образом обрёл дар предвидения. Разногласия, которые накануне высились, подобно горам, вдруг исчезли. Мы словно непонятным образом научились летать, а с высоты полёта всё казалось маленьким.

Если бы 14 апреля сводилось только к программам и к известным людям, оно возбудило бы мало надежд. Важно другое: ликование 14 апреля, выражая неясные чувства, скрывало в себе нечто более важное, чем все программы, а именно горячую надежду на обретение духовного единства Испании на новых основах физического существования народа. Родина и справедливость для страдающего народа. Нация и труд, как сказал позже Ортега и Гассет.

***

Но потом он сказал — и мы вместе с ним: «Это не то, не то». Те, кого мы считали лучшими из нас, совершенно не поняли народную эйфорию. Глухие к глубинным призывам момента, они занялись мелкими склоками. Не обладая великодушием, они разрушили достигнутое единодушие.

Нас начали натравливать друг на друга. Республика стала «угрюмой и печальной». И что хуже всего: парламент стал стимулом к отделению; в основной закон заложили возможность получения и другими таких Статутов. Можно говорить о каком-то зуде уничтожения. Была ослаблена национальная оборона. Внешняя политика стала сервильной. В совокупности это было полной противоположностью тому, что могло бы сохранять и питать веру в обретение коллективного духа.

***

Вместо того, чтобы улучшить жизнь народа, его стали возбуждать подстрекательской пропагандой, но в итоге оставили ни с чем: голодающим, как и раньше, и ещё более разъярённым. Марксизм мешал гармоничному сочетанию национального с социальным. Социальная политика во многих случаях отличалась наглой надменностью победителей. Дети в школах начали поднимать сжатые кулаки, а рабочие-социалисты на улицах — смотреть на прочих смертных свысока, словно позволяя им жить из одной милости. Надо всем этим довлел русский [советский — Ред.], азиатский дух. Появились признаки диктатуры пролетариата. И это — заключает левая молодёжь — было не тем, чего мы хотели. Мы предлагали создать свободную и чистую республику. А теперь мы чувствуем себя так, словно мы не у себя дома.

Правые

Мы — говорит правая молодежь — выходим на улицы, потому что наши души полны праведным гневом против антирелигиозной, мстительной антинациональной политики первой двухлетки. Нас унижает международное положение Испании, нас ранит до глубины души быстрое движение к ее расчленению, нас оскорбляет наглость победителей. Некоторые из наших, в запутанной и героической ситуации, отдали свои жизни в уличных боях против правительства Статута. Другие, не заходя так далеко, рисковали, занимаясь опасной пропагандой. Мы шаг за шагом отвоёвывали Испанию, предсказывая крестовый поход. Мы массами покидали свои дома, и в 1933 году нам сказали, что мы победили.

Но действительно ли мы победили? То есть, победила ли национальная судьба, которой мы хотели служить? Именно это важно: если бы мы просто хотели заменить левых и злоупотреблять властью вместо них, на нас лежала бы такая же ответственность, как и на них. Лучшие из нас участвовали в предвыборной борьбе не для того, чтобы поквитаться, чтобы выиграть выборы для себя, а чтобы служить Испании.

Сегодня, как нам ни больно, мы должны признаться, наши усилия оказались напрасными. После октября 1934 года не было сделано ничего. Наши вожди говорили нам, что было бы неосторожностью форсировать события. В октябре 1934 года вспыхнул сепаратистский и марксистский мятеж. Тогда никто не жалел своих сил, ни вооруженные силы Испании, которые проявили героизм, ни отряды Фаланги, которые разделяли с армией опасности и печали, ни мы, правая молодежь, самоотверженно выполнявшая вспомогательные функции. Говорили, и мы все это слышали, что день 7 октября стал началом нового плодотворного периода. Победа над первой попыткой вооружённого мятежа Женералитата имела историческое значение для середины нашего века. Мы никогда не думали, что она будет упущена.

Однако это случилось. Тактика диктовала половинчатые решения и их медленное исполнение. Блестящая развязка после попытки мятежа была подменена бесконечным лабиринтом отсрочек и торгов. Сегодня, год спустя, мы видим то, что можно назвать ликвидацией октябрьских успехов. Статут снова становится рычагом управления без гарантий сохранения национального единства. А что касается социалистов, то, вместо того, чтобы покончить с ними, их, с одной стороны, злят, а с другой — поощряют.

Это ли национальная политика, о которой мы мечтаем? Стала ли Испания сильной, спаянной национальным духом? Нет. Победившие правые остались в плену своих эгоистических, консервативных взглядов. Они отменили закон об аграрной реформе не для того, чтобы заменить плохой закон хорошим, а заменили его издевательской имитацией, при которой испанские крестьяне получат землю лет через двести. Мы с грустью видим, что голодные люди снова заняты на поденных работах, что проблема безработицы забалтывается... Одним словом, ничего не делается для того, чтобы жизнь народа перестала быть печальной, нищей, антигигиеничной, суровой и безнадёжной.

Нам не нравилась наглость левых в Учредительных Кортесах, нам не нравится и барство нынешних Кортесов, глупые насмешки нынешнего большинства над бедами Испании. Мы хотели не этого. Мы, молодые люди, побуждаемые духовными импульсами, свободные от грубого эгоизма старых касиков, хотим видеть Испанию великой и справедливой, упорядоченной и верующей. А то, что сейчас — это не то.

Миссия

Так, с отклонениями в ту или иную сторону, говорят о своём разочаровании два больших крыла нынешнего поколения испанцев. Опечаленные молодые люди уходят из тех притонов, где надеялись найти убежище, и оказываются без крова.

Ни эти левые молодые люди не были левыми, ни правые не были правыми. Одни молодые люди обладают достаточной чувствительностью, чтобы понимать свою внутреннюю трагедию, но есть и такие, которые рождаются с душами старых развратников. Те левые и правые молодые люди, которые сегодня чувствуют, что остались без крова, в глубине души не имели призвания быть сторонниками какой-то партии: в их мыслях возникал неясный образ цельной, гармоничной Испании. В знак протеста против дисгармоничной действительности они записывались в партию, которая критиковала эту действительность и по контрасту казалась им спасительницей. Так бывает с влюблёнными, которые отождествляют свои страсти с любимым существом, наделяя его воображаемыми добродетелями. Но и левые, и правые партии далеки от подобных образов. Это косоглазые партии, неспособные видеть испанскую гармонию в целом и любить её. Их концепции неполны, уродливы, их лозунги дышат тщеславием.

Они взывают к имени Испании, чтобы как-то прикрыть им своё интеллектуальное убожество. Не в них разочаровывается молодёжь, а в вере, которую они внушали, будто эти косоглазые партии могут понять великие надежды Испании. Партии получили то, что было заложено в их природе.

Что ожидает теперь молодёжь, оставшуюся без крова? Она не будет больше питать никаких надежд? Замкнётся в башнях из слоновой кости? Снова поверит партиям, которые опять их соблазнят и разочаруют? Если это случится с нашим поколением, о нём будут вспоминать как об одном из самых трусливых и бесплодных. Его миссия другая, и совершенно ясно какая: довести до конца своими силами строительство цельной и гармоничной Испании, своими силами, силами самой молодёжи, которая всё это чувствует и понимает, без посредников и начальников. Это поколение, очищенное опасностями и разочарованиями, может найти в своих собственных духовных резервах силы для того, чтобы быть самоотверженно суровым. Тот, кто научился страдать, сумеет служить. В духе служения — секрет нашей победы. Мы хотим завоевать Испанию, чтобы служить ей. Лишённые крова племенами, разбившими свои лагеря под сенью партий, мы хотим создать новое надёжное убежище, в котором будут обитать служение и честь.

«Арриба», № 18, 7 ноября 1935

ПРАВО И ПОЛИТИКА

Отрывок из лекции, которую Хосе Антонио Примо де Ривера прочитал при открытии курсов Союза испанских университетов 11 ноября 1935 г.

Союз испанских университетов поступил очень хорошо, организовав эти курсы, которые сегодня открываются. Испании срочно необходимо повысить интеллектуальный уровень. Учиться уже значит служить Испании. Но, спросят нас некоторые, зачем вводить политику в университеты? По двум причинам. Во-первых, никто, тем более специалист в определённой области, не может остаться в стороне от общих политических увлечений. Во-вторых, потому что говорить о политике откровенно, значит избежать греха тех, кто, прикрываясь лицемерным аполитизмом, контрабандой вводят политику в научные методы. Этот риск особенно велик для тех, кто посвятил себя изучению права, потому что право, как мы увидим позже, заимствует свои данные из политики. Поэтому необходимо чёткое разграничение, чтобы, когда мы откровенно и с сознанием своей ответственности вступаем в область политики, никто не мог прикидываться юристом.

Что такое право? Право много веков существовало в человеческом обществе, но никто не ставил этот вопрос. Первыми, кто его сформулировал, — и это необходимо особо отметить — были не юристы, а философы. Запутанность объяснений того, что такое право, была связана с опозданием на несколько лет с разделением двух вопросов, заключённых в этом фундаментальном вопросе.

Штаммлер объяснил эту двойственность, исследовав сначала «концепцию» права (сведения к гармоничному целому всех характеристик, которые отличают юридические нормы от других близких к ним явлений, т.е. чего-то, нахождение чего как определённого объекта познания может быть названо «правом» независимо от какой-либо оценки с точки зрения справедливости), а затем «идею» права (изучение абсолютного принципа, с помо-

щью которого в любое время можно определить законность любых юридических норм — это определение справедливости).

Концепция права определяется не законом причинности, а законом целенаправленности. Право — это, прежде всего, способ выражения пожеланий, т.е. наука о средствах достижения целей. Любой психологический элемент воли чужд логической концепции права, но способы выражения пожеланий могут соотноситься с индивидуальной общественной жизнью, взаимно переплетаясь. Право относится в данном случае ко второй группе. Его нормы накладываются на человеческое поведение с согласия субъектов права или без их согласия, т.е. право автаркично. И, наконец, его следует отличать от произвола по тому признаку, который, с рядом уточнений и пояснений, можно назвать легитимностью (в смысле того, что нельзя нарушать).

Итак, право концептуально предстаёт перед нами как способ выражения пожеланий в их переплетении, обладающий такими признаками, как автаркичность и легитимность.

Но когда оно справедливо? И что такое справедливость? Это страшный вопрос, ответ на который можно дать только выходя за пределы права. Критерии оценки юридических норм на протяжении истории человеческой мысли искали в четырёх источниках. Все объяснения идеи справедливости, какие мы имеем, соотносятся либо с теологическим принципом, либо с метафизическим вопросом, либо с естественным импульсом, либо с социологической реальностью.

В первой группе Св. Августин и Св. Фома (хотя последний косвенно в большой степени предвосхитил и авторов четвёртой группы) считали критерием оценки правовых норм заповеди божественного происхождения. Так у Св. Августина «Град Божий» это совершенный и недосягаемый образец «града земного».

Ко второй группе относятся конструкции Платона, Канта и Штаммлера. Платон через свою теорию идей и диалектику любви пришёл к Идее идей: к Высшему Добру.

Тенденция в сторону этого Высшего Добра и есть справедливость. Она сочетается с тремя добродетелями: мудростью, мужеством и умеренностью. Кант искал норму абсолютной значимости на моральной основе, открыв в «Критике чистого разума» метафизическую недостаточность данных опыта и априорных форм. Своё понятие категорического императива он сформулировал так: «Способ, которым смысл твоих действий может быть основан на вселенском законе». Штаммлер, который хотел быть большим кантианцем, чем сам Кант, утверждал, будто он нашёл не этическим, а логическим путём идею, формальный (не эмпирический) идеал любого возможного права в надежде на «общество свободных людей».

К третьей группе относятся непритязательные объяснения романистов, которые надеялись найти нормы, заложенные Природой в души всех людей. На этой же вере основывались все теории естественного права XIX века и юридический романтизм, главный представитель которого — мэтр исторической школы Савиньи.

Последняя, четвёртая группа, ведущая своё начало от Аристотеля, видит в праве продукт общества. Позитивисты вслед за Контом отбрасывают как ненаучные все попытки искать философские основы права. Для них право — средство сохранения условий жизни общества, которые сделали возможным его появление. Несмотря на изначальную ошибку позитивизма, который не признавал позитивную реальность мыслящего субъекта, позитивистская школа произвела шедевр в области правоведения: работы Ихеринга.

Перед лицом такого множества объяснений, заходящих так далеко, мы можем задать себе вопрос: Выходит, у нашей науки, правоведения, нет собственного метода или её что-то всё же отличает от смежных наук? Должны ли мы, чтобы стать юристами, распространить свои познания на все сферы, где действуют законы причинности и целенаправленности? Обширность этих сфер нас обескураживала, пока чистая наука о праве Кельсена не определила точные границы нашей науки.

Проблема справедливости, как мы видели, не юридическая, а метаюридическая. Абсолютные основы, которые оправдывают содержание законодательства, объясняются этическими, социологическими и прочими причинами, выходящими за область права.

Правоведение только изучает логическим методом правовые нормы, но не в том смысле, что они рекомендуют определённую линию поведения, а в том, что они представляют собой определённый комплекс условий человеческой деятельности. Законные нормы, которые определяют поведение, — не юридические, это вторичные нормы, дополняющие вышеупомянутый комплекс условий. Когда говорят: «Продавец обязан передать товар покупателю» — вторичная норма — устанавливается предпосылка, нарушение которой ставит нарушителя под воздействие собственно юридических норм. Если продавец не передаёт товар, закон гласит: «Такой-то должен был передать товар — вторичная норма — но не передал его: это действие влечёт за собой юридические последствия; он должен будет возместить нанесённый ущерб.

В этой чисто логической операции закона не учитываются этические, социальные и прочие ценности — они относятся к вторичным нормам. Конечно, о них можно думать, но не применяя юридический метод. В соответствии с этим методом каждая норма имеет своё формальное оправдание в другой норме, занимающей более высокое иерархическое положение в рамках системы, которая заранее предписывает ей определённое воздействие: так регламенты получают свою обязательную силу от законов, а те — от основного закона, от Конституции. Но здесь юридические апелляции кончаются. Чтобы судить о Конституции, в какой мере она выражает конкретный идеал политической жизни, законам не хватает инструментария, и по той же самой причине они не могут судить об этическом содержании всех норм, которые составляют систему законов. Единственная забота юриста — следить, чтобы юридический аппарат работал как часы, без каких-либо ссылок, которые только лень может извинить, на принципы и истины смежных дисциплин.

Значит ли это, что юрист должен быть человеком без души? Разумеется, нет. Он, как и любой человек, может надеяться на более справедливый порядок, но не как юрист, а как сторонник определённой религиозной, моральной и — в том, что касается организации общества в государстве — политической тенденции. Поэтому каждый юрист должен быть политиком, и даже не будучи им, он должен профессионально выполнять свою славную и скромную работу. Чтобы действовала система норм, оправдание которой не входит в его задачу.

Но мы откровенно признаёмся, что мы политики. Мы считаем обманщиками тех, для кого единственным политическим критерием является соответствие юридическим нормам. Это ошибка, потому что любое соответствие юридическим нормам имеет своей предпосылкой политику, и нет методического инструментария для создания иной предпосылки. Мы откровенно говорим, что будем политиками, когда нас волнуют политические события, но в нашей профессиональной работе мы тщательно будем избегать заимствования компонентов из иных сфер. Бесстрастное применение норм всегда более надёжно, чем наши личные оценки, подобно тому, как весы взвешивают более точно, чем наша рука. Будем придерживаться чистой и точной техники и не будем забывать, что в области права любая путаница заключает в основе своей несправедливость.

«Арриба», 28 ноября 1935

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ВТОРОМ ПЛЕНУМЕ НАЦИОНАЛЬНОГО СОВЕТА ФАЛАНГИ

Речь, произнесённая в кинотеатре «Мадрид», 17 ноября 1935

Те, кого вы видите здесь в голубых рубашках с красно-черными аксельбантами, это товарищи, которые входят в состав Национального Совета. Два дня мы самоотверженно работали в тишине, определяя первоочередные задачи в духе основополагающих деклараций нашего движения. Те, кого вы почти не видите в полутьме этого самого большого зала в Мадриде, пришли сюда для того, чтобы показать своим присутствием, что они верят в будущее наших стрел и нашего ярма и в правильность решений, принятых Советом.

Счастливы те, кто радуется вместе с нами этой высокой духовной температуре. Счастливы те, кто нашёл здесь убежище от разобщённости и тоски окружающего мира, потому что вне этого зала, в другом месте, тоже в своего рода национальном кинотеатре, меньшем, чем этот, и несомненно, находящемся накануне закрытия, который называется Палатой депутатов, царит такая тоска, такая скука, что чувствуешь себя как после того, как съел дурную пищу. Несколько дней назад нас перестали ею пичкать. И мало того, что нам предложили еще несколько порций этой пищи; это происходило в такой мертвящей обстановке, что тех, кто попал туда, тошнило. Все очень устали, умирали от скуки, чувствовался запах гнилого болота, всё предвещало скорую бесславную смерть. Вам не кажется, что атмосфера напоминает последние дни 1930 года, когда мы все уже чувствовали близость пропасти? То, что умирает сегодня, умирает, прожив бесплодную жизнь. Для кого-то эта смерть может оказаться неожиданной, но вы, те, кто присутствовал на митинге в Театре коме-

дии 29 октября 1933 года, слышали предсказание этого. Чтобы не соврать, я зачитаю его по напечатанному тексту: «На этих выборах голосуйте за тех, кто кажется вам меньшим злом, но не там наша Испания, не там наше место. Там царит мутная атмосфера усталости, как в таверне после бурно проведённой ночи. Не там наше место. Да, я выставляю свою кандидатуру, но делаю это без веры и без уважения. Я говорю это сегодня и могу из-за этого потерять все голоса, но для меня это не имеет значения». Спустя два года вы видите, что я не ошибался.

После всего, что случилось, даже если не произойдёт больше ничего, кроме обрушения этого навеса, которое все предвидели, а многие желали, мы не должны иметь ничего общего с этим спектаклем. Но суть не только в этом. Сейчас, накануне потопа, мы должны задать себе вопрос: А что будет потом? Этот ноябрь 1935 года, столь похожий на декабрь 1930 года, что он предвещает? Возврат рухнувших форм? Не думаю, что кто-то надеется на это. Возвращение Асаньи? Я называю это имя как символ левых республиканцев. Вам нечего на него надеяться. У Асаньи была воистину завидная возможность, когда он мог воспользоваться чудесным сочетанием двух обстоятельств: с одной стороны, коллективной, открытой и податливой веры ликующего народа, а с другой — своими редкими для политика качествами: полным равнодушием к аплодисментам и точностью своих диалектических суждений. Благодаря этому Асанья мог положить начало великой исторической эпохе, но ему не хватало главного: горячей души, что почувствовал в другом испанском государственном деятеле Ортега и Гассет. Вместо того чтобы воспользоваться ситуацией, внушить общий дух, коллективную веру в Испанию, мягкую, как воск, которая была у него в руках, он впал в дьявольский эстетизм, устроил азиатскую пытку, довёл Испанию почти до помешательства, до отчаяния, и Испания после первых восторгов оказалась разделённой, озлобленной, одни испанцы пошли против других. В итоге, когда он пал, Испания почувствовала себя свободной, как человек, который выпутался из ловушки или вышел из тюрьмы.

Теперь Асанья имеет перед собой не те наивные, радостные массы, какими они были 14 апреля. Теперь, если Асанья вернётся, он окажется в зависимости от совсем других масс, разъярённых, мстительных, распропагандированных испанскими агентами русского [советского — Ред.] большевизма. И против этих масс, которые уже не будут послушным орудием в руках их правителя, а будут потоком, который захлестнёт его и подчинит своей воле, против этих масс элегантный и бесплодный эстетизм Асаньи будет бессилен.

Не думайте, что я преувеличиваю. Цензура и другие подобные учреждения позволяют нам жить и видеть мир в розовом цвете, но в ряде провинций Испании нет цензуры, и даже там, где она есть, каждое воскресенье собираются социалистические митинги. Сходите на них; вы увидите, во что превратились тихие и терпимые социалистические массы: поднятые вверх сжатые кулаки, приветствия в адрес их кумиров, таких как Ларго Кабальеро и Гонсалес Пенья; прославление трагических событий в Астурии, которые — и в этом нет никакого противоречия — носили на себе отпечаток сепаратизма. То, что там можно услышать по воскресеньям, можно прочесть во всех социалистических и коммунистических газетах, выходящих в Испании. Почитайте книгу «Октябрь». Это официальный документ, который содержит важные политические выводы, скреплённые подписью председателя союза социалистической молодёжи Испании. Эти выводы не нуждаются в комментариях: «За большевизацию социалистической партии». «За преобразование структуры партии в направлении централизма, с нелегальным аппаратом». «За антимилитаристскую пропаганду». «За разгром буржуазии и победу революции в форме диктатуры пролетариата». «За перестройку международного рабочего движения на основе русской [советской — Ред.] революции». Это официально говорится социалистической молодёжи и при нынешнем расколе этой партии люди с подобными взглядами занимают всё более сильные позиции. Вот что вас ожидает, испанская буржуазия и испанские рабочие, если победит, переодевшись в тот или иной костюм, революция наших марксистов. Всё это заключает в себе угрозу русской [советской — Ред.] азиатчины, во всём противоречащей западному, христианскому и испанскому образу жизни.

Русское [советское — Ред.] движение не имеет ничего общего с сентиментальной зарёй рабочего движения. Русский [советский-Ред.] коммунизм установил диктатуру пролетариата, диктатуру, которую осуществляет не пролетариат, а коммунистические вожди, опирающиеся на сильную Красную армию. При такой диктатуре вы жили бы без религиозных чувств, без чувства Родины, без личной свободы, без домашнего очага и без семьи. В [Советской — Ред.] России, как вам известно, уже не существует домашнего очага. В другой раз мы можем рассказать вам о более жестоких и кровавых аспектах русского [советского —

Ред.] режима, а сейчас подумайте, сможете ли вы, испанцы, с вашей душой свободных людей, вынести такое: русское [советское — Ред.] государство предоставляет рабочим санатории для лечения и дома отдыха, но оно отнимает у человека право самому выбирать удобную для него форму отдыха. Рабочий вроде испанского не сможет выехать в воскресенье с семьёй за город, устроить скромный завтрак на природе, в мирной тишине, вознося благодарность Богу, потому что русское [советское — Ред.] государство, которое организует всё по образцу муравейника, заставляет его ехать в лагерь отдыха и проводить отпуск в подобных местах развлечений. Один лишь страх перед перспективой обедать в общественных столовых и не знать, что такое семейный очаг, один лишь страх перед тем, что нас будут систематически развлекать в местах, где, вероятно, никто не развлекается, один этот страх бросит в дрожь любого испанского буржуа и любого испанского рабочего.

Русский [советский — Ред.] режим в Испании был бы адом. Но теология учит нас, что даже ад не является абсолютным злом. Аналогичным образом русский [советский — Ред.] режим тоже не является абсолютным злом. Это, если мне будет позволено так сказать, адский вариант стремления к созданию лучшего мира. Если бы речь шла только о сатанинском сумасбродстве, о причудах отдельных идеологов, несомненно, этот режим не просуществовал бы 18 лет и не представлял бы собой столь серьёзную угрозу. Дело в том, что русский [советский — Ред.] режим родился в тот момент, когда прежний общественный строй, либерально-капиталистический, находился в последний стадии кризиса и первой стадии окончательного распада. Вы уже давно знаете, что мы различаем собственность и капитализм. Если у кого-то были сомнения, то, я надеюсь, Раймундо Фернандес Куэста всё окончательно разъяснил. Чтобы все правильно поняли его слова, я приведу один пример. Представьте себе место, где обычно играют в какую-то сложную игру. В ней участвуют все, отдают ей весь свой ум, всё свое искусство, но вот в один прекрасный день появляется некий осторожный господин и говорит: «Прекрасно; здесь одни выигрывают, другие проигрывают, но и тем и другим, чтобы выиграть или проиграть, нужны вот этот стол и эти фишки. Я покупаю этот стол и эти фишки за четыре кварто, буду отдавать их в наём и таким образом каждый вечер выигрывать». Кто без риска, без усилий выигрывает, отдавая в наём фишки? Финансовый капитал. Деньги появляются в тот момент, когда экономика усложняется настолько, что становятся

невозможными экономические операции посредством прямого обмена продуктами и услугами. Нужен общий условный знак, понятный всем. Этот знак — деньги, но деньги, первоначально, не более чем общий знаменатель для облегчения товарообмена. После появляются те, кто превращает этот знак в товар для получения прибыли, те, кто покупает и продаёт. Но количество продуктов, которые можно получить при наличии определённых запасов сырья и рабочей силы, нельзя бесконечно увеличивать. Получить определённое количество продуктов при уменьшении запасов сырья тоже невозможно, что же делает капитализм, чтобы окупить данные им кредиты? Он уменьшает оплату, а именно оплату труда и стоимость продукции. А поскольку при каждом повороте экономического потока капитализм откусывает свой кусок, этот поток становится всё более слабым, а оплата труда — ниже справедливой, средние слои буржуазии превращаются в низшие, а потом в пролетариат; с другой стороны, капитал концентрируется в руках капиталистов и в результате мы имеем то, что предвидел Карл Маркс: русскую [социалистическую революцию в России — Ред.] революцию.

При капиталистической системе каждый человек видит в остальных людях потенциальных соперников в яростной борьбе за куски хлеба, которые капитализм бросает рабочим, предпринимателям, работникам сельского хозяйства, торговцам, всем тем, кто, хотя в это трудно поверить с первого раза, находится в этой страшной экономической борьбе на одной стороне, хотя конфликты между ними иногда доходят до стрельбы. Капитализм превратил всех людей в соперников в борьбе за кусок хлеба. А либерализм, капиталистическая система в её политической форме, приводит к другому результату: коллективное сознание, утратив веру в высшие ценности, в общую судьбу, распадается на частные мнения. Каждый хочет, чтобы его мнение считалось абсолютно верным, одни люди ссорятся с другими и дело доходит до перестрелки во имя того, что называется политическими идеями. И подобно тому, как в экономике мы видим в каждом человеке того, кто оспаривает у нас кусок чёрствого хлеба, так и в политике мы видим в каждом человеке того, кто оспаривает у нас кусок власти, часть власти, дарованную нам либеральной конституцией.

В экономике, как и в политике, утрачена гармония личности и коллектива, к которому она принадлежит, гармония человека с его окружением, его Родиной, чтобы отношение к ним не ограничивалось физической привязанностью к определённой территории и не терялось в расплывчатой неясности.

Утрата гармонии между человеком и его Родиной, его окружением это уже смертельная рана, нанесенная системе. Завершается эпоха, которая была эпохой цельности, и грядут новые Средние века, новая эпоха возрождения. Но античность и средние века разделила катастрофа, вторжение новых варваров. Сегодня символ этого — [коммунистическая — Ред.] Москва.

Но при вторжениях варваров всегда сохраняются личинки тех вечных ценностей, которые уже имелись в наличии в предыдущей классической эпохе. Варвары наводнили римский мир, но своей новой кровью они оплодотворили классический мир. Позже структура Средних веков и Возрождения стала ориентироваться на те духовные линии, которые уже были начаты в античном мире.

И в русской [коммунистической революции в России — Ред.] революции, в этом вторжении варваров, свидетелями которого мы являемся, уже есть скрытые, пока что отрицаемые зародыши будущего, лучшего строя. Мы должны спасти эти зародыши, и мы хотим их спасти. Это та настоящая работа, которую надлежит проделать Испании и нашему поколению: перейти с этой последней ступени общественно-политического строя, который рушится, на новую, многообещающую ступень того строя, появление которого мы предвидим, но перескочить с одной ступени на другую усилием нашей воли, под действием наших импульсов, используя наши возможности предвидения: перескочить с одной ступени на другую, не допустив, чтобы нас захлестнул поток вторжения новых варваров.

К тому, что утрачена гармония между человеком и его окружением, отношение может быть двояким. В одном случае делается вывод: «Этого уже не исправить; пробил решающий час того мира, в котором мы родились, и надо смириться с этим, довести его распад до конечной ступени». Такова позиция анархизма: проблема дисгармонии между человеком и коллективом решается путём распада коллектива на индивиды; всё расползается, как кусок распускаемой ткани. Вторая позиция — героическая: поскольку гармония между человеком и коллективом нарушена, принимается решение приложить отчаянные усилия к тому, чтобы поглотить расползающиеся индивиды. Это позиция тотальных, абсолютных государств.

Я же говорю, что если первое из этих двух решений разрушительно и пагубно, то второе — не окончательно. Те усилия, которые при нём прилагаются, поддерживаются напряжением гения нескольких людей, но в душе своей эти люди, несомненно, понимают, что их роль — временная, что они действуют в переходный период, а в дальней перспективе развитие придёт к более зрелым формам, когда не надо будет растворять личность в коллективе, когда гармония между личностью и её окружением восстановится благодаря возрождению органических, свободных и вечных ценностей, таких как личность, обладательница души, семья, профессиональное объединение и муниципальный округ, естественные формы сосуществования.

Это миссия Испании и нашего поколения. Когда я говорю о нашем поколении, как вы, надеюсь, уже поняли, я не употребляю эти слова в чисто хронологическом смысле, это было бы слишком поверхностно. Слово «поколение» имеет исторический и моральный смысл. Мы принадлежим к поколению тех, кто понимает трагический смысл эпохи, в которую мы живём; мы не только принимаем её вызов, но и берём на себя ответственность за её развязку. Восьмидесятилетние люди, которые тоже берут на себя ответственность за решение этой задачи и присоединяются к нам, принадлежат к нашему поколению, и наоборот, ту молодёжь, которая не хочет участвовать в наших коллективных усилиях, мы исключаем из нашего поколения, подобно тому, как здоровый организм отторгает болезнетворных микробов.

Таково наше общее представление о поколении. Однако, сегодня оно разделено как минимум на две части, если говорить о тех, кто не принадлежит к Фаланге: на левых и правых.

Что представляет собой левая молодёжь? Это те, кто верил в 14 апреля 1931 года. А правая? Это те, кто верил в 19 ноября 1933 года. Но прошу обратить внимание на то, что левая молодёжь первой заявила о своём разочаровании, когда то, что после 1931 года могло стать общенациональным делом, вылилось в акты мести, в грубые репрессии и преследования, и общая радость 14 апреля уступила место старому, сектантскому и тлетворному антиклерикализму альбатросов и доминго. И молодёжь ноября 1933 года тоже была убеждена, что мучительная первая двухлетка пройдена и теперь начнётся национальное возрождение. Но она тоже приуныла, когда с революциями в Астурии и Каталонии не было решительно покончено, как того требовали все, а вместо этого началась передача дел из одной инстанции в другую, бесконечные компромиссы, а социальной справедливостью, о которой говорили в пропаганде, пожертвовали в силу политической необходимости, чтобы удовлетворить грубый эгоизм касиков, именующих себя аграриями.

Невзирая на свои ярлыки, левые и правые молодые люди, которых я знаю, всегда вместе горячо реагируют, когда затрагива-

ются вопросы глубокого, национального значения. Я видел молодых правых депутатов парламента, которые чувствовали то же, что и я, и приветствовали меня, когда я протестовал против чудовищного отката аграрной антиреформы; и я видел молодых левых, которые приветствовали меня, когда я публично разоблачал аморализм одной из правящих партий и говорил о наносимом ею вреде. Когда решающим испытаниям подвергаются национальные или моральные чувства, нас понимают все молодые испанцы, которым становятся тесными рамки левых и правых. К левым и к правым примыкают лучшие представители нашей молодёжи; одним не нравится чья-то наглость, других тошнит от чьей-то посредственности, но, когда под влиянием подобной психической реакции люди становятся под разные знамёна, они калечат свои души, они видят Испанию в искривлённом виде, смотрят на неё сбоку, одним глазом; это какое-то духовное косоглазие. В душах правых и левых молодых людей скрытно пылает страстное стремление найти на уровне вечности части, отсутствующие в их неполных душах, чтобы обрести гармоничное, целостное видение Испании, которого не обрести, если смотреть на неё лишь с одной стороны: смотреть надо прямо в лицо, душой и открытыми глазами.

В этот торжественный час я осмелюсь сделать предсказание: близящаяся борьба, которая, вероятно, будет не борьбой на выборах, а более драматической борьбой, развернётся не вокруг устаревших ценностей, обозначаемых терминомом «правые» и «левые». Это будет борьба между грозящим нам зловещим азиатским фронтом русской революции [коммунистической революции в России — Ред.], переведённой на испанский язык, и национальным фронтом нашего поколения, которое будет сражаться на передовой.

Сегодня под знаменем национального фронта невозможно протащить никакую контрабанду. Это слишком высокое слово, никто не должен считать его простым названием. На входе будет стоять стража и проверять тех, кто хочет войти, не тащат ли они за собой в лагерь групповые и классовые интересы; горит ли в их душе самоотверженная преданность делу, общему для всех; воспринимают ли они Испанию как абсолютную ценность, выходя за рамки партийных ценностей, которыми до сих пор руководствовалась политика. Конкретно, эта стража будет следовать инструкциям, определяющим границы национального фронта. Первая из них — историческая; никаких реакционных умыслов, никакой тайной ностальгии о прошлых формах или о возврате отвергнутых социально-экономических систем. Чтобы войти, мало распевать гимны. Обо всём этом должны искренне забыть на входе те, кто хочет, чтобы стража их пропустила. Вторая граница — моральная. Мы не можем чувствовать солидарность с теми людьми, которые всем своим существом привыкли жить в такой моральной обстановке, в которой может процветать спекуляция. Это пограничные знаки, закрывающие вход негативным элементам, исключающие их.

Но мало исключать негативное, надо предлагать позитивное, ставить задачу. Испании необходимо вернуть две вещи, которые она утратила: во-первых, материальную основу существования, которая подняла бы испанцев на уровень человеческих существ; во-вторых, веру в коллективную национальную судьбу и решительную волю к возрождению. Эти две задачи стоят перед теми, кто занимает передовую линию в борьбе нашего поколения. И, чтобы никто не поддавался на обман, необходимо разъяснить содержание этих двух категорических предложений.

Экономическое возрождение Испании

Я уже говорил, что мы наблюдаем в мире агонию капитализма. Результатом этой агонии может быть вторжение новых варваров, другой выход — срочная трансформация самого капитализма. Этой трансформации требуются три разновидности капитализма: сельскохозяйственный, банковский и промышленный. Они в разной степени способны к трансформации. Легче всего поддаётся ей сельскохозяйственный капитализм. Заметьте, что я говорю только о таком капитализме, который заключается в использовании земли в качестве орудия для получения ренты или, как говорят некоторые экономисты, в качестве облигации. Я не отношу к сельскохозяйственному капитализму предоставление кредитов земледельцам, потому что это уже область финансового капитализма, о которой я скажу позже, а также использование земли в форме крупного предприятия. Сельскохозяйственный капитализм заключается в том, что, будучи занесёнными благодаря своим титулам в реестр собственности, ряд лиц, которые не знают даже, где находятся их имения, и ничего не соображают в земледелии, имеют право получать ренту с тех, кто работает в этих имениях. Здесь задача самая простая, и мы даже не формулировали её в программе Фаланги: достаточно выпустить указ об отмене обязанности платить ренту. Эта мера

выглядит ужасно революционной, но не вызывает никакого экономического переворота: крестьяне продолжают обрабатывать свои земли, собирать урожай, работать, как и прежде.

Следующей по степени сложности является трансформация финансового капитализма. Здесь дело обстоит иначе. Экономическая машина стала настолько сложной, что она нуждается в кредитах, в том, чтобы, во-первых, кто-то предоставлял общепринятые кредитные знаки для заключения сделок, а во-вторых, чтобы кредит распространялся на всё время от начала до конца процесса производства. Здесь необходимо провести трансформацию в том направлении, чтобы манипуляции с кредитами перестали быть особым делом немногих привилегированных, а стали миссией всего экономического сообщества, выполняемой тем его способным на это орудием, каковым является государство. Таким образом, финансовый капитализм может быть трансформирован путём национализации кредитных учреждений.

Остаётся промышленный капитализм. Трансформировать его трудней всего, потому что промышленность имеет дело не только с кредитным капиталом, капиталистическая система проникла в самую структуру промышленности. Современная промышленность из-за её огромной сложности и большой концентрации необходимых для неё орудий производства нуждается в существовании различных наследственных имуществ, в больших совокупностях имущества под юридической вывеской акционерных обществ. Безликий капитал заменяет личные капиталы прошлого. И если сейчас произвести шоковую трансформацию промышленного капитализма, это не даст нужного эффекта, а вызовет её коллапс.

Итак, при трансформации капиталистического строя, легче всего поддаётся ей сельскохозяйственный капитализм, финансовый капитализм занимает промежуточное положение, а трудней всего трансформировать промышленный капитализм. Но, поскольку Бог на нашей стороне, мы в Испании сможем трансформировать и промышленный капитализм, потому что он у нас мало развит и потому что мы можем облегчить его бремя в виде избытка административных советов, множества учреждений с аналогичными функциями и злоупотребления свободными акциями: тогда наша скромная промышленность снова станет эффективной и сможет продержаться на протяжении переходного периода. Срочно необходимыми мы считаем национализацию кредита и аграрную реформу. Испания, страна, в основном, аграрная,

сельскохозяйственная, в этот период ликвидации капиталистического строя будет находиться в лучших условиях, чем другие, и сможет провести декапитализацию без катастрофы. И это не пустая болтовня; есть основания для того, чтобы утверждать, что миссия Испании — предотвратить вторжение варваров и установить новый строй.

Итак, те, кто хочет присоединиться к войскам нашего поколения, должны иметь перед собой две положительные цели, решительно идти к национализации банков и довести до конца настоящую аграрную реформу.

Аграрная реформа для нас это не техническая, экономическая проблема, которую равнодушно изучают в школах; это реформа всей испанской жизни. Испания — это почти сплошь деревня, а деревня — это Испания, и то, что в испанской деревне условия жизни делают её нестерпимой для человека, труженика, это не только экономическая проблема, но и проблема религиозная и моральная. Поэтому чудовищно подходить к аграрной реформе с одним лишь экономическим критерием. Поэтому чудовищно сталкивать одни материальные интересы с другими, как будто речь только о них; потому чудовищно, когда те, кто выступает против аграрной реформы, ссылаются только на свои наследственные права, а те, кто требуют её после того, как они веками страдали от голода, стремятся только заполучить наследственные владения, а не связывают с ней возможность жить по-человечески, как подобает религиозным людям.

У агарной реформы две стороны: экономическая и социальная.

Большая часть Испании пустынна, это земли, которые невозможно обрабатывать. Закрепить эти земли за людьми, которые сейчас живут на них, значит обречь их на вечную нищету. Есть пустоши, которые не должны оставаться пустошами, и есть каменистые участки, которые никогда не будут обрабатываться. Таким образом, первое, что предполагает разумная аграрная реформа, это определение площади пригодных для обработки земель Испании, тех, что сейчас обрабатываются, и тех, которые можно сделать пригодными для обработки с помощью ирригационных работ, которые необходимо немедленно интенсифицировать. После этого надо позаботиться о том, чтобы необрабатываемые земли снова заросли лесами, наша голая земля тоскует по лесам; надо возродить пастбища, а вместе с ними — скотоводство, которое делало нас сильными; вот что надо сделать с нео-

брабатываемыми землями, а не отдавать их пахарю, чтобы он оставался нищим. После определения площади земель, пригодных для обработки, надо их классифицировать. Это тоже экономическая операция. Над этой задачей хорошо поработал наш Национальный Совет. В общих чертах можно выделить три типа обработки земли, исходя из того, что в регионах Севера и Леванта их можно считать одинаковыми. Один тип характерен для больших засушливых областей, где необходима индустриализация и использование всех технических средств, чтобы сделать производство экономичным, и где возможно объединение хозяйства. Второй тип — это мелкие хозяйства, обычно на орошаемых землях или во влажных зонах: в этих случаях земля делится на участки и обрабатывается семьями, но во многих случаях дробление на участки на этих землях доходит до такой степени, что производство становится неэкономичным. Но если в одних случаях происходит разбивка земли на мелкие участки, то в других — участки объединяются в руках одной семьи или семья коллективно пользуется инвентарем и организует сбыт продуктов. Есть ещё большие территории, где, например, произрастают оливковые рощи, представляющие особый интерес для Испании, потому что там долгие месяцы люди совершенно нечем не заняты. Земли этого класса нуждаются в мелиорации. Частично это могут быть небольшие ирригационные работы, на которых люди могут быть заняты в период вынужденного безделья, частично постройка небольших предприятий для переработки сельскохозяйственной продукции — за счёт этого крестьяне тоже смогут жить в подобные периоды.

Когда будет проведена классификация земель и определены эти экономические сектора их обработки, тогда наступает момент довести до конца социальную реформу сельского хозяйства. В чём заключается реформа сельского хозяйства с социальной точки зрения? Она заключается в том, чтобы дать землю веками голодавшему испанскому народу, переселить с бесплодных земель тех, кто жил там в вечной нищете, на новые плодородные земли, и сделать это немедленно, без проволочек, без вечных ожиданий, как хотели бы авторы закона об аграрной антиреформе. Вы спросите меня: А собственникам земли заплатят или нет? Мы этого не знаем, это будет зависеть от финансовых условий в каждом конкретном случае. Но вот что я вам скажу: пока мы будем выяснять, есть ли финансовые условия для выкупа земли или нет, мы не можем требовать от тех, кто голодал веками, чтобы они пребывали в неуверенности относительно того, будет аграрная реформа или нет, это должно быть нашей первоочередной мерой в их интересах, а потом посмотрим, будет ли выкуп. Самое справедливое и гуманное, что мы можем сделать — и этим спасём множество людей — это провести аграрную реформу с риском для капиталистов, а не для крестьян.

Но все это лишь часть задачи. Мы должны поднять существование нашего народа на человеческую материальную основу, объединить его, чтобы он смог подняться, дать ему коллективную веру, установить примат духовного начала. Родина для нас, как я уже не раз говорил, это единство судьбы. Родина — это не физическая опора нашего рода; чтобы поддержать наш род, для Родины недостаточно того, чтобы мы её превозносили, потому что следует признать, каким бы ни было наше самомнение, что есть Родины, народы которых лучше вашего и моего. Нет, Родина наш духовный центр не потому что она наша, потому что она физически наша, а потому что мы имели несравненное счастье родиться на Родине, которая называется Испанией. Она выполнила великую миссию в мировой истории и может продолжить её выполнять. Поэтому мы чувствуем неразрывную связь с Испанией и хотим принять участие в её судьбе. Мы не националисты, потому что быть националистом это просто ограниченность. Это означает сводить самые глубинные духовные стимулы к физическим мотивам, к чисто физическим обстоятельствам. Мы не националисты, потому что национализм — это индивидуализм народов, а мы, как я однажды сказал в Саламанке, испанцы, а это одна из немногих серьёзных вещей на свете, чем стоит быть.

Это чувство Испании служит нам прочной защитой, с одной стороны, от все разъедающей иронии, а с другой — от грубых фальсификаций. Одни отворачиваются от нас, стремясь к элегантности, другие впадают в пустословие и превращают в ура-патриотическую карикатуру такую деликатную вещь, как Испания. И для тех, кого уносит одно из этих двух течений, ирония или заурядность, может наступить момент, когда почти все они, надеясь избавиться от иронии или заурядности, начнут отдаляться от Испании, изгонять из своей души, словно какой-то оппортунизм, эту привязанность к Испании. Вместе с ней из души стирается всё, связанное с достойным существованием, со служением коллективу. Испанцам приходилось наблюдать подобное: священников и военных, которые, поддавшись иронии, всерьёз поверили, что религия и армии обречены на исчезновение,

что это реликты варварских времён, и жаждут выглядеть терпимыми либералами и пацифистами, чтобы им простили их сутаны и униформу. Сутана и униформа! Символы религиозного и военного мироощущения! И это в то время, когда религиозное и военное мироощущение это два единственных серьёзных способа понимания жизни!

Поэтому мы хотим, чтобы вся испанская жизнь, чтобы вся жизнь нашей Фаланги были проникнуты духом служения и самопожертвования. Поэтому к нам идут и смотрят на нас всё более разумными глазами молодые люди, оставшиеся без крова, выйдя из тени левых и правых, потому что они поняли, что там им не представится возможность целиком оправданного служения и самопожертвования. Эти люди идут к нам, проникаются нашим духом, встают, по крайней мере, духовно, под наши знамена. И никто не вызывает у нас сомнений: мы видим светлые лица и ясные глаза. А все те, кто приходят под наши знамена, тая в себе пережитки старого, постоянную ностальгию о том, что устарело и весьма быстро уходят от нас, а потом клевещут на нас. И наоборот, хорошие люди, готовые к служению в наших рядах или вне их, осознают, что мы говорим правду. А тем, кто остаётся вне наших рядов, которых мы не хотим принимать в свои ряды, потому что не стремимся занять первое место по количеству членов, мы говорим: Испанская Фаланга ХОНС находится на передовой. Приём в неё обусловлен теми ограничениями и требованиями, о которых я говорил. Если хотите, пойдём вместе защищать Испанию от варварства, которое ей угрожает. На этом мы все стоим. Просим лишь об одном: не отдавайте нам ваши партийные билеты, не сливайтесь с нами, не выдвигайте нас на видное место. Мы просим лишь об одном, о том, что считаем правильным: быть в авангарде, потому что ничто не придаёт нам больше блеска, чем кровь наших павших лучших товарищей. Мы не хотим быть авангардом тех перепуганных людей, которые хотят купить нас своими деньгами или ослепить лживыми фразами. Мы хотим быть авангардом служения и самопожертвования. В этом месте нашей встречи мы ожидаем всех: если вы не хотите придти к нам, если вы глухи к нашим призывам, тем хуже для нас, но и для вас тоже: тем хуже для Испании. Фаланга пойдёт до конца в своём гордом одиночестве, и это будет опять — вы согласны, товарищи, которые были со мной с первого часа? — это будет опять наша вахта под звёздами.

ЛИСТОВКИ ФАЛАНГИ К ИСПАНСКИМ РАБОЧИМ

Два пути

Все трудящиеся в нынешней тревожной ситуации неизбежно задаются вопросом, почему, несмотря на непрерывную смену правительств, несмотря на то, правят ли левые или блок центристов и правых, безработица всё время увеличивается, дороговизна жизни становится всё ожесточённей. Наличие этих проблем и их усугубление легко доказать. При правительствах, в которые входили министры-социалисты, бедственные проблемы, от которых страдают трудящиеся массы, не только не решались, но усугублялись. При правых правительствах вся политика была направлена против производителей: ухудшались условия труда, поденная плата уменьшалась, а рабочий день увеличивался... Что означает это совпадение по своей сути политики партий, будь они правые или левые? Это означает неспособность этих партий создать такую экономическую систему, которая избавила бы народные массы от этих бедствий, потому что и те, и другие партии находятся на службе у капиталистической системы.

В то время как нынешний страшный экономический кризис разорил или ведёт к разорению мелких производителей, а рабочая масса как никогда страдает под гнётом безработицы, цифра прибылей, полученных теми, кто извлекает выгоду из нынешнего порядка вещей, хозяевами банков, достигает заоблачных высот.

Неотложная задача, стоящая перед производителями, такова: разрушить либеральную систему, покончить с политическими кликами и банковскими акулами. Но, чтобы покончить с ними, надо выбрать один из двух путей: коммунистический или национал-синдикалистский. Иных выходов нет. Те, кто идёт по этим двум путям, хотят разрушить нынешний порядок вещей и установить новый строй.

Но одинаково ли плодотворны и эффективны оба эти пути?

С каждым днём в рабочих массах усиливается влияние русских коммунистов [интернационалистов из России — Ред.]. Переносчиками этого влияния являются как коммунистические партии, так и социалисты. Марксистское движение вдохновляется инструкциями Третьего Интернационала. У нас в Испании сторонники коммунистической ориентации внутри социалистической партии с каждым днём становятся всё более многочисленными. Но была бы победа коммунистов в Испании выгодной для трудящегося класса? Вот проблема, которую мы должны рассмотреть особо, исходя из честности намерений. Если коммунизм обеспечит более высокий уровень жизни, если он удовлетворит чаяния всего народа, то никаких сомнений относительно выбора не будет. Но способен ли коммунизм достичь этих целей?

Россия

В [Советской — Ред.] России, где осуществление коммунистического проекта зашло наиболее далеко, бросается в глаза не только то, что ни в экономическом, ни в политическом плане трудящиеся ничего не выиграли (сохраняется наёмный труд, поденная оплата самая низкая, а нехватка предметов первой необходимости острей, чем в любой другой европейской стране, согласно данным русских [советских — Ред.] газет «Правда» и «Известия», а политическая свобода практически уничтожена), но и то, что люди лишены всякого человеческого достоинства, превращены в бездушные детали машины, созданной новым привилегированным классом, чиновничьей бюрократией, набранной из старых коммунистов. Одного этого достаточно, чтобы отвергнуть коммунизм, но мы должны ещё учитывать, что у нас это движение служит не испанским интересам, а делает то, что нужно [коммунистической — Ред.] Москве. Победа коммунизма в Испании не была бы победой социальной революции, она была бы победой России. Достаточно проследить за колебаниями политики СССР [советского — Ред.] в отношении крупных капиталистических держав, чтобы понять цели, ради которых она провоцирует революционные вспышки, управляемые и финансируемые ею. Мы превратились бы ни больше, ни меньше как в русскую [советскую — Ред.] колонию. Лучшим доказательством того, что стало бы с рабочими Испании, служит то, как обращаются сегодня с коммунистическими руководителями. Им платят рубли за их услуги, но взамен с ними обращаются, как с автоматами, превращают их в слепые орудия русской [советской — Ред.] политики.

Но, если коммунизм покончит с такими человеческими чувствами, как чувства семьи и нации, если он не даст ни хлеба, ни свободы и подчинит нас приказам иностранной державы, что же тогда делать? Мы не можем смириться с сохранением капиталистического строя. Есть одна совершенно очевидная вещь: это кризис капиталистической системы и наносимый ею вред, пусть даже смягченный коммунизмом. Неужели нет способа накормить голодных и обеспечить справедливость массам? Неужели нам приходится выбирать между безнадёжностью буржуазного строя и русским [советским — Ред.] рабством?

Призыв

Нет. Национал-синдикалистское движение убеждено, что оно знает правильный выход, не капиталистический и не коммунистический. Буржуазной индивидуалистической экономике противопоставляется социалистическая, при которой государство присваивает всю прибыль от производства, порабощая личность. Ни та, ни другая не спасают производителя от трагедии. Им обеим мы противопоставляем синдикалистскую экономику, при которой государство не поглощает личность и трудящийся не превращается в бездушную деталь буржуазного производственного механизма. Национал-синдикалистское решение даст наиболее плодотворные результаты. Оно разом покончит с политическими посредниками и паразитами, снимет с производства иго финансового капитала, упорядочит капиталистическую анархию, запретит спекуляцию продуктами, установив компенсационные цены. И, прежде всего, отдаст прибавочную стоимость не капиталистам, не государству, а производителям, объединённым в синдикаты. При такой экономической организации станут невозможными безработица, грязные жилища, нищета. Трудящиеся, будьте бдительны! Коммунизм и всё интернациональное движение спекулируют на нуждах народных масс. Под теми же лозунгами, что и в 1914 году — свобода, демократия, прогресс — они стремятся разрушить государство к выгоде того, кто платит. Народные антифашистские объединения — фиговые листики, прикрывающие аппетиты [коммунистической — Ред.] Москвы. Вчера она поднимала класс на класс, призывала к уличным боям, сегодня хочет использовать рабочую массу на выборах, навязы-

вая им союз с левыми буржуазными партиями. Рабочие от этой перемены тактики ничего не выиграют, а только проиграют, помогая придти к власти левым буржуазным партиям, коммунистам и социалистам. Левая буржуазия, находящаяся в добром согласии с международным капитализмом, и марксисты — слуги [советской — Ред.] России, поведут такую политику, какую прикажут их хозяева, забыв об интересах испанских рабочих. Трудящиеся в очередной раз станут пушечным мясом и в итоге не получат ни хлеба, ни свободы.

Трудящиеся! Товарищи! Наступает решительный момент. Никто не может сидеть сложа руки. Решается общая судьба. Либо трудящиеся энергично и неумолимо покончат с крупным финансовым капиталом и присоединятся к Национал-синдикалистскому движению, чтобы установить режим национальной солидарности, либо интернационализм превратит нас в наёмников иностранной державы.

Национал-синдикалистское движение, сознающее свою силу и свою правоту, ведёт огонь по всем врагам: по правым и по левым, по коммунизму и по капитализму. За Родину, Хлеб и Справедливость! Мы уверены в победе. Этого требуют интересы производителей и национальные интересы. Установим без колебаний новый строй, при котором не будет ни голодающих, ни профессиональных политиков, ни касиков, ни ростовщиков, ни спекулянтов.

Ни левых, ни правых! Ни коммунизма, ни капитализма! Национальный строй. Национал-синдикалистский строй!

¡Arriba España! («Воспрянь, Испания!» — *Ред.*).

«Арриба», № 20, 21 ноября 1935

ДОН ХОСЕ ОРТЕГА И ГАССЕТ:
ЗА ЧТО МЫ ЕГО ЧТИМ И ЗА ЧТО ПОРИЦАЕМ

Является ли политика делом интеллектуалов? На этот вопрос, заданный публично, изъявляют готовность дать ответ две группы лиц.

Первая — те, кто считает себя напрямую затронутыми этим вопросом, то есть те, кто сами себя именуют интеллектуалами. Мы знаем многих таких, кто может высокопарно говорить на любую тему, нахмурив брови, с неодолимым стремлением затянуть любой разговор в корсет сложных технических терминов, независимо от того, относятся они или нет к делу, о котором идёт речь. Знаем мы и других, сверхутончённых, таких утончённых, что они не выходят на улицу, боясь, что их унесёт ветром. Они группируются в полутаинственных кружках, где они предаются словесным играм, красоты которых понятны только посвящённым. Если кто-нибудь спросит тех, кто говорит высокопарно, или других, сверхутончённых, а каков, собственно, их вклад в сокровищницу человеческой мысли, он с крайним удивлением узнает, что и те, и другие вписали в неё по одной строчке; что кое-кто из них накропал сотню страниц бледных мыслей, надёрганных у разных авторов, и непонятно, на каком основании эти люди столь убеждены в своём превосходстве над остальными смертными. Кое-кто из них написал много непонятных томов, так что простой читатель мучается, скромно предполагая, что он неспособен проникнуть в чудесные тайны представшего перед ним сфинкса, пока какой-нибудь здоровый человек, свободный от общественного мнения, не объяснит простому читателю, что перед ним лишь жалкое подобие сфинкса у которого нет никаких тайн.

Другая группа — аристофобы. Где ещё этот термин будет смотреться лучше, чем в строках, посвящённых дону Хосе

[Ортега и Гассету — Ред.]. Так называют тех, кому надоели люди, которые упорно ищут трудных объяснений. «Избавьте меня от интеллектуалов; интеллектуалы не дают того, что нужно честным, здравомыслящим людям. Будь у нас хотя бы десяток достойных политиков, в Испании за два года можно было бы навести порядок». Так эти люди обычно формулируют диагноз и способ лечения болезней Испании.

Если вникать в диалектику этих крайних позиций (в диалектику, понятно, ибо в общественной жизни все стремятся к взаимопониманию), тот, кто не принадлежит к одной из описанных нами групп, должны примыкать к другой. Либо «интеллектуалы», сами себя так называющие, либо люди, которые сумели забыть, кто такие интеллектуалы и зачем они нужны. Ясно, что ни от той, ни от другой группы мы не можем ожидать, что она хотя бы несколько минут подумает над вопросом: является ли политика делом интеллектуалов?

Политика, по своей специфике, — не их дело, но совсем не по тем причинам, которые указывают аристофобы. Если политика не требовательна в своих установках, т.е. не отличается интеллектуальной строгостью, она может погрузиться в летаргию посредственности. Надо искать более глубокое объяснение регулярного краха интеллектуалов в политике.

Ценности, которыми увлекаются интеллектуалы, — вневременные по своей природе: истина и красота, абсолютные, не зависящие от обстоятельств. Нахождение какой-либо истины всегда связано с определенным временем: изучение истины не терпит принуждения под влиянием соображений внешнего порядка. Одна из прелестей профессии учёного заключается в той самоотверженности, с какой работники умственного труда стремятся найти истину, время для которой ещё не приспело, жизнь её не допускает. Легионы неизвестных учёных бредут через пустыни в землю обетованную, которую они никогда не увидят. Наоборот, политика связана, прежде всего, с определённой эпохой, со временем, которое не позволяет откладывать никакое нужное дело. Политик обязан чего-то достичь и сделать это вовремя. Бином Ньютона остался бы для математики таким же, будь он сформулирован на десять веков раньше или на век позже. Зато воды Рубикона смочили копыта коня Цезаря в определённый момент Истории.

Человек, воспитанный в духе поиска вневременных истин, т.е. интеллектуал, может однажды почувствовать призвание к политике. Бывает, что противиться этому зову даже аморально. В истории мира или родной страны бывают такие стечения обстоятельств, когда просто чудовищно оставаться в своей келье со своей лампадой. Но, поспешая на зов политики, нельзя поспешать медленно. С политикой, как и с наукой, нельзя флиртовать — это сказал дон Хосе [Ортега и Гассет — Ред.]. И недостаточно не ограничиваться простым флиртом, надо понять, что шаг из науки в политику заключает в себе трагедию; это восхождение к новой судьбе и разрыв со старой судьбой. Беря на себя политическую миссию, интеллектуал отказывается от самой любезной его сердцу свободы: от возможности постоянно пересматривать свои собственные выводы, считать свои выводы предварительными. Философский метод начинается с сомнения: не только право, но даже обязанность того, кто подвизается в сфере умственных спекуляций, сомневаться самому и учить других методу сомнений. В политике иначе: любая большая политика опирается на внушение сильной веры. Перед лицом народа, истории миссия политика — религиозная и поэтическая. Нити, связывающие вождя с его народом, не сугубо рациональные, а поэтические и религиозные. Чтобы народ не расплылся в аморфную массу, чтобы он не утратил свой становой хребет, масса должна следовать за своими вождями как за пророками. Эта связь массы со своими вождями сродни любви.

Отсюда серьезность того момента, когда человек берёт на себя миссию вождя. Взяв её на себя, он неизбежно даёт обещание открыть народу — неспособному сделать это самостоятельно, как масса, — его собственную судьбу. Когда взята первая нота в таинственной музыке каждой эпохи, уже нельзя снять с себя обязанность закончить мелодию. Над вождём уже встают иллюзии народа, а управлять иллюзиями страшно тяжело. Тот, кто не осознаёт своей ответственности, тот, подобно герою поэмы Броунинга, заманивает инфантильную толпу своей дудочкой, чтобы она нашла себе могилу под горой, из которой нет возврата.

***

Дон Хосе Ортега и Гассет, который празднует в эти дни 25 лет своего пребывания в должности профессора, тоже услышал однажды зов политики. В этот торжественный час кто, будучи справедливым, осмелится отрицать его критическое ясновидение и моральную чистоту его позиции? Он лишь выражал крики

боли, издаваемые Испанией, «у меня привычка иногда кричать», — сказал он. Но мы, люди, рождённые после 1898 года, очень хорошо почувствовали искреннюю жгучую боль, которая скрывалась за кастильской сдержанностью его жестов. Может быть потому что мы научились распознавать её в его книгах. Мы были по горло сыты посредственностью Испании, лишённой общей души, страны, которая, слетев с котурнов Империи, не может ходить иначе, кроме как в домашних туфлях. Нет, дон Хосе не хотел флиртовать с политикой, но он счёл себя побеждённым. Когда он обнаружил, что то, что «стало», не было тем, чем он хотел, чтобы оно было, он разочарованно отвернулся от политики. Но вожди не имеют права разочаровываться, они не могут предать разбитые иллюзии множества людей, шедших за ними. Дон Хосе был суров с самим собой и наложил на себя долгий обет молчания, но не его молчание, а его голос был нужен поколению, ставшему жертвой безвременья, голос пророка и вождя.

***

Кто-то другой мог бы счесть никчёмными эти годы экскурса в политику и вернуться к старым задачам, словно «ничего не произошло». Но дон Хосе знает, что ничего из того, что действительно произошло, нельзя считать никчёмным. Трагические акты, вроде этого броска в политику, безвозвратны: надо или перепрыгнуть на другую ступеньку, или переживать ежедневную трагедию, пусть и очистительную, доказывая себе снова и снова, что самая пламенная надежда собственной жизни не сбылась.

Но ничто настоящее не теряется. Когда «духовная знаменитость» капитулирует, обессиленная разочарованием, принесённая жертва никогда не бывает напрасной. Те, кто придут после, уже будут в выигрышной позиции, научившись на ошибках. Предыдущая критика расчистила путь. Другие руки решат задачу более простыми и более сильными ударами. В конце — может быть, в таком конце, которого предыдущая критика не предвидела, — те, кто дойдёт до этого конца, с благодарностью вспомнят тех, кто, пусть и не видел истину целиком или не имел сил поставить её на царство, но, по крайней мере, уничтожил многие пугала, вооружённые ложью.

Поколение, которое было разбужено тревогой за Испанию, выразителем которой был Ортега и Гассет, возложило на себя трагическую миссию снабдить Испанию становым хребтом. Многие из тех, кто записался к нам, предпочли бы следовать

призванию интеллектуалов, без поспешности и порывов. Но наше время беспощадно. Наша судьба — война, и от неё нельзя уклониться, спасая свою шкуру. Будучи верными своей судьбе, мы ездим с места на место, хотя нам стыдно выставлять себя напоказ, мы выражаем в криках те идеи, которые вырабатывали в суровом молчании, терпим оскорбления от тех, кто нас не понимает и не хочет понимать, презирая эту абсурдную борьбу за «общественное мнение», как будто народ, способный любить и ненавидеть, может быть субъектом, имеющим свое мнение. Всё это горько и трудно, но не бесполезно. И в этот серебряный юбилей дона Хосе Ортеги и Гассета хочется сделать ему в подарок пожелание: прежде чем закончится его жизнь, а мы все желаем, чтобы она была долгой, но для того, чтобы эта долгая жизнь была достойной его жизнью, она должна быть плодотворной. И пусть наступит день, когда при виде победного шествия того поколения, учителем которого он был в далёком прошлом, он удовлетворённо воскликнет: «Вот это да!»

Журнал «Ас», № 12, 5 декабря 1935

РЕЧЬ, ПРОИЗНЕСЁННАЯ В КЛУБЕ «БЕТИС»

в Севилье 22 декабря 1935 года

В это же самое время в Испании проводятся сотни митингов. Тема всех этих митингов — актуальная тема: выборы. Может быть, кое-кто из вас пришёл на этот митинг из любопытства, думая: «А что нам расскажут об этих выборах фалангисты?» А фалангисты ничего не будут говорить о выборах, потому что для нас выше этой актуальной темы воскресных выборов печальная и длящаяся уже не один век актуальность того, что у нас нет Испании.

У нас нет Испании. Это самое важное, что можно сказать накануне выборов. Вы уже знаете, как мы понимаем Испанию. Испания — это не наша кровь, потому что Испания соединила в одной славе много разных кровей. Испания — это даже не эпоха, не эпоха наших отцов и не эпоха наших детей, а единство судьбы в окружающем мире. Вот что самое главное. Это объединяет всех нас и объединяет нас с нашими прадедами и потомками: следование одной великой судьбе в истории. Испании не будет, пока она снова не обретёт сознание и импульсы этого утраченного единства. Поэтому, в то время, как другие думают о выборах, блоках и кандидатурах, составляют списки, а Министерство внутренних дел выкапывает из земли самые древние обычаи, чтобы получить проправительственное большинство, мы ездим из одного места в другое в неудобных поездах, мокнем под дождём и вязнем по колено в грязи, чтобы прокричать: «Вернём нашу Испанию!»

И в этом мы одиноки. Кроме нас, вы видите две группы партий: левых, которые не в ладах с прошлым, и правых, которые не в ладах с настоящим. Левые целиком полагаются на случайности выборов, видят в выборах некий рок, даже если их результатом будет расчленение страны и богохульство. Левые говорят: «Пусть будет так, как хочет электорат!» — как будто электорат,

мы, голосующие сегодня, создали Испанию, как будто мы можем сделать из того, что было достигнуто трудами многих поколений, то, что предложат воскресные победители, как будто для нас для всех не важнее воли всего электората воля Изабеллы Католической. А правые? Правые взывают к Родине, взывают к традициям, но они безразличны к тому, что народ голодает, безразличны к бедам крестьян, которые здесь, в Андалузии, в Эстремадуре и Леоне продолжают жить, как жили пятьсот лет назад. И так не должно быть. Нельзя восхвалять Родину и быть безразличным к её жертвам и бедам, нельзя призывать народ к тому, чтобы он загорелся любовью к Родине, если Родина это всего лишь привязанность к земле, на которой он страдал много веков. Нельзя взывать к Родине сегодня, в трудный момент, когда нам кричат: «Да провались она, эта Родина! Не нужны нам духовные ценности!» Эту угрожающую ситуацию создали те, кто не голосовал за повышение налогов на банки и большие состояния.

Мы не согласны ни с одной из этих половин. Мы не верим, что вторая двухлетка была средством излечения пороков первой. Мы не верим, что после жестокой двухлетки какими-то достоинствами отличалась глупая двухлетка, которую мы теперь хороним. Мы не верим, что после того, как мы два года косили на правый глаз, что-то улучшится, если мы опять будем косить на левый глаз. Мы хотим видеть Испанию цельной, гармоничной, сильной, глубокой и свободной: свободной как Родина, которая не потерпит ни иностранных посредников, ни того, чтобы в экономической области с нею обращались как с колонией; Родина, границы и побережья которой не будут беззащитными, свободная для каждого из её обитателей, потому что нельзя считать свободой свободу умереть с голоду, стоя в очередях у ворот фабрик или избирательных участков. Свобода — это обретение целостного единства: *личности* как носительницы души и обладательницы наследственного имущества; *семьи* как ячейки общества; *муниципального округа* как объединения, богатые общественные традиции которого должны быть возрождены; *профсоюза* как профессионального объединения, обладающего экономической властью, необходимой для всех отраслей производства. Когда мы будем иметь всё это, когда мы снова объединимся в государстве, служащем орудием общей судьбы, когда наши семьи, муниципальные округа, профсоюзы и мы сами перестанем быть статистическими единицами, а станем по-человечески цельными,

когда мы не будем выстраиваться в очереди у избирательных участков, чтобы бросить бюллетень, часто такой, какой велят наши кредиторы и хозяева, тогда мы сможет сказать, что мы — свободные люди.

Но именно поэтому мы одиноки и наша задача становится всё более трудной. Нас никто не любит. Нас не любит нынешнее правительство, которое относится к нам с таким же подозрением, с какой благожелательностью оно относиться к каталонским сепаратистам. Его возглавляет осторожный человек. Вы видите, он не идёт на нас в лобовую атаку, но нам досаждают полицейскими придирками. Нам не позволяют появляться в наших рубашках. Те, кто представляет здесь различные ХОНС, знают, что где несколько дней, а где несколько недель тому назад начались полицейские налёты на наши центры. В одном месте нашли несколько пистолетов, а мы и не знали, что там есть пистолеты. Эта находка послужила поводом для закрытия наших центров и заключения наших людей в тюрьмы. Вы знаете, что с недавних пор для нас введена предварительная цензура. И всегда находится какой-нибудь прокурор, который, когда подойдёт время выпуска нашей газеты, пошлёт полицию для изъятия тиража из типографии. Вы видите, что каждый наш шаг даётся нам с большим трудом. А правительство оправдывает свои преследования тем, что приравнивает нас к социалистам, хотя это чудовищное обвинение не соответствует истине: социалисты год назад выступили против единства Испании, против духовности и традиций Испании, а мы потеряли четырёх наших товарищей, которые, лицом к солнцу Испании, защищали её традиции и единство.

Против нас и революционные партии. И знаете, почему? Не потому что мы реакционеры — они хорошо знают, что это не так, — а по совершенно противоположной причине; потому что они знают, что мы не такие революционеры, как те, кто приходит в их ряды, чтобы взобраться к власти по спинам своих товарищей и отпраздновать победу в служебных автомобилях стоимостью 20 000 дуро. Многие из нас потеряют многое, может быть, даже всё, в день, когда победит наша революция, однако мы хотим её, потому что знаем: ни к чему нам сохранять ещё несколько лет наши привилегии, если в итоге мы потеряем Испанию. И потому что мы это знаем, говорим об этом и говорим откровенно, революционные вожаки, которым это колет глаза, не хотят, чтобы мы дошли до рабочих, отделяют нас от рабочих с помощью

клеветнических обвинений. Но мы найдём взаимопонимание с рабочими, рабочие нас поймут; мы сблизимся с ними и уже начинаем сближаться. Вы скоро увидите, как лучшие слои испанцев, слои, которые сохранили неистребимую жилку индивидуального героизма, благодаря которому была завоёвана Америка, вступят в контакт с нами. Сегодня они в нас стреляют, но это неважно, это тоже разновидность взаимопонимания. В конечном счёте, мы найдём общий язык с теми, кто сегодня разговаривает с нами на языке выстрелов. Нашей общей борьбе мешают устаревшие политические методы и отвергаемое нами наследие этого государства, обречённого на исчезновение. Мы выходим на улицы под выстрелы, иногда отстреливаемся, мы готовы умирать и убивать других. Но мы не хотим, чтобы в наши дела вмешивалось дряхлое либеральное государство. Мы — и вы это хорошо знаете, наши севильские братья — никогда не отказываемся от открытой борьбы, но мы не придаём значения тому, кто первым будет просить о том, чтобы был помилован Херонимо Миса.

Против нас и правые, которые не могут простить нам, что 7 декабря 1933 года, когда они только что выиграли выборы во всех округах полуострова, мы заявили, что это бескрылая победа, что от неё не следует ждать ничего хорошего, что эта победа будет упущена. Мы были нарушителями веселья, но провидцами, потому что сегодня, когда прошли два года после этого пророчества, мы можем перепечатать без изменений статью, написанную для первого номера «Испанской Фаланги», в которой говорилось: «Вы увидите, что ваша победа окажется бесполезной!»

И когда 17 ноября этого года, накануне кризиса, мы выдвинули в Мадриде перед пятнадцатитысячной аудиторией идею создания Национального Фронта против грозящей нам опасности русского [советского — Ред.], азиатского, коммунистического, материалистического понимания мира, не прошло и нескольких недель, как у нас украли идею Национального Фронта, даже не упомянув о нас, и дело даже не в краже идеи, это было бы ещё хорошо, потому что у нас нет тщеславия литераторов, претендующих на авторство, а в том, что под прикрытием Национального Фронта снова затевается тот самый Союз правых, который одержал бескрылую победу в ноябре 1933 года.

Мы, собравшиеся под этими знамёнами, требующие ото всех быть первыми или последними — для нас это не имеет значения — в этой трагической, решительной битве за Испанию, с союзниками или в одиночку, остаёмся на своём посту. Нас то больше,

то меньше. Но пусть от нас уходят любопытные, трусы, люди непостоянные, те, кого привлекали модные разговоры о корпоративном государстве или возможность носить рубашки одного цвета. Это не имеет значения. Останутся те, кто нужны, пылкие сторонники. Пройдёт тот период, когда капиталистическая пресса, хвастающаяся смехотворным митингом, на котором 400 человек вынуждены целый час слушать череду глупостей, может замалчивать наши митинги тысяч активистов, готовых к борьбе. Всё равно мы останемся на своём посту. Все прочие устареют, поскольку потенциально их ожидает крах, а мы останемся даже в этой земле семенами будущего, и эти рубашки, которые мы сегодня прячем под куртками от бдительного ока полиции, в один прекрасный день засияют на солнце, и вы, севильские товарищи, первые в самопожертвовании, потерявшие столько мучеников, вы займёте почётное место в завтрашнем радостном марше Испании.

«Арриба», № 25, 26 декабря 1935

ПАРТИИ ГОТОВЯТСЯ К ЛОТЕРЕЕ

Социализм без маски

Уже известны различные инциденты, которые произошли в последние дни внутри социалистической партии. Её Комитет решил, вопреки мнению Ларго Кабальеро, заключить предвыборный союз с левыми буржуазными партиями. Ларго Кабальеро, в предвидении такой резолюции, заявил о своей бесповоротной отставке с поста председателя. В результате партия встала на сторону Ларго Кабальеро против остального Комитета. Для начала, пока линию Ларго одобряли и торжественно ратифицировали представительные органы партии, её массы, нарушая субординацию, освистали в кинотеатре «Европа» товарища Кордеро, одного из умеренных, и не дали ему закончить речь.

Все эти эпизоды служат явными признаками того, что в истории испанского социализма закончился этап, который можно было бы назвать этапом открытого социализма.

В начале социалистическая рабочая партия идеологически подпитывалась двумя искренними тенденциями: с одной стороны, справедливым возмущением теми нетерпимыми условиями жизни, в которых жила большая часть народа, а с другой стороны, склонностью наиболее развитых рабочих к передовым идеям. Это ещё были счастливые годы «Праздника Голубки», когда честные наборщики располагали временем только для работы и для любви, а сапожники при парадных подъездах, слывшие самыми умными, разделяли с «Доном Франсиско» либеральные идеи. В нравах того времени ничто не мешало тому, чтобы один из первых рабочих социалистов, завершая беседу с хозяином, приходил к простодушному выводу — с оттенком тонкой и очень испанской терпимой иронии, — что если бы все хозяева думали так же, как этот, дела можно было бы урегулировать дружеским путём.

Это замечательное начало социализма привлекло к нему ряд профессоров и писателей, которые стали вступать в партию, стремясь по дешёвке прослыть революционерами. Их принимали со всеми почестями, потому что у рабочих было ещё живо тради-

ционное иерархическое сознание, и они гордились, что профессора — их товарищи. Логично, что предвыборные блоки с левыми партиями не вызывали протестов; в рядах этих партий тоже было много рабочих, а что касается руководителей и кандидатов, то большинство из них, как левых, так и в социалистической партии принадлежали к той же передовой буржуазии и были очень похожими друг на друга по политическому темпераменту.

Этот этап открытого социализма можно считать окончательно завершённым. Мстительный дух Ларго Кабальеро, который сегодня направляет партию, отвергает всё, что хоть в малой степени отдаёт буржуазией. Говорят, даже в частной жизни он никогда не сказал ни одного доброго слова человеку, если тот не был пролетарием или как минимум социалистом. Ларго хочет видеть социализм закрытым, чтобы в него можно было проникнуть только через рабочие профсоюзы. Бестейро, Де лос Риос, Негрин чувствуют, что атмосфера вокруг них сгущается, и им всё труднее в ней дышать. В социалистической партии может ужиться только такой интеллектуал как Хименес де Асуа с его патологическим сектантством. Ларго Кабальеро скоро станет всемогущим диктатором и будет доводить до бешенства рабочих, молодёжь, школьных учителей. Никакой пощады, никаких контактов, никакой терпимости, никакого сосуществования. Зато социализм уже не сможет никого обмануть: он предстал перед нами без маски, и мы видим его истинное лицо.

Левые буржуазные партии

Новый курс социалистической партии ставит под угрозу будущее левых буржуазных партий. Известны условия вступления в предвыборный блок, которые поставил рабочим партиям Асанья: пропорция кандидатур — шесть буржуазных кандидатов (Левая республиканская партия, Республиканский Союз и Национал-республиканская партии) на каждых двух социалистов, независимо от пропорции масс социалистического и буржуазно-республиканского электората, и невмешательство социалистов в дела правительства, за исключением парламентского контроля правительственных действий, осуществляемых только представителями буржуазных партий.

Асанья, несомненно, надеялся — и, добившись этого, он проявил бы свой бесспорный политический талант, — проводить после прихода к власти без прямого посредничества социалистов политику национального типа, что позволило бы ему в какой-то мере заменить неудобную поддержку социалистов поддержкой других сторонников. Под знаком этого рискованного эксперимента грядёт 1936 год

и, учитывая создание республиканско-социалистического блока, некоторые проницательные политические наблюдатели предрекают в этом году второе пришествие Асаньи.

Но поворот руля, произведённый в последнее время социалистической партией, может привести к тому, что социалисты предстанут перед электоратом без буржуазных союзников, и огромное большинство левых избирателей отдаст свои голоса рабочим партиям, а кандидаты левых буржуазных партий потерпят поражение почти во всех округах.

И у нас мы сможем наблюдать универсальный феномен исчезновения либеральных партий. Почему они исчезают? Причина проста: потому что они предали свою судьбу. Настоящей либеральной формой правления был «просвещённый деспотизм». Может быть, с его помощью удалось бы поднять уровень жизни масс, неспособных освободиться своими силами с того момента, как это освобождение стало необходимым. Но либералы, чтобы польстить массам, дошли до того, что стали подчиняться тому, что говорят сами массы, а то, что они говорят, меньше всего похоже на ровный, терпимый и утончённый тон буржуазных революционеров. Массы не признают оттенков. Когда они становятся сильными, они заставляют двигаться вперёд всех, без учёта различий. В наши дни в мире идёт жёстокая борьба между крайними позициями. Демократия, дочь либерализма, избила своего отца. Это ещё не плохо, плохо что открылся путь к тому, чтобы убить и свободу. Защитить её можно только силой, но для этой цели инструментарий либеральных партий не годится. Поэтому они и исчезают.

Союз правых

Правая пресса ежедневно призывает создать предвыборный союз. Но правые партии даже не зондируют почву для создания такого союза, не проявляют ни малейшей склонности к снижению полемического тона, которым они с недавних пор разговаривают друг с другом.

Несмотря на хорошие предпосылки для сближения, легко заметить, что среди правых групп налицо два разных способа понимания того, что такое предвыборый блок. Один это способ г-на Хиля Роблеса. Он отвергает выражение «союз правых», предпочитает «национальный антиреволюционный фронт». Предпочтение, отдаваемое такому названию, открывает более глубокое предпочтение, отдаваемое тому, что это название должно скрыть: после опыта 1933-35 годов, который нанёс серьезный удар по самому г-ну Хилю Роблесу, понятно, что он не хочет снова начинать с того же, что привело к памятной «бескрылой побе-

де». Г-н Хиль Роблес предпочёл бы широкий фронт, в который вошли бы все, чьи взгляды совпадают как минимум в отвержении того, что называется «революцией и её сообщниками», но без тщательной выработки сути компромисса, чтобы он был длительным. Г-н Хиль Роблес хотел бы заставить проглотить горькую пилюлю нынешней реальности, не жертвуя заранее определённой позицией своей партии и свободой маневра, на которую он рассчитывает.

Зато монархисты, осознавая, что позиции г-на Хиля Роблеса ослабли вследствие провала его тактики, стремятся любой ценой к гегемонии, если не численной, то идейной в нынешнем предвыборном фронте — который они без притворства называют «союзом правых» — и к обеспечению этой гегемонии в союзе и после выборов.

Столь противоположные позиции — хотя их могут смягчить хорошие манеры и осознание общей опасности — позволяют предсказать, что создать союз правых будет непросто. Однако, этот союз, несомненно, будет создан, потому что правые хорошо знают, что их ожидает, если этого не произойдёт. Допустим, такой союз будет создан и правые выиграют выборы — что произойдёт на следующий день? Ни более, ни менее как следующее: парламентские группы правых столкнутся с той трудностью, что одна из их групп, усилившаяся после выборов, не может войти в правительство республики, потому что её не признаёт. Единственной возможной правящей силой останется, как и сейчас, СЕДА, с меньшим числом депутатов, чем в нынешних Кортесах. И тогда СЕДА снова начнёт составлять правительственные коалиции с умеренными партиями режима (и повториться глупая двухлетка) или будет править одна, опираясь на безусловную поддержку монархистов. Разве такой вариант не осуществим? Но монархисты начнут выдвигать реакционные требования, чувствуя себя политическими арбитрами, свободными от прямой ответственности членов правительства. В итоге СЕДА будет вынуждена оттолкнуть этих неудобных союзников, или испанская политика, отклонившись от современной ориентации, зайдёт в тупик, выходом из которого может быть только катастрофа.

1936 год

С такими предзнаменованиями мы вступаем в 1936 год. Его милые перспективы таковы: бурные выборы, усиление социалистов в Парламенте, неуправляемые Кортесы и отсутствие — как у правых, так и у левых — большой национальной политики.

«Арриба», № 25, 26 декабря 1935

ФАЛАНГА НАКАНУНЕ ВЫБОРОВ 1936 ГОДА

Речь, произнесённая в мадридском кинотеатре «Европа» 2 февраля 1936

Мы впервые встречаемся в обстановке предвыборной кампании. Мы не правые и не левые, мы знаем, что обе позиции неполны, недостаточны, но мы знаем также, что в рядах правых и левых собран весь человеческий материал, каким располагает Испания. И мы должны с благожелательностью изучить программы тех и других, чтобы посмотреть, нет ли в них чего-то полезного.

Программу левых изучать легче, в ней всё расписано по пунктикам. Первую часть её составляют чисто предвыборные приманки, перечень благодеяний, которые должны превратить Испанию в блаженную Аркадию, непонятно только, каким образом. Налицо противоречивое сочетание увеличения расходов на здравоохранение, школы, пути сообщения с одновременным снижением налогов. Никто не знает, как увеличить расходы, снизив налоги. Эта часть рассчитана на ловлю простодушных избирателей, не обладающих критическим умом. Вторая часть касается социальных проблем, но её терминология — самая консервативная. В ней нет ни слова о национализации земли и банков, о рабочем контроле, о каком-либо социальном прогрессе. А третья часть программы левых лишает нас всяких надежд на объединение в национальном духе. Будет восстановлена во всей полноте система автономий, провозглашённая Учредительными Кортесами, снова начнутся преследования, доносительство, унижения личности, как в первую двухлетку…

… Ясно, что подлинная суть манифеста левых не в одной из трех его частей, а в его общем духе. Этот манифест рассчитан на переходный период, когда сильная, многочисленная масса пролетарских партий будет мирно сосуществовать с буржуазными партиями. Потом их быстро выкинут, но пока пусть порадуются.

Это не какое-то опрометчивое суждение. Многие из вас знают печатный орган под названием «Реновасьон». Нет, это не орган многоуважаемого дона Антонио Гойкоэчеа, а орган социалистической молодежи, и в нём говорится, что после победы левых на выборах революционная социалистическая партия начнёт строить систему двоевластия. Каждому государственному органу будет придан орган социалистической партии, орган будущего социалистического государства, и, когда обстановка созреет, социалистическая партия, уже проникнув во все ячейки государства, сбросит буржуазную шелуху и останется советское социалистическое государство.

Если бы социалистическая революция сводилась лишь к установлению нового экономического строя, мы бы не тревожились. Но социалистическая революция есть нечто гораздо более глубокое. Это победа материалистического понимания жизни и истории, насильственная замена религии атеизмом, Родины — замкнутым в себе и озлобленным классом, деление людей на классы, а не объединение их в рамках общей Родины; это замена индивидуальной свободы железной дисциплиной государства, регулирующего не только наш труд, как в муравейнике, но и наш досуг. Это разрушение западной, христианской цивилизации. Мы, воспитанные в духе её основных ценностей, не согласны с тем, что она устарела.

А в каком виде предстают перед нами правые? Что они говорят нам в своих манифестах, в предвыборных воззваниях? Если месть это лозунг революционного фронта, то лозунг контрреволюционного фронта — террор. Мести противопоставляется террор и ничего больше. Никакого намёка на великие задачи, ни одного вдохновляющего слова, которое могло бы объединить испанцев. «Долой то, долой это!» Это блеяние стада, напуганного приближением волка. Но нация это не стадо, а творец Истории. Мы не хотим больше слышать крики испуга: мы хотим услышать команду, по которой Испания снова пойдёт решительным шагом по пути своей исторической судьбы.

А криков страха мы уже наслушались в 1933 году. Тогда нам говорили то же самое: «Долой то, долой это! Защитим это! Мы все едины!» На следующий день после выборов испуг прошёл, и никакого общего дела не оказалось. Чтобы делать что-либо сообща, надо иметь одинаковое целостное понимание истории и политики. Это понимание подобно закону любви, оно и без письменной программы подсказывает нам в любой момент, когда обниматься, а когда ссориться...

Партии-победительницы 1933 года не знали закона любви и были едины в одном: ничего не надо делать. Они нуждались в голосах друг друга, и по молчаливому соглашению каждая из них отказалась от самого интересного в своей программе: старые антиклерикалы из радикальной партии превратились в послушных баранов, а СЕДА умерила своё религиозное рвение. Об аграрной реформе, о безработице разрешалось думать что угодно. Аграрная реформа была признана плохой, но её не очистили от недостатков, а просто отменили. После этого Кортесы 1933— 35 годов занялись лечением других болезней.

У нас 700 000 безработных, отцов семейств, которым нечем накормить своих детей. Одни обещали ассигновать на борьбу с безработицей 100 млн. песет, другие — миллиард. Когда приблизилась избирательная кампания, согласились на том, что в Мадриде одновременно будут построены сколько-то домов. Через несколько месяцев, когда эти дома были закончены, строительные рабочие Мадрида остались без дела. Четырехстами с лишним тысячами сельскохозяйственных рабочих, самой многочисленной частью безработных, Кортесы 1933 года вообще не занимались.

Такова ситуация в материальном плане. Посмотрим, что делается в духовной сфере. Наша замечательная армия, которая хранит свои героические традиции, наш флот, наша авиация не имеют ни пушек, ни торпед, ни противогазов. Если разразится война, наши солдаты оставят своим сыновьям печальную память о том, как их отцы героически отдавали жизнь, защищая Родину, которую представляло государство, не снабдившее их средствами защиты.

А в школах детей больше не учат быть испанцами и христианами. Наши школы отравлены марксизмом, который внедрился туда за два года социалистического правительства и не был изгнан оттуда за два года правого правительства.

Возрождается Статут Каталонии. Его можно было бы дать ей, если бы там были изжиты все рецидивы сепаратизма. Если регион пришёл к сознанию единства судьбы Родины, техническая организация управления им не имеет значения. Но если регион утратил это сознание, ему нельзя предоставлять Статут, так как он станет орудием усиления сепаратизма. Учредительные Кортесы не совершили преступления, они просто ошиблись в расчётах, предоставляя Статут Каталонии. Но иллюзию того, что Каталония осознаёт единство испанской судьбы разрушил

мятеж Женералитата 6 октября 1934 года. После этого нет оправдания сохранению Статута, однако Кортесы 1933-35 годов только приостановили его действие, оставив дверь открытой.

Бесплодной была политика этой бесплодной и печальной двухлетки, политика тех людей, которым 6 октября предоставлялась великолепная возможность; они имели тогда в своих руках всю власть, которую оспаривают сегодня 180 кандидатов, как сказал Хулио Руис де Альда, и пользовались полной поддержкой. В этот момент, Когда Испания была спасена от угрозы, надо было сказать: «После того, как мы спаслись от этой огромной исторической опасности, мы должны взяться вместе за выполнение великой задачи». Мы тщетно ждали этого…

… Мы не требуем мести, мы не наслаждались бы видом отрубленных голов или людей, болтающихся на виселицах, но нас возмущает, что ответственными за революции в Астурии и Каталонии оказались лишь сержант Васкес и один несчастный шахтёр.

Всё это бесплодие порождало невыносимый моральный климат, чем воспользовались люди одной старой партии при попустительстве другой. В Испании давно уже не было столь грязных махинаций, как в это время. У нас есть друзья и враги; мы знаем, что во всех партиях есть люди, мнения которых более или менее совпадают с нашими, но даже тех, с кем мы расходимся во мнениях, мы не станем обвинять в бесчестии. Но мы бросаем это обвинение тем людям, которые правили страной на протяжении двух последних лет. Мне памятна та ночь в Кортесах, когда я до шести утра говорил о том, как готовилась кража двух миллионов песет из испанской колониальной казны. В заключение я предложил Кортесам проголосовать белыми и чёрными шарами: к чести ли самих Кортесов покрывать бесчестных людей, вышедших из их среды? Большинство шаров оказались белыми. Этим утром Кортесы совершили самоубийство, они подтвердили, что у них нет чести.

После этих двух бесплодных лет нас опять пугают, как в 1933 году: Вот придёт волк, вот придёт бука. Снова раздаются призывы к «честным, сознательным рабочим», чтобы они не дали обмануть себя тем, кто выдаёт себя за их апостолов. Как будто честные и сознательные рабочие не знают, что, когда они создадут сильные профсоюзы, те, кто сегодня пишет подобные лозунги, не захотят, чтобы рабочие были честными и сознательными. В этих предвыборных листовках говориться обо всём, от поджогов в Астурии до тонн цемента, которые СЕДА намерена израсходовать в процессе выполнения пятилетнего плана, только

не о духовном смысле жизни. Цемент, стройматериалы, зарплата – об этом говорится, но не о распятии в школах, не о Родине, не о национальном единстве. В последнее время стали появляться листовки, полные страха. Материалистическому пониманию жизни не противопоставляется духовное, национальное и христианское, чувствуется один лишь страх за свою собственность. Я уже назвал однажды это явление большевизмом привилегированных. И нас призывают, чтобы спасти Испанию, идти к избирательным урнам. И вы, избиратели Мадрида и всей Испании, потерпите такое издевательство, чтобы вас раз в два года призывали спасти с помощью бюллетеней Испанию и западную христианскую цивилизацию? Как будто Испания и западная цивилизация — вещи столь шаткие, что не устоят без грязных клочков бумаги, бросаемых в урны раз в два года? Это же издевательство! Бюллетени нужны, чтобы продлить существование этой Испании, печальной, с подрезанными крыльями, но на нас в этом деле пусть не рассчитывают. Поэтому мы одиноки, потому что видим, что Испанию необходимо сделать иной, такой Испанией, которая вырвется из тисков озлобленности и страха, найдёт единственный выход — вверх, поэтому наш клич «Arriba Espana!» звучит сегодня как никогда пророчески. Мы хотим, чтобы Испания, пойдя по этому пути, дала своему народу Родину, хлеб и справедливость.

Родина объединяет нас в выполнении великой общей задачи. Испания никогда не оправдывала своё существование, если она не следовала своей мировой судьбе. А сегодня весь мир переживает последние моменты агонии капиталистического, либерального строя. Мир не может больше оставаться прежним, потому что капиталистический либеральный строй нарушил гармонию между человеком и его окружением, человеком и его Родиной. Будучи либеральным, этот строй превратил каждый индивидуум в центр мира, сделал его свободным от каких-либо обязанностей, смотрящим на сосуществование с другими как на театр для проявления своего тщеславия, своих амбиций. У каждого человека нет никакой солидарности с другими. Будучи капиталистическим, этот строй заменил человеческую, семейную, цеховую, муниципальную собственность огромными аппаратами управления, где нет людей, а есть только чины, акции, облигации, кредитные карты. Конец либерально-капиталистической эпохи довёл нас до того, что мы утратили всякие связи, у нас нет ни единой судьбы, ни единой Родины, потому что каждый смотрит на Родину с узкой точки зре-

ния своей партии. Разрушена система экономического сосуществования. Одни, наиболее привилегированные, занимаются свободными профессиями, но они зависят от непостоянной клиентуры, которая поручает им вести судебные дела, делать хирургические операции или строить дома; другие годами сидят в конторах фирм, судьба и преуспевание которых от них не зависят; последние, не имея ни либеральной профессии, ни службы, ни даже своего клочка земли, политого потом, оказываются в отчаянном положении пролетариев, т.е. людей, которые уже продали свою землю, орудия труда и дом, и которым уже нечего больше продавать, кроме своих рабочих рук, и они стоят — я сам это видел — на площадях посёлков в Андалузии, под жарким солнцем, ожидая, что кто-нибудь из прохожих наймёт их на несколько часов. Так в Абиссинии на рынках покупают рабов и верблюдов.

Коммунизм — логическое следствие либерального капитализма. Есть только один способ избежать пришествия коммунизма: иметь мужество разрушить капитализм, и сделать это должны те же самые люди, которых он осыпает своими благодеяниями, если они действительно хотят избежать того, чтобы коммунистическая революция покончила с традиционными религиозными, духовными и национальными ценностями. Если они хотят этого, пусть помогут нам разрушить капитализм и установить новый строй.

Это не только экономическая задача, это задача высокой морали. Надо вернуть людям их экономическую базу, чтобы снова наполнились содержанием их моральные объединения: семьи, корпорации, муниципальные округа. Необходимо снова сделать человеческую жизнь надёжной, как в былые времена. И для решения это великой экономической и моральной задачи условия в Испании — самые благоприятные. Испания меньше пострадала от жестокостей капитализма. Испания отстала с формированием крупного капитала — да будет благословенна эта её отсталость! Испания может первой спастись от хаоса, который угрожает миру. Во все времена организующие слова произносились устами наций. Нация, которая первой произнесёт слова нового времени, станет во главе мира. И мы можем сделать так, что во главе мира снова станет наша Испания. И сознайтесь: разве это не важней, чем выиграть выборы, чем на какой-то момент избавиться от страха?

Ради этой великой задачи мы надели эту униформу; к выполнению этой великой задачи мы призываем вас; ради этой великой задачи, мы, первые и единственные, подняли знамёна национального фронта. Нам это не удалось. То, что было образовано, — совсем иная вещь. Об этом вам уже говорили другие — Раймундо Фернандес Куэста, Рафаэль Санчес Масас, Хулио Руис де Альда. Это не национальный фронт, а его имитация. Мы не за это, мы противопоставляем этому нашу независимую кандидатуру, которая может победить, если вы этого захотите. Последним аргументом против этой кандидатуры служит страх. Нам говорят: «Отделяясь от остальных, вы становитесь сообщниками революции». Во-первых, какой революции? Мы не хотим марксистской революции, но знаем, что Испании нужна своя. Во-вторых, кто нам это говорит? Эти продажные карлики, которые сегодня так расхвастались, что смеют обзывать нас сообщниками революции, тогда как в Астурии, Леоне и везде мы грудью, а не словами остановили коммунистическую революцию и потеряли наших лучших товарищей?

Сегодня часто слышен лозунг: «No pasaran!» «Коммунизм не пройдёт!», «Сепаратизм не пройдёт!» Если кто-то и не пройдёт, то потому что его грудью остановят люди в голубых рубашках, украшенных красными стрелами.

Наконец, какое представление имеют о революции и о коммунизме те, кто призывает всех голосовать за их кандидатуры, чтобы коммунизм не прошёл? Кто им сказал, что революция побеждает с помощью кандидатур? Даже если в Испании одержат победу все социалистические кандидаты, разве смиритесь с таким результатом выборов вы, отцы семейств, дочерей которых будут учить, что стыд это буржуазный предрассудок; вы, испанские военные, которым скажут, что Родины не существует, а солдаты станут нарушать дисциплину, вы, католические священники, чьи церкви превратят в музеи безбожников? И Фаланга не смирится с таким результатом выборов. Голосуйте без страха, не слушайте эти предсказания.

Если результаты выборов будут опасно противоположны вечным судьбам Испании, Фаланга своими силами перечеркнёт их. Если после выборов, победив на них или проиграв, враги Испании, представители материализма, противоречащего духу Испании, снова захотят власть, то Фаланга снова, без бахвальства, но и без уныния, встанет на своём посту, как два года назад, как год назад, как вчера, как всегда.

«Арриба», № 31, 6 февраля 1936

ГОЛОСА ЖЕНЩИН

Беседа с Луизой Триго

Дон Хосе Антонио Примо де Ривера — не феминист. Он заявляет об этом откровенно, основывая свой критерий на своего рода историческом равновесии творческой работы, в которой Ева принимает участие с того момента, как мир стал миром. Ни математика, ни география, ни живопись, ни музыка — словом, ни наука, ни искусство — в своём всемирном прогрессе почти ничем не обязаны женщинам. Вождь Испанской Фаланги без обиняков заявляет, что он — не феминист.

Однако — возражаю я — нобелевская премия по химии в этом году присуждена женщине, г-же Кюри, почти девочке, и её мать тоже её заслужила.

Я оглядываюсь вокруг себя. Большой портрет Муссолини, с эмоциональным посвящением, царит над библиотекой. Круглая, гладкая голова, своевольное выражение лица… Среди книг замечаю томик Троцкого.

— Я не феминист. Поэтому я не сторонник предоставления женщинам права голоса. Немного подумав, он восклицает:

— Я не хочу сказать, что я антифеминист. Те, кто выступает против чего-то, всё равно, против чего, кажутся мне носителями пережитков испанского барства, которое без размышлений, но активно выступает против того, что ему не нравится. Я даже не антимарксист, не антикоммунист — я вообще не «анти». Термины с приставкой «анти» выброшены из моего словаря как затычки, заменяющие идеи.

И, словно демонстративно подчёркивая свой эклектизм, он продолжает:

— Я Вам уже сказал раньше, что отсутствие у женщин, скажем так, творческих способностей побуждает меня не быть феминистом. Более того: меня пугают нынешние творческие фантазии политиков, будто женщины, вмешиваясь в политику, могут сделать её более спокойной, более благоразумной, что ей так необходимо. С этой точки зрения привлечение женщин могло бы стать благом, женщины играли бы роль приливов и отливов, которые, как обручем, сдерживают ускоряющееся вращение земного шара.

— Служили бы тормозом?

— Именно так. Я не доверяю голосам женщин. Но я не верю и в эффективность голосования мужчин. Неспособность к голосованию и у тех, и у других одинакова. Всеобщее голосование бесполезно и даже вредно для народов, которые пытаются решить свои политические и исторические проблемы с помощью голосования. Я не верю, например, что о выгодности или невыгодности того или иного международного союза или о морской политике, которую следует проводить, могут судить массы или их представители. Дон Антонио Маура сделал голосование обязательным. А для чего? В лучшем случае избранные депутаты это господа без собственной воли, орудия партий, не имеющие специализации, чтобы принимать участие в решении трудных и трансцендентальных государственных проблем. Депутаты это не те, кто нужнее всего для страны, а те, кто проявляет наибольшую гибкость, выполняя пожелания вождей, и их не занимают законы, которые надо принять, чтобы направить нацию по определённому пути. Бескультурье массы избирателей в политических вопросах не меньше бескультурья массы депутатов. Списки кандидатов полны неизвестных имён; многие из них попали туда по дружбе и завтра будут представлять в парламенте число, голос, но не разум, не мысль. Я вас уверяю, что накануне избирательной кампании я как никогда убеждён, что прав, отвергая всеобщее голосование, как для женщин, так и для мужчин. Если будет признано необходимым для жизни нации — позвольте мне такую экстравагантность — принудительное голосование, лучшие плоды дадут голоса женщин, а не мужчин. Женщины более рассудительны и практичны, чего мужчинам не хватает. Голоса тех и других были бы адекватны при обсуждении какой-нибудь муниципальной или административной темы.

— Какого Вы мнения о работе женщин в парламенте?

— Я не знаю о такой, то ли потому что её нет, то ли потому что я её плохо изучал. Но если они не сделали ничего, то мужчины сделали почти столько же. Можно сказать, что парламенты республики были бесплодными. Представительство женщин в парламенте будет излишним. Нам не за что их благодарить.

Вождь Испанской Фаланги со скептицизмом, который не согласуется с его моложавой внешностью, заверяет меня:

— Женщины только удвоят своими голосами недостатки голосования мужчин. Не через это идёт путь в будущее Испании. Будет два там, где было одно, или два в одном, как хотите. В сельских округах голосование, кроме того, неискренне. Имущие классы покупают голоса тех, кто от них экономически зависит. И то, что и без того вызывает отвращение, становится ещё хуже.

— Считаете ли Вы, что ситуация сложится в пользу правых, так как женщины этого фланга многочисленней, сильней и богаче?

— Правые, левые... Эти слова имеют мало смысла. Русское [советское -Ред.] государство самое правое в Европе, а советский народ идеологически — самый левый. Но если говорить о них в вульгарном понимании, то правые и левые в Испании это нечто столь разнородное и несовместимое и мало надежды, что они могут чего-то достичь своими силами. Для них важней внешние проявления борьбы, чем внутренние идеалы, такие как идеал Родины. Но может быть, ситуация сложится в пользу т.н. правых.

После он говорит со мной о возможностях более гармоничного строя, о своей концепции государства.

— Война — говорит он непреклонно — неотделима от человека. Её не избежать ни сейчас, ни в будущем. Она существует столько же, сколько и мир, и будет существовать. Это элемент прогресса. Она абсолютно необходима.

— Когда женщины вмешиваются в управление государством, не кажется ли Вам, что они защищают своих детей от войны? Они не хотят, чтобы у них отняли и уничтожили самое дорогое для них, заботу всей их жизни? Они воспитывают в детях ненависть к войне...

— Они только делают их трусами. Война необходима людям. Если Вы считаете её злом, значит, зло необходимо. Вечная битва против Зла кончится победой Добра — сказал Св. Франциск. Война — абсолютная ценность, она неизбежна. Человек чувствует интуитивный, атавистический позыв к ней. В будущем будет то же, что было в прошлом. Разве могут народы жить без войны?

Вождь Испанской Фаланги широко улыбается.

Луиса Триго

Мадридская газета «Ла Вос», 14 февраля 1936

ИНСТРУКЦИИ ВСЕМ РУКОВОДИТЕЛЯМ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ И ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ФАЛАНГИ ХОНС

Оценка политической ситуации

Результаты выборов ни в коем случае не должны нас обескураживать. Фаланга участвовала в них, и вы всё это знаете, просто для того, чтобы использовать великолепную возможность для пропаганды и накопить благодаря избирательной кампании практический опыт. Мы не надеялись получить места в парламенте, это было невозможно при законе о выборах, по которому их завоевывают только два самых сильных кандидата, но выборы позволили нам также со всей ясностью показать независимость нашей позиции, нашу бескомпромиссность и отсутствие какого-либо сходства между нами и правыми партиями. Стремление к этой цели окупилось сторицей: наших кандидатов преследовали, у нас украли много голосов, до последнего момента курсировали злокозненные слухи, что мы сняли наши кандидатуры. Но, несмотря на интриги наших врагов, мы смогли утвердить с большей чистотой, чем когда-либо, линию нашего Движения, которую не спутать ни с какой другой, национал-синдикалистскую, антикапиталистическую и революционную. На практике шла борьба между правыми и левыми, но её результаты нам безразличны. Два года правого правительства и парламента показали абсолютную бесплодность этого фланга. Правые, как таковые, не могли довести до конца никакое дело общенационального значения, потому что противились каким бы то ни было экономическим реформам, особенно аграрной реформе. Но нет нации, пока большая часть народа живёт в нищете и невежестве, а правые, преследуя собственные интересы, выступают за сохранение такого порядка вещей. Наоборот, левые, которые сегодня вернулись к власти, намереваются легко провести смелые реформы.

Вопрос лишь в том, смогут ли они энергично утвердить свой национальный характер и отделаться от марксистских и сепаратистских тенденций. Если это удастся, если революционная мощь социального фактора будет сочетаться с сохранением испанской высокой духовной температуры, то, может быть, период правления левых окажется счастливым для нашей Родины. Впереди много трудностей и, следовательно, есть риск провала, но, пока правящие силы не нарушают предел доверия, оказываемого им, у Фаланги нет поводов воспользоваться недовольством ими.

***

Одно из последствий новой политической ситуации, которое легко предвидеть, это массовый приток в наши ряды людей, ранее принадлежавших к другим партиям, особенно правым. Это численное увеличение, с одной стороны, желательное, создаёт опасность искажения наших идей, если мы допустим, что новые ядра, сформированные учением и стилем, весьма отличными от наших, затопят наши кадры. Пусть все руководители территориальных и провинциальных организаций и ХОНС более бдительно, чем когда-либо, следят за тем, чтобы идеологическая и политическая линия Движения сохранялась в такой форме, которая препятствовала бы любому смешению с группами правых.

Чтобы уточнить критерий, о котором говорится в предыдущих разделах, мы сформулировали следующие конкретные инструкции:

1. Пусть местные руководители проследят за тем, чтобы никто не занимал позицию, враждебную по отношению к нынешнему правительству и не проявлял солидарности с потерпевшими поражение правыми силами. Наши центры должны спокойно и нормально продолжать свою работу.

2. Наши активисты не должны участвовать ни в каких заговорах, планах государственного переворота, в союзах с силами «порядка» и других авантюрах аналогичного характера.

3. Следует избегать каких-либо конфликтов. Наши активисты должны воздерживаться в эти дни от каких-либо внешних проявлений своей деятельности. Никто не обязан противостоять манифестациям экстремистов. Но, разумеется, в случаях нападения на наши центры или агрессии против наших товарищей, необходимо защищаться с эффективностью и энергией, как того требует честь Фаланги.

4. С тех, кто вступает в наши ряды и находится в благоприятной экономической ситуации, надо взимать вступительный взнос не менее 15 песет.

5. Никоим образом руководящие посты не могут быть доверены новичкам, пока они не проведут в рядах Фаланги не менее четырёх месяцев и не усвоят с достаточной полнотой её стиль и доктрину.

***

В настоящий момент мы не можем сформулировать иных предостережений. Инструкция для всех: спокойствие, доверие к руководителям и непоколебимая вера в судьбы нашего Движения.

¡Arriba España! («Воспрянь, Испания!» — *Ред.*)

Мадрид, 21 февраля 1936 г.

Национальный вождь
Хосе Антонио Примо де Ривера

КАТАЛОНИЯ И 6 ОКТЯБРЯ

Самое серьёзное из того, что произошло за эти дни, это головокружительный марш каталонских сепаратистских партий к тому, чтобы вновь обрести полное господство, но, может быть, ещё хуже — равнодушие испанцев к этому явлению.

Нельзя делать вид, будто не было 6 октября. Оно было и оно победило, 6 октября, день, когда раздался клич «Каталония, к оружию!» направленный против Испании.

У власти те же люди. А на улицах восторженно приветствуют тех, чьи имена напоминают о смерти офицеров и солдат, которые на улицах Барселоны защищали единство Испании.

В ликующей толпе, которая теснилась вокруг Компаньса, ни разу не раздался возглас: «Да здравствует Испания!» Все здравицы были в честь Каталонии и республики, словно было негласное указание не произносить ненавистное имя Испании. В таком же духе будут воспитываться каталонские дети и в итоге они целиком попадут в руки сепаратистов. Но имя Испании не только отчуждённо умалчивается; из душ детей будут мстительно вытравливать то, что сепаратисты называют испанской политикой ассимиляции. Каковы бы ни были требования момента, мы ни на минуту не допустим мысли, что утрата Каталонии это ужасная неизбежность.

Ни за что, ни за какую цену мы не смиримся с потерей испанской земли Каталонии.

«Арриба», № 34, 5 марта 1936

ПО НАКЛОННОЙ ПЛОСКОСТИ

Повторение пройденного

Никто не может сказать, что наша газета враждебно встретила правительство г-на Асаньи (а она имеет больше читателей, чем думает «Политика», и больше, чем сама «Политика»). Мы всегда склонны предполагать в людях почти неограниченную способность учиться и исправлять свои ошибки. Г-ну Хилю Роблесу, например, мы до конца приписывали качества не вульгарного политика, когда многие уже ему в них отказывали. Ровным образом мы были почти единственными, кто на протяжении долгого периода вражды считал г-на Асанью самым значительным человеком в правительстве, призывая его, правда, исправить ошибки его первого этапа при «втором случае», который мы первыми предсказали. Мы предполагали — а как иначе могли думать те, кто считал г-на Асанью разумным человеком? — что, придя снова к власти, он постарается избежать ошибок первой двухлетки. Поэтому мы встретили это событие с благожелательностью людей, увидевших, что их предсказания исполнились, и веривших, что результаты могут быть хорошими.

Несмотря на эту благожелательность, первые шаги правительства не успокаивают сомневающихся. Если нас чему-то научил незабываемый опыт 1931-33 годов, то следующему: можно осуществлять на практике самые смелые шаги в политической и социальной сфере, но невероятная глупость, за которую, в конечном счёте, расплачивается тот, кто её совершает, это унижение отдельных людей. Кто не вспоминает, как о кошмаре, об этой эпидемии доносительства, об этом китайском наборе мелких пыток, которые были в ходу на протяжении двух лет правления г-на Асаньи и его министров? В эту пресловутую двухлетку у нас не было впечатления, что мы живём в правовом государстве. Мы все целиком зависели от правительственного и полицейского произвола. Не было дома, который был бы неприкосновенным, свободным от вмешательства, от обвинений со стороны местных

властей, никто не мог быть уверен, даже если он не совершал никакого преступления, что он сегодня будет спать у себя дома, а не в ужасных подвалах Главного управления безопасности. Эта ненадёжность, отсутствие всякой веры в защиту закона злили людей больше, чем сами преследования. Правительство могло бы пойти гораздо дальше в своих реформах общего характера, если бы своими глупостями оно не вызвало бурю протестов.

На этот раз слова, сказанные г-ном Асаньей перед микрофоном, о том, что он понимает, какой груз на себя берёт, казалось, свидетельствовали о более спокойных намерениях. Но есть признаки того, хотя прошло совсем немного времени с тех пор, как это правительство пришло к власти, что эти слова так и останутся словами. Уже начались произвольные аресты, порой совершенно скандального характера, вроде того, о чём пишет наш товарищ Хосе Гомес в этом же номере, обыски, закрытие центров, работающих по закону. Уже охватили всю Испанию неразбериха в связи с назначением своего рода колониальных чиновников, так называемых гражданских губернаторов — изобретение нашей Родины. Скоро штрафы, тюрьма и ссылка будут угрожать тем, кто, по мнению новых пилатов, придерживается взглядов, противоположных точке зрения министров. Повторяются прелести первой двухлетки? Это не пойдёт на пользу тем, кто творит произвол. Его интеллигентность позволяет надеяться, что он обуздает рвение местных властей. В противном случае сам г-н Асанья, а не его подчинённые, окажется в смешной и печальной ситуации человека, дважды ступившего в одну и ту же лужу.

Зрелища

Пока полиция приятно проводит время, занимаясь важным делом, — обнаруживает каждую неделю десяток дубинок в домах членов Фаланги, народное ликование по случаю победы левых выражается публично каждый понедельник и каждый вторник. Самыми значительными празднествами прошлой недели были митинги на площади быков и воскресная демонстрация.

На площади быков говорили коммунисты и сепаратисты, речи которых прерывались бурными аплодисментами. Компаньс и Перес Фаррас, которые в октябре 1934 года покушались на единство Испании, получили удовольствие, услышав аплодисменты Кастилии. Какие тут могут быть комментарии? Для комментариев просто нет слов. Только коллективной патологией можно объяснить восторг испанской публики при виде

расчленения Испании. Бывают болезненные процессы, когда разложение вызывает наслаждение. Испанские массы уже дошли до этой точки?

Если во время речи Компаньса кричали: «Да здравствует свободная Каталония», то во время воскресной демонстрации не раз раздавались крики: «Да здравствует русская [советская — Ред.] Испания!» Одни предпочитают, чтобы Испания исчезла в результате дезинтеграции, другие сулят ей колониальную судьбу. Те, кто приветствует русскую [советскую — Ред.] Испанию, выражают как раз антииспанскую суть коммунизма, который представляет собой гораздо большее, нежели социально-экономическое учение: это фанатичная, сатанинская религия, ценности которой противоположны тем, которые Испания защищала на протяжении своей истории. [Советская] Россия (или Азия) против Европы: вот какова расстановка сил. И говорить «русская Испания» [где подразумевается советская — Ред.] значит отнимать у Испании её европейский облик, лишать её того, что означает Европа как тип цивилизации. Кричать: «Да здравствует [Советская — Ред.] Россия!» значит провозглашать здравицу в честь того, что нас обесценивает, того, что нам угрожает, противоположного тому, что мы представляем собой внутренне. Да здравствует наша деградация! — вот что это означает. А ещё издеваются над теми, кто кричал век тому назад: «Да здравствуют цепи!»

Увольнение рабочих

Другие надеются, что рабочие снова получат работу. Все зависит от того, с какой стороны смотреть. В эти дни десятки тысяч рабочих семей праздновали победу Народного фронта довольно странным образом: сидели без хлеба. Десятки тысяч рабочих, которые совершили тяжёлое преступление: согласились работать 26 месяцев назад, когда другие рабочие, по своей доброй воле, бросили работу и ушли в революцию.

Испанское государство всегда одно и то же. Отождествлять его с правительством или с лицами, выполняющими функции правителей, значит сеять самые опасные семена анархии. В октябре 1934 года испанское государство должно было благодарить тех рабочих, которые продолжали работать в момент наивысшей опасности. Испанское государство управлялось тогда законами, в силу которых было абсолютно законным занятие рабочих мест теми, кто соглашался работать в момент революции.

Изменилось правительство, но не государство. Однако сегодня задним числом изменяется юридический статус этих рабочих. Их выбрасывают на улицу.

И дело этим не ограничивается. Хозяева, которые согласно действовавшим тогда законам сочли вакантными места, освобождённые революционерами, теперь обязаны возместить им ущерб, как будто они были жертвами несправедливых увольнений. Крупным предприятиям надо будет выплатить миллионы, а от мелких требуют такие суммы, что те могут разориться. Это повлечёт за собой вынужденное закрытие предприятий и увеличение безработицы.

Таковы результаты экономической политики, у которой нет никаких критериев. Если мы прочтём программу победившего Народного Фронта, мы увидим, что в экономической области её отличает самый жесткий консерватизм. Её принципы — сугубо капиталистические. Таким образом, правительство не провозглашает замену капиталистического строя другим, цельным, органичным, каким был бы социалистический или синдикалистский строй. Сохраняется капитализм, но подсыпается песок в его подшипники, чтобы посмотреть, не испортится ли эта машина. В результате не создаётся революционная экономика, которая, возможно, была бы лучше существующей, а существующая уже не держится на ногах: возникает просто экономический хаос.

Пружины власти

Совершенно ясно, что характер демонстраций последних дней определяли коммунисты. После выборов они имеют уже не одно место в Кортесах, а тринадцать. Коммунистическое влияние на социалистическую молодёжь и на профсоюзы становится все более сильным. Так они постепенно дойдут до абсолютного преобладания.

Было бы крайне наивным предполагать, что коммунистическая партия и её союзники будут довольны тем, что в Кортесах столько представителей презираемой ими мелкой буржуазии. И не приходится разоблачать какие-то тайные планы; экстремистские социалистические органы, такие как еженедельник «Реновасьон», заявляют без обиняков, что в период буржуазной республики социалистическая партия будет дублировать государство, чтобы легче было разорвать оболочку официального государства, когда настанет момент превращения его в Советское государство [здесь автор сам использует исторически и идеологически точное название — Ред.].

Штурм власти коммунистами и социалистами это событие, которое можно предсказать с математической точностью. И честь республиканского государства заключается сегодня в том, чтобы предотвратить этот штурм. Направлены ли на это меры, предпринимаемые правительством Асаньи? Ничто не говорит об этом. Под предлогом восстановления народных собраний или республиканизации тех или иных учреждений в руки социалистов и коммунистов отдаются самые важные рычаги власти. То, что происходит с народными собраниями, изумляет: в них представлены не те, кто избран народом (это правило имеет столько исключений, сколько захотят гражданские губернаторы), а те, кого назначают, если народное собрание не нравится революционерам, избирательные комиссии. И получается так, что избирательные комиссии как и редкие уважающие себя народные собрания оказываются в руках социалистов и коммунистов.

Когда разразится коммунистическая революция, алькальды большинства испанских деревень, располагая властью над общественными силами, которую даёт им закон, встанут на сторону революции и против государства. Отдаёт ли себе в этом отчёт господин Асанья? Может быть, ему уготована участь Керенского?

«Арриба», № 34, 5 марта 1936

ГОЛОС ВОЖДЯ ИЗ ТЮРЕМНОЙ КАМЕРЫ

Не теряйте мужества! Знайте, что в своих старых центрах Фаланга остаётся твердой при любых переменах погоды и что в эти часы коллективного уныния она реабилитирует своей боевой отвагой национальное достоинство испанцев.

Как заявляла Фаланга ещё до выборов, борьба шла уже не между правыми и левыми, попеременно сменявшими друг друга. Правые и левые — это неполные и бесплодные ценности. Правые, поскольку они игнорируют неотложные экономические нужды нашего времени, лишают человеческого тепла свои религиозные и патриотические призывы, а левые, закрывая души народа для всего духовного и национального, низводят экономическую борьбу до уровня жестокой схватки хищных зверей. Сегодня противостоят друг другу два целостных мировоззрения. Какое бы из них ни победило, оно изменит привычный ход вещей. Либо победит духовное, западное, христианское, испанское понимание жизни, которое предполагает служение и самопожертвование, но признаёт личное и национальное достоинство, либо победит русское [советское — Ред.], материалистическое понимание жизни, которое мало того, что подчинит испанцев жестокому игу Красной армии и неумолимой полиции, разделит Испанию на местные республики — Каталонию, Басконию, Галисию — при посредничестве России [Советской — Ред.]. Россия через коммунистическую партию, которая действует по её инструкциям и за её золото — была подлинным двигателем испанского Народного Фронта. Выборы выиграла Россия [Советская — Ред.]. У неё всего 15 депутатов, но крики, приветствия, уличные демонстрации, преобладающие цвета и символы — типично коммунистические. Коммунисты распоряжаются на улицах; в эти дни коммунистические группы подожгли в Испании сотню домов, фабрик, церквей, безнаказанно убивали людей, свергали представителей власти и назначали новых. А бедные мелкие буржуа, которые воображают себя министрами, поощряют их, скрывают их бесчинства, подвергая цензуре прессу.

***

Мелкобуржуазное правительство капитулировало менее чем за месяц своего существования. Вот краткий итог его работы:

1. Амнистия. Может быть, она была полезной. Кроме того, она была справедливой по отношению к тем, кем управляли, кого вводили в заблуждение, тогда как вожаки пользовались безнаказанностью. Но правительство не смогло дать её своевременно, по своей инициативе, а было вынуждено её дать, когда толпы во многих местах уже осуществили её собственными руками.

2. Статут. И в этом случае всё делалось наспех. Дополнив согласие Постоянной комиссии решением, поспешно вынесенным под диктовку послушным Судом конституционных гарантий, Асанья хочет купить ценой единства Испании помощь каталонцев против марксистов. Но в момент победы марксистов он столкнётся с тем, что Каталония, равно как и Галисия, Баскония и Валенсия — четыре региона, отметим это для себя, где социализм не так силён — выйдут за национальные рамки, чтобы создать отдельные националистические государства. Это будет означать исчезновение Испании и смерть в изоляции её внутренних земель.

3. Народные собрания и депутации. Это были не резервы, оставшиеся с 12 апреля, а депутаты, назначенные свободно, во многих местах те, кто был желателен для коммунистов и социалистов, т.е. сегодня большая часть местных властей, которым подчиняются силы общественного порядка, могут повернуться против государства, если коммунисты захотят захватить власть.

4. Увольнение рабочих. Тысячи рабочих, нанятых согласно национальному законодательству, были выброшены на улицу, чтобы их заменили те, кто, согласно республиканским законам первой двухлетки, потерял свои места в октябре 1934 года. Кроме того, последним должен быть возмещён ущерб, как если бы они были жертвами несправедливых увольнений. Это разорило многие предприятия и увеличило безработицу.

5. Притеснения. Между тем, правительство повторяет с невероятной глупостью то, что было в обычае во время первого этапа правления Асаньи. Полиции дано право вторгаться в дома тех, кого считают политически неблагонадёжными: всё чаще производятся обыски, перлюстрация, произвольные аресты. Есть люди, которые уже больше двух недель томятся без связи с внешним миром в мрачных подвалах Главного управления безопасности, сравнимых со средневековыми тюрьмами.

6. Экономическая катастрофа. Вместо того, чтобы в соответствии с духом времени использовать интеграционные методы государственного управления экономикой на основе частной инициативы, сверху поощряется управление экономикой крупными ка-

питалистами, а внизу царит бюрократическая неразбериха, которой пользуются марксисты, т.е. вместо того, чтобы заменить капиталистическую экономическую систему другой, столь же целостной, сохраняется капитализм, но в шестерни его машины подсыпают песок.

7. Общественные беспорядки. Несмотря на цензуру, все знают, что произошло в Аликанте, в Гранаде, в Толедо, в Кадисе, в Вальекасе и в самом центре Мадрида, в двух шагах от Министерства внутренних дел. Сотни тысяч испанцев слышали призывы к поджогам. Сотни семей носят траур по своим убитым родственникам. Публичному оскорблению подвергаются военные. Бесчисленные села и города Испании, не имеющие связи с внешним миром, стали жертвами грабежей в эти дни.

Что должны перед лицом всего этого делать испанцы? Трусливо ждать, пока исчезнет Испания? Надеяться на иностранное вмешательство? Только не это! Чтобы избежать этого последнего позора, должна подняться, твёрдая, как никогда, её гвардия, Испанская Фаланга ХОНС.

В то время как столько пузырей лопнули при первых же враждебных ударах, Фаланга, преследуемая, без денег, остаётся единственной организацией, которая сохраняет радостную веру в возрождение Испании и выступает сплочённым фронтом против убийств и произвола. Более чем к кому-либо обращены эти слова к вам, наши товарищи во всех уголках Испании, окружённые молчанием подконтрольной прессы, страдающие от жестокостей мстительных варваров, от несправедливости смехотворных губернаторов и алькальдов. Не теряйте мужества! Знайте, что в своих старых центрах Фаланга остаётся твердой при любых переменах погоды и что в эти часы коллективного уныния она реабилитирует своей боевой отвагой национальное достоинство испанцев.

В предвыборной пропаганде я говорил, что Фаланга не признаёт, пусть даже одобренной всеобщим голосованием победы того, что означает разрушение Испании. Сегодня «это» победило, сегодня власть находится в бездарных руках нескольких больных людей, способных, из мести, предать свою Родину развалу и пламени, Фаланга выполняет своё обещание и призывает вас всех — студентов, интеллигентов, рабочих, военных, испанцев — к опасному и радостному делу Реконкисты. Воспрянь, Испания!

От имени Испанской Фаланги ХОНС — национальный вождь Хосе Антонио Примо де Ривера

Листовка, написанная Хосе Антонио
в подвалах Главного управления безопасности
14 марта 1936

ШУМ И СТИЛЬ

Теперь оказывается, что мы, фалангисты, предпочитали работать в подполье, а не вести открытую пропаганду. Я надеюсь, что Мигель Маура не берёт за основу для своих обвинений те дни, в которые мы живём, потому что, если бы он так делал, мне пришлось бы отказаться от презумпции его добросовестности. Сегодня, когда наши центры закрыты, пресса запрещена и трибуны молчат, нам приходится это делать по обстоятельствам, не зависящим от нашей воли, чего не может не знать ни Маура, ни кто-либо другой. А раньше? Мы прошли через тяжкие испытания. За год, который предшествовал 16 апреля, против ветра и волн, потому что и министры того правительства старались сделать жизнь для нас невозможной, мы выпускали еженедельник, провели около двухсот митингов, открыли центры во всех провинциях Испании, напечатали три миллиона листовок и, наконец, выдвинули более сорока кандидатур на всеобщих выборах. Я считал, что всё это не было подпольной деятельностью. Теперь я вижу, что ошибался. Что же знает о нашем Движении средний испанец, если столь бдительный политик как Мигель Маура, решившись написать о нас благожелательно, даже не знает, каковы наши ориентиры в жизни? Более того: он не знает даже, как мы называемся. Он говорит, что наш фашизм не имеет ничего общего с итальянским, кроме названия. Но именно этим словом мы себя не называем и никогда не называли: никогда мы не называли себя фашистами, ни в забытых теперь разделах второстепенных официальных документов, ни в самых мелких пропагандистских листовках. Увы! Нас так плохо знают в родной Испании! Нет бы послушать нас внимательно хотя бы один раз!

В то время как нам приписывают эмоциональное восприятие реальности, мы считаем своим долгом сохранять, прежде всего, даже в самые ожесточённые моменты борьбы интеллектуальную строгость и стиль: это почти одно и то же. Нас ужасало, что наше появление сопровождало невнятный лепет о фашизме или

чем-то похожем из-за наших приветствий, паролей и наличия у нас несколько десятков пистолетов. Если бы Мигель Маура был настолько любезен, что прочёл бы тексты некоторых моих выступлений, начиная с речи 29 октября 1933 года в театре комедии и кончая речью, произнесённой в воскресенье накануне последних выборов; если бы он прочёл статьи, опубликованные в газете «Арриба», в большинстве случаев анонимно, моими товарищами с наиболее ясными головами, он заметил бы, что наше Движение — единственное испанское политическое движение, постоянно заботящееся о том, чтобы отыскать начало начал. Мы начали с того, что задали себе вопрос: Что такое Испания? Кто до нас смотрел на неё как на единство судьбы? Если бы Мигель Маура проанализировал бы эту концепцию, он увидел бы, что она объясняет Испанию и с имманентной и с трансцендентной стороны; что она объединяет в высшей гармонии региональное разнообразие, столь опасное в руках националистов-раскольников, как опасен и бравурный патриотизм плохого оркестра. Начав с вопроса, что такое Испания, мы создали поэтичную и точную систему, достоинство которой, как и всех цельных систем, в том, что она освещает все вопросы, возникающие в зависимости от обстоятельств. Фаланга — единственная национальная партия, которая опирается на доктрину, строго разработанную до последней запятой и сформулированную в 27 пунктах. Эта доктрина, а не набор рецептов для решения конкретных проблем. Такие наборы есть почти у всех, а у нас его, слава Богу, нет.

Но вы бы слышали, каким насмешкам подвергался этот систематический подход! Когда я выступал в Палате депутатов и говорил о революции в Астурии с исторической точки зрения, господин Хиль Роблес назвал меня «эссеистом». Если бы Мигель Маура знал, с каким сарказмом звучали эти слова из уст господина Хиля Роблеса.

Благодаря тому, что мы вели себя как «эссеисты», не сотворили себе кумира из действия, не вели шумную и тщетную пропаганду в духе того, что Рафаэль Санчес Масас назвал «риторикой действия», мы, как я считаю, предохранили наше дело от многих неудач. Какими тяжёлыми были бы для нас нынешние времена, если бы мы не пережили уже боевое крещение! Я имею в виду не внешние трудности, такие как заключение в тюрьмы и прочие неприятности. Всё это преходящие сложности. Я имею в виду страшный риск искажения идей. Сегодня все превратились в фашистов. Это похоже на бег наперегонки кандидатов в диктаторы. Люди, занимающие самые разные позиции, перемигиваются, порой непристойно, и ждут, когда же пленённая этими политическими донжуанами Фаланга позволит им увлечь себя. Но Фаланга, не зная, почему, — подобные качества, обретённые на поэтическом, почти религиозном пути не могут быть словесно выражены всеми верующими. Фаланга, не зная, почему, обнаруживает в своих ухажёрах неуловимый гротескный оттенок. Их напыщенная болтливость, бесстыдство, с которым они бросают на ветер самые деликатные и торжественные слова, их потребность в достижении практических результатов, их неспособность доходить до первоначал… Из-за всего этого болтовня подобных претендентов звучит для Фаланги как какой-то чужой и притом подозрительный язык. То, что при общении между собой мы выражаем в словах, превращается в потоки чужеродных звуков. Этот стиль новоявленных вождей чувствуется за версту, поэтому мы постоянно заботимся о стиле.

Сегодня мы слышим каждый день: «Родина», «Армия», «Антимарксизм», «Тоталитарное государство», «Я объявляю себя фашистом» и т.п. Но всё это словоизвержение, сплошной гам и непонятно, какому математическому закону и какому закону любви они подчиняются. Всё это больше похоже на приглашение на бал-маскарад, чем на приглашение принять участие в религиозном и военном деле, творить историю.

Поэтому, могу заверить Мигеля Мауру, что я смотрю на гонки этих дней с невозмутимым спокойствием. И когда мне бросают в лицо, справедливо или нет, обвинения, что я мало уделяю внимания пропаганде в газетах, на плакатах, по радио, поездкам на автомобилях, произнесению речей, я думаю: Может, это и к лучшему.

Цензура запретила в апреле 1936 году публикацию этой статьи в газете «Информасьонес». Она появилась в газете «Балеарес» 6 января 1940

ПИСЬМО ИСПАНСКИМ ВОЕННЫМ

I. Накануне вторжения варваров

Есть ли среди вас, испанские солдаты и офицеры сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил ещё кто-нибудь, кто выступает за невмешательство военных в политику? Так можно и должно было говорить, когда политика сводилась к борьбе между партиями. Меч военных не призван был решать их проблемы, как правило, не очень высокого уровня. Но сегодня мы имеем дело не с внутренней борьбой. Речь идёт о самом существовании Испании как единого целого. Риск сегодня равнозначен иностранному вторжению, и это отнюдь не риторический образ. Чужеродный характер движения, которое охватывает Испанию, выражается в приказах, которым оно подчиняется, в его лозунгах, целях и сути.

Приказы поступают извне, из [коммунистической — Ред.] Москвы, точно такие же, как приказы другим народам. Вы видите, как во Франции в соответствии с советскими инструкциями был образован Народный Фронт, в точности по тому же шаблону, как в Испании. Вы видите, как у нас — о чём говорят люди, знакомые с этими махинациями — было объявлено перемирие до точной даты окончания французских выборов, и в тот же день, когда беспорядки в Испании уже не могли повлиять на решение французских избирателей, снова начались поджоги и убийства.

Вы слышали на улицах не только крики «Да здравствует Россия!» и «Россия — да, Испания — нет!», но и чудовищно бесстыдный лозунг «Смерть Испании!» (За такие крики ещё не наказан никто, зато за крики «Да здравствует Испания!» или «Воспрянь, Испания!» уже брошены в тюрьмы сотни людей). Если бы эта ужасная истина не была известна всем, писать об этом значило бы рисковать прослыть лгуном.

Цели революции ясны. Социалистическое объединение Мадрида в своей официальной программе требует для регионов и колоний неограниченного права на самоопределение вплоть до провозглашения независимости.

Суть движения — радикально антииспанская («Кларидад», социалистический печатный орган, осмеял Индалесио Прието за то, что тот выступил с патриотической речью). Бесчестие, поощрение коллективной проституции рабочей молодёжи во время праздников на лоне природы, на которых творятся всякие бесстыдства. Подрыв семьи, заменённой свободной любовью, общественными столовыми, облегчением разводов и абортов (вы ещё не слышали, как испанские девушки кричали в эти дни: «Дети — да, мужья — нет!»?). Отрицание чести, которой всегда определялись дела испанцев, даже в низших слоях. Сегодня в Испании царит подлость, людей убивают трусливо, набрасываясь сотней на одного, а власти искажают правду. Допускаются грязные оскорбления, а оскорблённым затыкают рот, чтобы они не могли защищаться. Восхваляются предательство и доносы...

Разве это Испания? Разве это испанский народ? Мы живём словно в каком-то кошмаре, старый испанский народ (выдержанный, мужественны, великодушный) словно подменили фанатичным, дегенеративным плебсом, находящимся под наркотическим влиянием коммунистической пропаганды. Наш народ переживал подобные времена только в худшие моменты XIX века, но не с такой интенсивностью, как сегодня. Поджигатели церквей оправдываются тем, будто монахи кормили детей рабочих отравленными конфетами. В каких сатирических новеллах, в которых Испанию пачкали киноварью и сажей, можно найти что-нибудь подобное этому гнусному слуху?

II. Армия — спасительница постоянства

Да, если бы речь шла только о преобладании той или иной партии, армия выполнила бы свой долг, оставаясь в казармах. Но сегодня мы находимся накануне того — подумайте об этом, испанские военные! — что Испания может перестать существовать. Если, следуя приказам, вы останетесь нейтральными в битве этих дней, вы можете проснуться однажды утром и увидеть, что Испания, которой вы служили, лишилась главного, постоянного. Это предел вашего нейтралитета: сохранение главного, постоянного, того, что должны пережить разные партии. Ког-

да само постоянство находится под угрозой, вы уже не имеете права быть нейтральными. Тогда пробьёт час, когда ваше оружие должно вступить в дело, чтобы спасти фундаментальные ценности, нарушив дисциплину, ставшую призрачной. И так было всегда: последнее слово оставалось за оружием. В последний момент — как сказал Шпенглер — всегда находится отряд солдат, который спасёт цивилизацию.

Самым печальным в новейшей истории [здесь именно *русской*, а не *советской* — Ред.] русской армии был тот день, когда её офицеры, нацепив красные банты, предложили свои услуги революционным властям. Вскоре после этого к каждому офицеру был приставлен коммунистами «политический комиссар», а ещё позже многие из них были расстреляны. Вследствие этой капитуляции русских военных Россия перестала быть частью европейской цивилизации. Хотите ли вы такой же судьбы для Испании?

III. Великая национальная задача

Вы имели бы право оставаться глухими, если бы вас призывали подкрепить вашей силой новую реакционную политику. Будем надеяться, что не осталось неразумных людей, которые могут упустить новую (и последнюю) историческую возможность, руководствуясь мелочными интересами. Если такие ещё есть, да обрушится на них вся ваша и наша суровость. Нельзя взывать к высшей чести армии и назначать трагический и торжественный час нарушения уставов, чтобы всё привело лишь к усилению нынешней организации экономики. Нельзя поднимать национальное знамя, чтобы прикрыть им систему, порождающую голод. Миллионы испанцев страдают от него, и покончить с ним необходимо в первую очередь. Для этого перед всем государственным аппаратом должна быть поставлена великая задача национальной реконструкции. Необходимо призвать всех упорядоченно пользоваться тем, что Испания производит и может производить. Это потребует жертв в условиях бедной испанской жизни. Но вы — воспитанные в духе религии служения и самопожертвования — и мы — добровольно ведущие аскетический, военный образ жизни — учим всех радостно приносить жертвы, с радостным лицом людей, отрекающихся от отдельных материальных благ. Мы спасаем вечную совокупность принципов, которые сделали Испанию владычицей полмира в ходе выполнения её всемирной миссии.

IV. Час пробил

Дай Бог, чтобы эти слова выразили со всей серьёзностью высшее значение того времени, в какое мы живём. Может быть, более тяжёлого периода не переживал в новое время ни один другой народ, за исключением русского. В остальных странах государство ещё не было в руках предателей, а в Испании оно в их руках. Нынешние руководители Народного Фронта, верные плану, составленному за рубежом, систематически пресекают всё, что в Испании может оказать сопротивление вторжению варваров. Вы знаете, испанские солдаты сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил, гражданской гвардии, корпуса безопасности и Асальто, что, когда вы отказываетесь выполнять приказы, вы делаете это, подозревая, что, выполняя их, вы совершаете измену Родине. Знаем и мы, те, кого тысячами без суда бросают в тюрьмы, преследуют в их собственных домах, злоупотребляя безмерной полицейской властью, которая роется в наших бумагах, нарушает покой наших семейных очагов, мешает нам жить как свободным гражданам, закрывает наши центры, открытые по закону, вводят цензуру и т.д. Нас преследуют не из-за более или менее серьезных инцидентов, которые ежедневно происходят в тех условиях борьбы, в которых мы живём: нас — как и вас — преследуют, потому что знают, что мы намерены преградить путь красным ордам, стремящимся разрушить Испанию. В то время как порочные барчуки из социалистической милиции устраивают воинственные шествия в своих красных рубашках, наши голубые рубашки, украшенные ярмом и стрелами, символами наших великих дней, конфискуются полицией Касареса и его присных. Нас преследуют, потому что мы — как и вы — мешаем радоваться тем, кто по приказу из [коммунистической — Ред.] Москвы хочет разделить Испанию на независимые советские республики. Но тот же самый рок, который объединяет нас в борьбе против общих врагов, должен объединить нас и в нашем великом деле. Без вашей силы, солдаты, нам будет титанически трудно победить в борьбе. С помощью вашей силы мы одержим решительную победу над врагом. Подумайте о вашей страшной ответственности. То, что произойдёт с Испанией, зависит от вас. Постарайтесь не попасть под власть продажных или трусливых вождей, не поддавайтесь колебаниям и не бойтесь опасности. Коварный враг спекулирует на вашей нерешительности. Каждый день он делает несколько выигрышных ходов. Бе-

регитесь, чтобы, когда наступит момент экстренных действий, вас не парализовала предательская сеть, которая уже на вас накинута. Рвите уже сегодня ваши узы. Формируйте уже сегодня самый крепкий союз, не дожидаясь, пока в него войдут колеблющиеся. Поклянитесь вашей честью, что вы отзовётесь на сигнал к бою, который прозвучит уже скоро.

Когда ваши дети оденут вашу форму, они унаследуют от вас:

Или позор того, что им будут говорить: «Когда ваши отцы носили эту форму, перестало существовать то, что было Испанией».

Или гордость при воспоминании: «Испания не погибла, потому что мой отец и его товарищи по оружию спасли её в решающий момент».

И повторите слова старой клятвы: «Да вознаградит нас Бог, если мы это сделаем, и пусть он спросит с нас, если мы этого не сделаем». Воспрянь, Испания!

Тайная листовка, написанная Хосе Антонио в мадридской образцовой тюрьме 4 марта 1936

ВСЕМ РУКОВОДИТЕЛЯМ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ И ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Срочно и крайне важно

До сведения национального вождя дошли сообщения о множестве махинаций в пользу подрывных движений более или менее неясного характера, которые развиваются в различных провинциях Испании.

Большая часть руководителей наших организаций, как и следовало ожидать, поставила своё руководство в известность о предложениях, которые им были сделаны, и ограничились в своей политической деятельности выполнением инструкций своего руководства. Однако некоторые, от излишнего рвения или опасного простодушия, принялись строить планы деятельности на местах, компрометируя своих товарищей участием в определённых политических планах.

В большинстве случаев подобная деятельность провинциальных товарищей основывалась на той вере, которую заслуживают военные, приглашавшие их принять участие в заговоре. Но здесь необходимы некоторые пояснения.

О том уважении, которое Фаланга питает к армии, говорилось уже не раз, и сегодня какие-либо добавления к этому излишни. Со времён публикации программы из 27 пунктов говорилось о нашей надежде на то, что, по образу армии — весь стиль жизни в Испании станет военным. Кроме того, в недавние памятные дни армия разделяла опасности с нашими товарищами.

Но восхищение армией и глубокое уважение к ней, как к жизненно важному органу Родины не означает согласия с любой идеей, любым словом и проектом, которые исходят от кого-либо из военных или от какой-либо группы военных. Именно в области политики Фаланга — которая ненавидит угодничество, потому считает его унизительным для того, кто угодничает, — не считает себя менее подготовленной, чем военная среда. Политическое об-

разование военных таково, что они обычно отличаются самым благородным простодушием. Место, которое армия сама отвела себе в области политики, сделало военных, как правило, идеологически беззащитными перед партийными шарлатанами и карьеристами. Часто посредственный политик завоёвывает большой авторитет среди военных всего лишь потому, что он бесстыдно манипулирует понятиями, глубоко укоренившимися в душе военных.

Поэтому политические проекты военных (за исключением, разумеется, тех, которые разрабатываются хорошо подготовленным меньшинством, существующим и в армии) обычно не украшены цветами благоразумия. Эти проекты почти всегда заключают в себе изначальную ошибку: веру в то, что все беды Испании порождены нарушением внутреннего порядка и исчезнут, как только к власти придут вышеупомянутые шарлатаны, не имеющие никакого исторического сознания, никакого подлинного образования и никакого мужества, чтобы направить Родину на великие пути её судьбы.

Участие Фаланги в одном из таких искренних, но незрелых проектов наложило бы на неё тяжелейшую ответственность и привело бы к её полному исчезновению даже в случае победы. Почти все те, кто втягивает Фалангу в такого рода дела, считают её не целым, объединённым единой доктриной, не силой, способной полностью взять на себя управление государством, а вспомогательным ударным отрядом, штурмовиками, молодёжной милицией, годной лишь для того, чтобы на следующий день после победы маршировать перед хлыщами, вознесёнными к власти.

Все наши товарищи понимают, до какой степени оскорбительно для Фаланги, когда ей предлагают принять участие в качестве статистов в движении, которое приведёт не к созданию национал-синдикалистского государства, не к решению огромной задачи перестройки Родины по проекту, намеченному в наших 27 пунктах, а к возвращению к власти консервативной буржуазной посредственности (которой Испания уже вдоволь налюбовалась), издевательски украшенной кордебалетом наших людей в голубых рубашках.

Поскольку такая перспектива не устраивает ни одного добропорядочного активиста, данный циркуляр предписывает всем в обязательном порядке следующее:

1. Любой руководитель, какое бы место он ни занимал в иерархии, которому военные или гражданские лица предлагают принять участие в заговоре, мятеже и тому подобных авантюрах,

должен ограничиться ответом, что он не может принимать участие ни в чём и не позволит этого своим товарищам без четкого приказа центрального руководства и, следовательно, высшие органы руководства движением, которые рассчитывают на участие Фаланги, должны обратиться со своим предложением непосредственно к национальному вождю и искать взаимопонимание именно с ним или с лицом, которое он назначит своим приказом. [*Мятеж военных во главе с генералом Франко начался 17 июля, то есть вскоре после этого обращения Хосе Антонио.— Ред.*]

2. Любой руководитель, какое бы место он не занимал в иерархии, если он заключит местные пакты с военными или гражданскими лицами без чёткого приказа национального вождя, будет немедленно исключён из Фаланги и о его исключении будет объявлено всеми средствами, имеющимися в нашем распоряжении.

3. Поскольку национальный вождь хотел бы быть уверенным в выполнении данного распоряжения, он поручает всем руководителям территориальных и провинциальных организаций, чтобы они в самом спешном порядке написали ему в провинциальную тюрьму города Аликанте, где он находится, сообщив ему, что полностью подчиняются требованиям ХОНС. Руководители территориальных и провинциальных организаций, направляя эти письма национальному вождю, не должны подписывать их своими именами, а только называть свою провинцию или соответствующие провинции.

4. Задержка более чем на пять дней с выполнением данных инструкций, считая с даты получения их каждым из руководителей, будет считаться серьёзным нарушением долга теми, кто сотрудничает с движением.

¡Arriba España! («Воспрянь, Испания!» — *Ред.*).

Мадрид, 24 июня 1936

ПОСЛЕДНИЙ МАНИФЕСТ ХОСЕ АНТОНИО

Группа испанцев — солдат и гражданских лиц, не желая быть безмолвными свидетелями полного распада Родины, восстала против предательского, бездарного, жестокого и несправедливого правительства, ведущего её к гибели. [Это событие произошло как раз в день написания последнего манифеста Хосе Антонио — Ред.]

Пять месяцев мы терпели этот позор. Власть захватила банда мятежников. После её прихода к власти не было ни минуты покоя. Ни уважения к домашнему очагу, ни надёжной работы, ни безопасной жизни. В то время, как сборище бесноватых вопило — за неспособностью работать — в Палате депутатов, дома осквернялись полицией (если их не поджигала толпа), церкви подвергались разграблению, добропорядочных людей бросали в тюрьмы по чьему-то капризу на неопределённое время. Закон использовал двойные стандарты: одни для членов Народного Фронта, а другой — для тех, кто к нему не принадлежит. Армия, флот, полиция наводнены агентами [коммунистической — Ред.] Москвы, заклятыми врагами испанской цивилизации. Гнусная пресса отравляет народное сознание и поощряет все худшие страсти, от ненависти до бесстыдства. Нет ни одного села, ни одного дома, которые не превратились бы в ад, где бушует злоба. Оказывается поддержка сепаратистским движениям, усиливается голод и, словно чего-то ещё не хватало для того, чтобы зрелище стало беспросветно мрачным, агенты правительства убили в Мадриде знаменитого испанца, которому его сторонники оказали честь своим доверием и поручили ему общественную должность. Мерзкая жестокость этого последнего злодеяния не укладывается в сознание современной Европы, оно напоминает самые чёрные страницы истории советской ЧК.

Таково зрелище нашей Родины в тот час, когда ситуация в мире ещё раз призывает её свершить свою великую судьбу. Основные ценности испанской цивилизации после веков упадка

снова обретают свой старый авторитет, в то время как звезда других народов, поверивших в мнимый материальный прогресс, клонится к закату, перед нашей старой Испанией, страной миссионеров и воинов, пахарей и моряков, открываются блестящие пути. От нас, испанцев, зависит, пойдём ли мы по ним. От того, будем ли мы едиными, будем ли мы жить в мире, отдавая все силы наших душ и тел общему делу, чтобы сделать нашу Родину великой; великой для всех, а не для горстки привилегированных; великой, единой и свободной Родиной, уважаемой и процветающей. Чтобы сражаться за неё, мы открыто выступаем сегодня против враждебных сил, которые её захватили. Наш мятеж — акт служения испанскому делу.

Если бы мы стремились лишь к тому, чтобы заменить одну партию другой, одну тиранию другой, нам не хватило бы мужества, залога душевной чистоты, для того, чтобы пойти на риск и принять такое крайнее решение. Среди нас есть люди, которые носят славную униформу армии, флота, авиации, гражданской гвардии. Они знают, что их оружие будет служить не какой-то банде, а спасению Испании, которой угрожает опасность. Наша победа не будет победой какой-то реакционной группы и народу не грозит утрата ни одного из его завоеваний. Наоборот, наше дело будет национальным делом, мы сумеем улучшить условия жизни народа — воистину ужасные в ряде регионов — и он разделит с нами гордость вновь обретённой великой судьбы.

Трудящиеся, земледельцы, интеллигенция, солдаты, моряки, защитники нашей Родины! Отбросьте колебания, видя, как она рушится! Идите вместе с нами в поход за единую, великую и свободную Испанию! Да поможет нам Бог! Воспрянь, Испания!

Аликанте, 17 июля 1936 год
Хосе Антонио Примо де Ривера

ЗАВЕЩАНИЕ

Завещание, которое составил и подписал Хосе Антонио Примо де Ривера и Саэнс де Эредиа, тридцати трёх лет, неженатый, адвокат, рождённый и проживавший в Мадриде, сын Мигеля и Касильды (да почиют они в мире), в провинциальной тюрьме Аликанте восемнадцатого ноября тысяча девятьсот тридцать шестого года.

***

Будучи приговорённым вчера к смертной казни, я молю Бога о том, чтобы, если Он всё же не избавит меня от этой участи, позволит сохранить до конца смиренную покорность тому, что мне уготовано, и пусть судит мою душу не по моим заслугам, а по своему бесконечному милосердию.

Меня одолевают сомнения, не будет ли проявлением тщеславия и слишком сильной привязанности к земным делам моё желание дать при этих обстоятельствах отчёт о некоторых моих делах; но, с другой стороны, поскольку многие мои товарищи верили в меня в гораздо большей степени, чем я того заслуживаю (я очень хорошо знаю себя, и пишу эту фразу с покаянной откровенностью) и поскольку я подверг многих из них риску и возложил на них огромную ответственность, мне кажется, было бы крайней неблагодарностью с моей стороны покинуть их без необходимых объяснений.

Нет надобности повторять сегодня то, что я столько раз говорил и писал о том, к чему стремились основатели Испанской Фаланги. Меня удивляет, что и по прошествии трёх лет огромное большинство наших соотечественников продолжает судить о нас, даже не попытавшись понять и не имея о нас ни малейшей информации. Если Фаланга консолидируется и будет существовать долго, я надеюсь, что все будут скорбеть о том, что было пролито столько крови из-за того, что мы не сумели пробить брешь спокойного внимания между злобой одной стороны и антипатией другой. Пусть те, кто пролил кровь, простит мне ту роль, которую я сыграл в развязывании кровопролития, и пусть те мои товарищи, которые раньше меня пожертвовали своей жизнью, примут меня как последнего из них.

Вчера я в последний раз объяснил трибуналу, чем, по моему мнению, является Фаланга. Как и во многих других случаях, я опять ссылался на тексты нашей хорошо известной доктрины. И опять я видел, как многие лица, первоначально враждебные, начинали светлеть сначала от удивления, а потом от симпатии. Мне казалось, что я читаю на их лицах фразу: «Если бы мы знали об этом раньше, мы бы здесь не сидели!» И, разумеется, и нас бы здесь не было, и я не стоял бы перед народным судом, и другие не погибали бы на полях Испании. Но уже было поздно избежать этого, и я ограничился тем, что воздал должное верности и отваге моих дорогих товарищей, чем снова привлёк к ним внимание их врагов.

К этому я стремился, а не к тому, чтобы заслужить мишурной бравадой посмертную славу героя. Я не брал на себя ответственность за всё и не оправдывался, пользуясь каким-либо романтическим шаблоном. Я защищался, используя лучшие приёмы моей адвокатской профессии, которую я глубоко любил и усидчиво изучал. Может быть, после моей смерти не будет недостатка в комментаторах, которые будут упрекать меня за то, что я не предпочёл фанфаронаду. Каждому своё. Для меня, хотя я не был главным действующим лицом в том, что происходило, было бы чудовищным и фальшивым оставить без защиты жизнь, которая могла быть полезной и которую Бог даровал мне не для того, чтобы я сжёг её в пламени тщеславия, как замок бенгальских огней. Я не опустился до предосудительного лукавства и никого не скомпрометировал своей защитой, наоборот, помогал моим братьям, Марготу и Мигелю, которых судили вместе со мной и которым грозила высшая мера. Но, по долгу защитника, я не только кое о чём умолчал, но, когда обвинения были основаны на одних подозрениях, я умышленно выделял их в особую область, которую наметил для этой цели, и заявлял, что, на мой взгляд, подозрения совершенно не доказаны, и что, если я действительно хотел в душе объяснить свои действия ожесточением, вызванным одиночеством, то теперь, перед лицом смерти, таких желаний у меня не может и не должно быть.

Мне остаётся дать объяснение ещё по одной теме. В условиях полной изоляции ото всех внешних связей, в которых я жил с недавних пор, после начала войны, единственным просветом был визит одного журналиста из США, который, с разрешения местных властей, попросил меня в первых числах октября сделать ряд заявлений. После того, как я через пять или шесть дней познакомился с обвинительным заключением, я не мог получить сведений о заявлениях, которые мне приписывались, поскольку не имел доступа ни к газетам, которые исказили их на свой лад, ни к каким-либо иным источникам. Теперь, прочтя их, я заявляю, что среди тех разглагольствований, которые выдаются за мои, причём мои мысли истолковываются более или менее верно, есть одно высказывание, которое я полностью отрицаю: будто я порицал моих товарищей-фалангистов за их сотрудничество с мятежниками, в числе которых «иностранные наёмники». Я никогда не говорил ничего подобного и вчера категорически заявил об этом перед трибуналом, хотя это заявление не пошло мне на пользу. Я не могу оскорблять военных, которые героически служили Испании в Африке. И я не могу отсюда бросать упрёки товарищам, хотя, я не знаю, правильно или нет действуют сегодня, но уверен, что они наилучшим образом истолковывают мои указания и то, чему я их всегда учил. Да позаботится Бог о том, чтобы их пламенная искренность никогда не была использована ради иных целей, кроме великой Испании, о которой мечтает Фаланга.

Дай Бог, чтобы моя кровь была последней испанской кровью, пролитой в гражданских неурядицах. Дай Бог, чтобы обрёл мир испанский народ, столь богатый добрыми качествами, чтобы он обрёл Родину, Хлеб и Справедливость.

Полагаю, мне не надо больше ничего говорить о моей общественной жизни. Что касается моей скорой смерти, то я ожидаю её без бахвальства, потому что ничего нет радостного в том, чтобы умереть в мои годы, но и без протеста. Бог, Господь наш, знает, что я приношу себя в жертву. Чтобы частично искупить тот грех, что я в моей жизни нередко бывал эгоистичен и тщеславен. Я от всей души прощаю всех, кто нанёс мне вред и оскорбления, без каких-либо исключений, и прошу прощения у всех, кому я нанёс обиды, большие или маленькие. Покончив с этим, я перехожу к выражению моей последней воли.

Пункты завещания

Первое. Я хочу быть похороненным согласно обрядам римской апостольской католической религии, которую я исповедую, в освященной земле под сенью Святого Креста.

Второе. Назначаю моими наследниками с равными долями четырёх моих братьев и сестер: Мигеля, Кармен, Пилар и Фернандо Примо де Ривера и Саэнс де Эредиа с правом на дополнительные доли, если кто-нибудь из них умрёт раньше меня, не оставив потомства. Если же оставит, к потомкам перейдёт в равных долях часть, предназначенная моему брату или сестре, если они умрут раньше. Это распоряжение действительно и в случае смерти моего брата или сестры до подписания мною этого завещания.

Третье. Я не приказываю делать это по закону и не накладываю на моих наследников никаких юридических обязательств, но прошу их:

а) Чтобы они позаботились при дележе моего имущества о благополучии нашей тёти Марии Хесус Примо де Ривера и Орбансха, чью материнскую самоотверженность и нежную заботу о нас на протяжении 27 лет мы должны вознаградить не одними благодарностями.

б) Чтобы в память обо мне некоторые мои вещи и предметы обихода были переданы моим товарищам по несчастью: Рафаэлю Гарсерану, Андресу де ла Куэрда и Мануэлю Сарриону, моим верным друзьям на протяжении многих лет, таким надёжным и таким терпеливым со мной, что не всегда было легко. Их и всех остальных я благодарю и прошу их, чтобы не поминали меня лихом.

в) Чтобы они раздали и другие мои личные вещи моим лучшим друзьям, которых они хорошо знают, особенно тем, которые долго делили со мной радости и печали нашей Испанской Фаланги. Они и остальные товарищи занимают в эти минуты в моём сердце место братьев.

г) Чтобы они отблагодарили старых слуг нашего дома, верностью которых я восхищаюсь и прошу у них прощения за доставленные им неприятности.

Четвёртое. Назначаю моими заместителями и распределителями моего наследия сроком на три года с максимальными полномочиями самых близких друзей всей моей жизни Раймундо Фернандеса Куэсту и Мерело и Рамона Серрано Суньера, которых особо прошу:

а) Чтобы они просмотрели мои личные бумаги и уничтожили все, имеющие сугубо личный характер, чисто литературные произведения и простые наброски и проекты, относящиеся к периоду выработки документов, а также книги, запрещённые Церковью, или другие вредные книги, которые могут попасться среди моих.

б) Чтобы они собрали все мои речи, статьи, циркуляры, предисловия к книгам и т.д. не для публикации — если только они не сочтут её необходимой, а чтобы они стали для нас оправданием, когда начнутся споры об этом периоде испанской политики, в котором приняли участие мои товарищи и я.

в) Чтобы они срочно нашли замену для меня в управлении рядом профессиональных дел, которые были мне поручены, с помощью Гарсерана, Сарриона и Матильи, и получили гонорары, которые мне должны заплатить.

г) Чтобы они в самом спешном порядке, приложив максимум усилий, довели до сведения лиц и организаций, которые чувствуют себя оскорблёнными и о которых я говорю в предисловии к данному завещанию, содержащиеся в нём торжественные поправки.

Самая сердечная благодарность за то, что поручаю им отныне. И я заканчиваю тем, что оставляю завещание в Аликанте, в указанный день, восемнадцатого ноября тысяча девятьсот тридцать шестого года, в пять часов вечера, ещё на трёх листах, кроме этого; все они пронумерованы, датированы и подписаны на полях.

Фотография Хосе Антонио Примо де Риверы с автографом

Ортега Онесимо Редондо (1905-1936).
Глава Хунты Национал-синдикалистского наступления (ХОНС)

Предал Примо де Риверу
Антиклерикал левоуклонист

Рамиро Ледесма Рамос (1905-1936).
Соиздатель газеты «El Fascio» вместе с Хосе Антонио Примо де Риверой

Хосе Антонио Примо де Ривера на демонстрации фалангистов

EL FASCIO

HAZ HISPANO

AÑO 1 — NUM. 1

Apartado de Correos 546 — Madrid, 16 de marzo de 1933 — Oficinas: Av. Pi y Margall, 18

15 cts.

EL FASCIO

Propósitos claros y misión concreta

A la juventud española

1921 — 1931

Предатель, палач невинных людей

Первый номер испанской газеты «Фасцио» (1933)

Расист, ненавистник русских

C.A.U.R. NOTIZIARIO SETTIMANALE D'INFORMAZIONI DEI COMITATI D'AZIONE PER LA UNIVERSALITÀ DI ROMA

ROMA 54 VIA GREGORIANA TEL 681-364 681-393

DIR. RESP. GUIDO BARONI

NOTIZIARIO N. 21

Roma, 2 dicembre 1934 = XIII

UN TELEGRAMMA DEI FASCISTI SPAGNOLI AL DUCE – I Fascisti spagnoli hanno inviato al Duce il seguente telegramma:-

"Nel tredicesimo anniversario della Marcia su Roma, il Comitato spagnolo dei C.A.U.R. alza il braccio verso il Duce della nuova Roma universale.

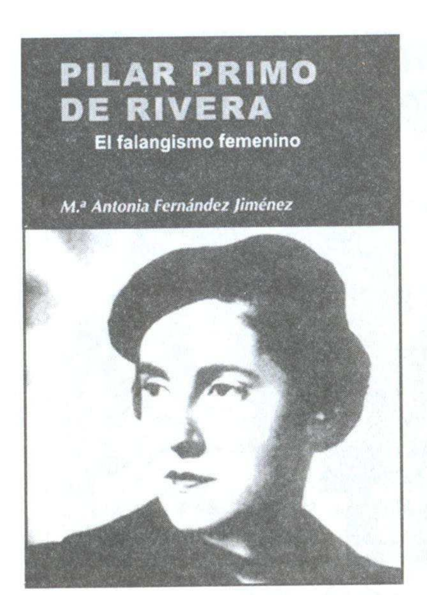
José Antonio Primo de Rivera

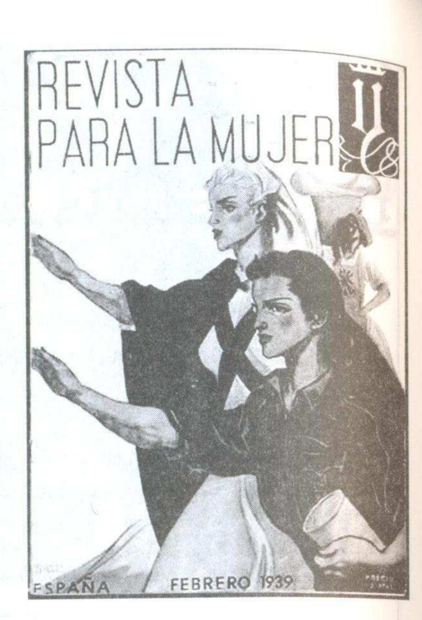
Ernesto Gimenez Caballero".-

Телеграмма Хосе Антонио Примо де Риверы к Бенито Муссолини от 2.12.1934 года

Политические бойцы Испанской Фаланги Х.О.Н.С.

Книга о Пилар Примо де Ривере, сестре Хосе Антонио, главе Женской секции фалангистов

Обложка женского журнала фалангистов «Revista para la mujer» (сверху) и фото активисток движения

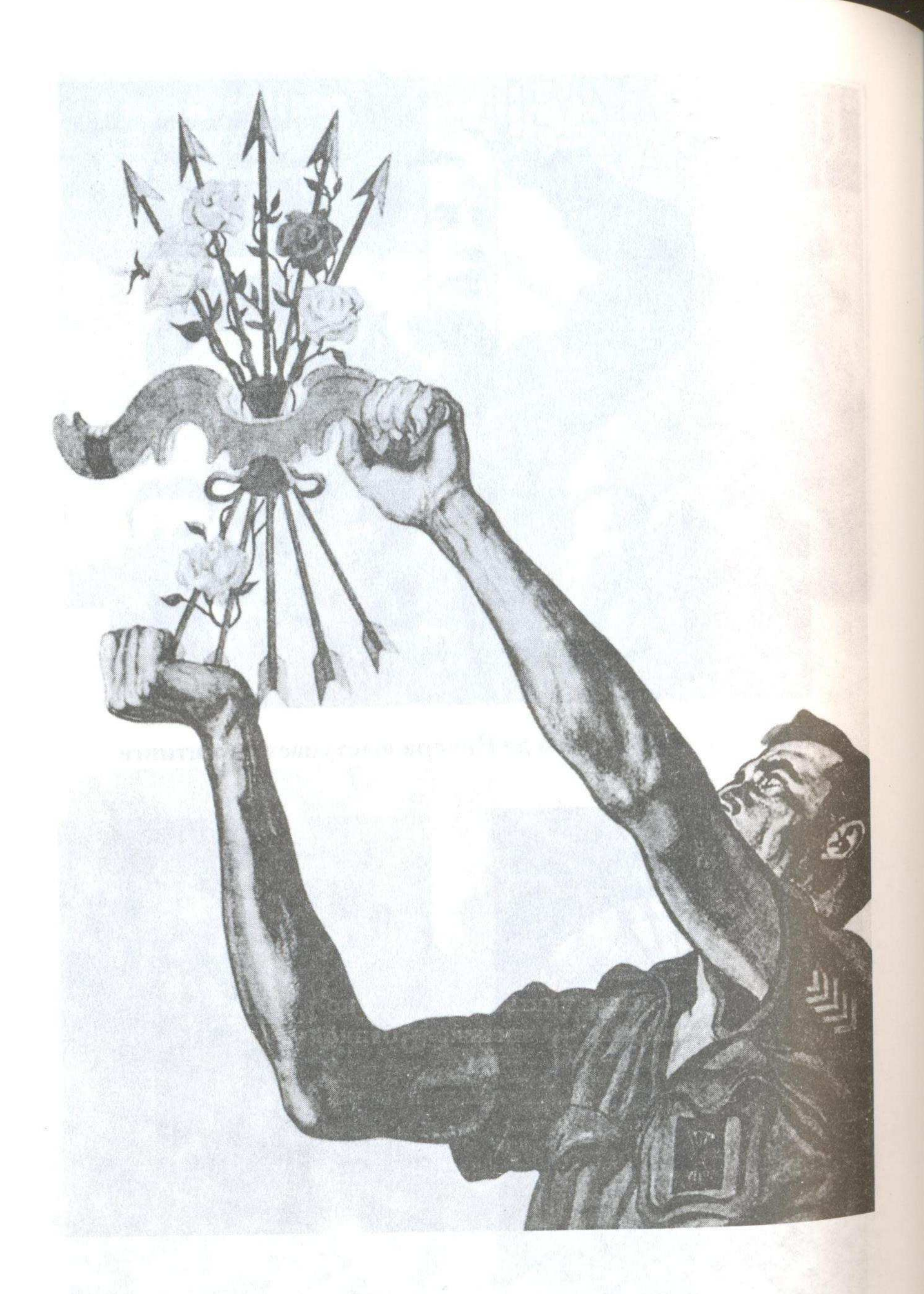

Хосе Антонио Примо де Ривера выступает на митинге

Публикация об Испанской Фаланге в России и книга Х.Л. Хереса Риеско о Х.А. Примо де Ривере

Плакат с изображением патриота,
держащего в руках эмблему Испанской Фаланги

Генералиссимус Франсиско Франко (1892-1975),
испанский диктатор с 1939 по 1975 год

Человек лично честный, герой гражданской вонйы,
однако исказил учение Хосе Антонио Примо де Риверы
в сторону отказа от антикапитализма и либерального уклона,
допустил к власти предателей технократов из опус худеи.
С 1961 по 1975 годы в Испании проводил либеральную политику.
Но несомненно он лучше чем предатель Хуан Карлос.

Франко Ф. Масонство. – М., 2008.
Шубин А. Анархо-синдикалисты в Испанской гражданской войне (1936 – 1939 гг.). – М., 1997.
Эпперсон Р. Невидимая рука. Взгляд на историю как на заговор. – Киев, 2003.
Эренбург И.Г. Испанские репортажи 1931-1939 гг. – М., 1986.
Яремчук А.П. Русские добровольцы в Испании 1936-1939. – Сан-Франциско, 1983.

Bajo la bandera de la España Republicana. Recuerdan los voluntarios soviéticos participantes en la guerra nacional-revolucionaria en España. – Moscú, 1967.
Caballero, Carlos. Los fascismos desconocidos. – Madrid, 1982.
Calvo Serer, Rafael. Teoría de la Restauración. – Madrid, 1955.
Cuadrado Costa. José. Ramon Ledesma Ramos et la question juive. – Editions du Javelot Waterloo. 1992.
Ferraro, Leo. El Último protocolo. Las claves secretas del dominio sionista mundial. – Madrid, 2007.
Franco, Francisco. Apuntes personales sobre la República y la guerra civil. – Madrid, 1987.
Franco, Francisco (Jakin Boor). Masonería. El libro secreto escrito por el anterior Jefe del Estado. – Barcelona, 2003.
Goebbels, Joseph. The Truth about Spain. – Nurnberg, 1937.
Guerra y Revolución en España (1936-1939). – Moscú., 1967-1971, t.1-3
Hillers de Luque, Sigfredo. Ética y estilo falangistas. – Madrid, 1974.
Jerez Riesco, José Luis. José Anonio, fascista. – Barcelona, 2003.
Jerez Riesco, José Luis. Elegidos para la Gloria. Palmas de plata de la Falange. – Barcelona, 2003.
Lanzasi, Roberto. Fascismo en España. – Madrid, 1935.
Linares Muños. A. Europa ayer, hoy, mañana. – Sevilla. 2007.
Maeztu, Ramiro. Obras. – Madrid, 1974.
Payne, Stanley G. Falange. Historia del fascismo español. – Madrid, 1985.
Primo de Rivera, José Anonio. Obras. – Madrid, 1971
Trotsky, Leo. The Spanish Revolution (1931 – 1939). – New York, 1973
Tulaev, Pável. Rusia y España se descubren una a otra. – Sevilla, 1992.

Анатолий Иванов

БЫЛ ЛИ ХОСЕ АНТОНИО ФАШИСТОМ?

Современный испанский автор, Хосе Луис Херес Риеско, прямо отвечает на этот вопрос уже самим названием своей книги, выпущенной к столетнему юбилею основателя «Испанской Фаланги», — «Хосе Антонио, фашист»[1]. И вся эта объемистая, пятисотстраничная книга — не биография Хосе Антонио Примо де Риверы, а подборка доказательств в защиту заявленного в её названии тезиса.

Но, прежде чем решить, правилен ли этот тезис или нет, необходимо уточнить, какой именно смысл вкладывается в слово «фашизм». Профессиональные антифашисты, конечно, завопят: Какие тут могут быть сомнения и разногласия? Все знают, что такое фашизм! Это война, это массовые убийства, это кровавая диктатура, это, это, это...» Но парадокс заключается в том, что за такими воплями сплошь и рядом стоят одни эмоции, у одних совершенно искренние, у других срабатывающие подобно условным рефлексам, как у собаки академика Павлова. Однако они не подкреплены действительным знанием предмета, о котором идёт речь, вследствие чего происходит подмена указанного предмета, причём подмена эта производится даже не умышленно, а просто в результате искажения исторической правды, точнее, неисторического подхода к проблеме.

На это обстоятельство указывал в своё время известный исследователь т.н. Консервативной Революции в Германии Армин Мёлер. Он писал: «В истории нашего времени вряд ли есть явление, контуры которого были бы столь расплывчатыми, как в случае с фашизмом. Можно сказать, что ни один предмет не соответствует этому слову, призванному его обозначать. Все употребляют слово «фашизм», но каждый делает это, чтобы обозначить что-то отличное от того, что имеет при этом в виду другой. Такие ярлыки

---

[1] José Luis Jerez Riesco. José Antonio, fascista. Ediciones Nueva República. Barcelona, 2003.

рых стремились провести самое чёткое разграничение между итальянским и германским фашизмом»[7]. Да и обоснованно ли, вообще, употребление словосочетания «германский фашизм»? В Германии, как отмечает А. Мёлер, термин «фашист» на протяжении всего периода существования III Рейха был одним из излюбленных предметов критики, которую ортодоксальные национал-социалисты обращали против уклонистов типа Отто Штрассера[8]: звучало это примерно как «троцкизм» у нас в те же годы. Ось Берлин-Рим, Антикоминтерновский пакт — это всё было уже потом, в конце 1936 — начале 1937 года, а до этого была вражда. Сразу же после прихода Гитлера к власти, 18 марта 1933 года Муссолини сказал французскому послу: «Франция должна... договориться с Англией и с Италией, чтобы держать Германию в узде»[9].

Дело чуть не дошло до войны между двумя «фашистскими» государствами. Яблоком раздора служила Австрия. Австрийский канцлер Дольфус ориентировался на итальянский фашизм. Местные национал-социалисты устроили путч в Вене 25 июля 1934 года и убили Дольфуса, но потерпели поражение. Германия не решилась тогда вмешаться, поскольку Муссолини демонстративно направил четыре итальянские дивизии на итало-австрийскую границу, угрожая перейти её даже в том случае, если один германский солдат вступит на территорию Австрии[10]. «Аншлюс» стал возможен лишь в 1938 году.

Происходила ли в Испании такая же, как и в Австрии, борьба между сторонниками проитальянской и прогерманской ориентации? Мигель Серрано думал, что да. И считал, что Фаланга Примо де Риверы склонилась к фашизму Муссолини, а Ледесма Рамос — к нацизму Гитлера[11]. Он опирался при этом на слова одного из руководителей Испанской республики, социалиста Индалесио Прието, который во время гражданской войны в Испании посетил Чили. Прието говорил, что Рамиро Ледесма Рамос был «тоже фашист» (как и Хосе Антонио), но «скорее нацист, чем фашист и католик», «скорее друг Гитлера, чем Муссолини».

---

[7] Ц. Кин. Цит. соч., с.65.
[8] А. Молер. Цит. соч. с.67.
[9] Ц.Кин. Цит. соч., 63.
[10] Н.М. Митрофанов. Австрия в 1918-1938 годах. М., ВПШ, 1951, с.19.
[11] Miguel Serrano. Memories de El y Yo. Volumen II. Ediciones La Nueva Edad, 1997, p.79.

Но был ли на самом деле Хосе Антонио «фашистом» и сторонником Муссолини? Х.Л. Херес Риеско упоминает в своей книге первую биографию Хосе Антонио, вышедшую в 1939 году, «Хосе Антонио, человек, вождь и товарищ», написанную Франсиско Браво. В ней была глава «Эволюция Хосе Антонио к фашизму»[12]. Эволюция, в самом деле, была, но скорее в обратном направлении, от фашизма, и осуществлялась она по мере того, как Хосе Антонио становился всё более самостоятельной фигурой. Ведь национальным вождём Фаланги он был провозглашён только 4 октября 1934 года, а после Учредительного съезда Фаланги 29 октября 1933 года её возглавили знаменитый летчик Руис де Альда (его сравнивали с Герингом в Германии и с Бальбо в Италии) и Гарсиа Вальдекасас, лидер уже существовавшей партии Испанский фронт, на базе которой и создавалась Фаланга. И после слияния Фаланги с ХОНС 12 февраля 1934 года первым номером в руководстве значился Ледесма Рамос, а не Хосе Антонио.

Х.Л. Херес Риеско, доказывая свой основной тезис, уделяет много внимания судьбе несостоявшегося еженедельника «Эль Фасио», органа явно профашистской направленности, единственный номер которого был сразу же конфискован 16 марта 1933 года. Инициатором этой затеи был Дельгадо Баррето, сподвижник генерала Примо де Риверы, а кем был тогда Хосе Антонио? Только сыном бывшего диктатора, помогавшим тем людям, которые когда-то поддерживали его отца. По этой же причине он и согласился принять участие в упомянутом еженедельнике.

Есть официальное заявление Фаланги от 19 декабря 1934 года «Фаланга — не фашистское движение». Оно было сделано в связи с неучастием представителей Фаланги в международном фашистском съезде, состоявшемся в Монтрё (Швейцария) 16-17 декабря 1934 года. Инициатором была итальянская организация под названием Комитеты действия за универсальность Рима (КАУР), а целью — создание международного объединения партий проитальянской ориентации. Немцы в этом деле, естественно, не участвовали, только что говорилось, какие отношения были тогда между Италией и Германией. Были представлены организации из Франции, Австрии, Бельгии, Голландии, Ирландии, Норвегии, Швеции, Румынии и Греции. Испанцев не было.

---

[12] J.L. Jerez Riesco. Op. cit., p.24.

Херес Риеско, автор упомянутой в начале монографии, считает дистанцирование Фаланги от КАУР «позицией скорее официальной, чем реальной» (назв. соч., с.339). Он ссылается при этом на то, что Хосе Антонио всё же принял полуофициально участие в собрании созданного вышеупомянутым съездом координационного комитета в том же Монтрё 11-12 сентября 1935 года, из его же книги мы узнаём, что Фаланга после ухода из неё маркиза Элиседы, её состоятельного покровителя, начала испытывать финансовые затруднения и с июня 1935 года стала получать помощь от Италии (там же, с. 419). Так что со стороны фалангистов было бы невежливым игнорировать итальянское приглашение.

Вместе с тем, нам известны слова самого Хосе Антонио: «Мы никогда не называли себя фашистами» (см. его статью «Шум и стиль», написанную в апреле 1936 года). Мы знаем, с каким возмущением он отвергал обвинения в «подражании». «Это ложь, будто мы — копия итальянского фашизма», — заявил он на объединительном съезде Фаланги и ХОНС 4 марта 1934 года.

Ну ладно, фашистами они себя не называли, а может быть, на самом деле были таковыми в душе? И на этот вопрос придётся ответить отрицательно, имея в качестве надёжной опоры официальные идейные установки Фаланги.

Конкурент Фаланги, лидер правой партии СЕДА Хиль Роблес, который как раз и был, по словам Хосе Антонио, имитатором фашизма, обвинял фалангистов в том, что они будто бы руководствуются «пантеистической концепцией обожествления государства» (см. Хосе Антонио, «О концепции государства», 19 декабря 1933). Если бы это было правдой, это значило бы, что Фаланга действительно стоит на фашистских позициях. Ведь «пантеистическое обожествление государства» — это упрёк в адрес самого Муссолини. Итальянский дуче писал: «Для фашиста всё в государстве, и ничто человеческое или духовное не существует и тем более не имеет ценности вне государства». «Вне государства нет индивида, нет и групп»[13].

И возьмём для сравнения Хосе Антонио. Для него главное — это личность (см. уже цитировавшуюся ранее речь «Испания и варварство»). Поэтому он ничуть не лицемерил, выступая против «государственного пантеизма» (см. статью «Государство, личность и свобода» от 28 марта 1935), и успокаивал сомневающихся: «Революция в экономике не приведёт к государственному пантеизму» (лекция «Мировая политика и экономика»). В то время как многие видели в итальянском «корпоративном государстве» чуть ли не панацею от всех социальных бед, Хосе Антонио раздражённо заявил на объединительном съезде Фаланги и ХОНС: «Какое нам дело до корпоративного государства?» и призвал относиться к этой идее с осторожностью. Нечто подобное уже существовало и в Испании, где государство выполняло роль третейского судьи в спорах между рабочими и предпринимателями, но это не было решением социальной проблемы. Решить её, по мнению фалангистов, могли *только революция и ликвидация капиталистической системы*.

Хосе Антонио — не «фашист», он идеолог Третьего пути. «Ни капитализма, ни коммунизма» — это был и его лозунг. Он также постоянно выступал против деления на левых и правых, начиная со своей речи на Учредительном съезде Фаланги. Его учитель, Ортега и Гассет, сравнивал людей, причисляющих себя к левым или правым, с жертвами одностороннего паралича (это сравнение любил повторять Жан Тириар), а Хосе Антонио использовал другой образ — «духовное косоглазие» (выступление на 2-м пленуме Национального совета 17 ноября 1935 года).

В «Письме испанскому военному», написанном в октябре 1934 года, Хосе Антонио упрекал «правых» в том, что они точно такие же материалисты, как и марксисты, что они заботятся только о своих материальных благах и привилегиях. Ради их защиты они взывают к сильному государству, но если считать сильное государство признаком «правизны», то, издевался Хосе Антонио, самое «правое» государство в Европе это Советский Союз (см. статью «Голоса женщин» от 14 февраля 1936).

Хосе Антонио, сын бывшего диктатора Испании Примо де Риверы, происходил из очень богатой аристократической семьи, но он страстно ненавидел социальную несправедливость. «Я не защитник существующего строя», — говорил он (речь «Романтизм, революция, насилие»), — потому что «нынешний строй несправедлив. Недовольство масс обоснованно. Массы голодают, а меньшинство купается в золоте» («Обращение к Испанской Фаланге» от 13 октября 1934). «Нельзя жертвовать большинством, когда меньшинство купается в роскоши» («Исходные принципы», 7 декабря 1933). «Мы не защитники привилегий», — заявил он уже от имени всего Движения на Учредительном съезде Фаланги. «Мы не реакционеры и не будем ради них таскать каштаны из огня», — повторил он на Объединительном

[13] Бенито Муссолини. Доктрина фашизма. Триасъ, 1995, с. 15.

съезде Фаланги и ХОНС. «Нас клеветнически изображают защитниками капиталистической системы — мы считаем её омерзительной», — говорилось в «Воззвании к Испании» от 26 апреля 1934 года. «Капитализм — самое ужасное явление нашей эпохи», — писал Хосе Антонио в конце 1935 года. И задачей Движения объявлялась ликвидация капиталистического строя (выступление на 2-м пленуме Национального совета).

Где и когда фашизм или национал-социализм ликвидировали капиталистический строй или хотя бы собирались это сделать? Хосе Антонио не был фашистом, он был социалистом, хотя и не в том смысле, какой мы привыкли вкладывать в это слово. Его социализм был искренним, а не вывеской, как у немецких нацистов.

«Рождение социализма было исторической справедливостью, законной реакцией против либерального рабства», — этот тезис Хосе Антонио выдвинул ещё на Учредительном съезде Фаланги. Он критиковал Маркса за то, что тот «обесчеловечил социализм» (см. статью «Новый свет в Испании», май 1934), однако соглашался с критикой, которой Маркс подверг капитализм (в лекции «Мировая политика и экономика»). Хосе Антонио, как благородный человек, призывал не злорадствовать над трупами павших врагов и даже над умершими идеологиями (см. лекцию «Мировая политика и экономика»), а у нас как только ни изгалялись эстрадные шуты и карикатуристы над Марксом и Лениным. Однако, грянул мировой экономический кризис, и все снова кинулись читать Маркса. Вот тебе и «умершая идеология»!

Короткий период политической деятельности Хосе Антонио тоже совпал с эпохой мирового кризиса, и он мог наблюдать тогда аналогичные явления. Например, «в эпоху кризиса капиталисты просят помощи у общества» (там же), того самого общества, которое они перед этим нещадно грабили. Поэтому Хосе Антонио был врагом капитализма как системы, но отнюдь не частной собственности, точно так же, как и Прудон, который называл «кражей» отнюдь не всякую собственность. Например, собственность наших нынешних «олигархов» это, несомненно, кража, тогда как собственность крестьянина на землю — его священное право. Он вообще считал неправильным зацикливаться на каком-нибудь «анти» и говорил о себе, что он не антимарксист и не антикоммунист (см. статью «Голоса женщин»). При всём своём крайне негативном отношении к тому, что происходило в Советском Союзе, он счёл нужным подчеркнуть, выступая на 2-м пленуме Национального совета, что и «русский режим не

является абсолютным злом», «и в русском режиме есть зародыши будущего, лучшего строя».

Если бы Маркс и Энгельс жили в XX веке, к какой категории отнесли бы они социализм Хосе Антонио? Несомненно, к категории «феодального социализма». Хосе Антонио сам «подставился», обронив как-то (в «Речи об испанской революции») фразу: «Феодальная собственность была лучше капиталистической». По их описанию, это «частью жалоба, частью пасквиль, частью отголосок прошлого, частью угроза будущего, по временам метко поражающий буржуазию горьким, остроумным и метким суждением, но всегда производящий комическое впечатление полной неспособностью понять ход новейшей истории».

«Аристократия потрясала нищенской сумой пролетариев как знаменем, чтобы собрать вокруг себя народ. Но, последовав за ней, он тотчас же замечал на её спине старые феодальные гербы и разбегался с громким и непочтительным смехом»[14].

Хосе Антонио, действительно, очень мешал «феодальный герб» на его спине, что при всём его сочувствии к бедствующим массам не позволило ему создать массовую партию, подобную тем, что возникли в Италии и Германии вокруг людей из народа. В примечаниях к процитированному изданию «Коммунистического манифеста» (с.171-172) представителем «феодального социализма» назван граф Монталамбер (1810-1870), который в период июльской монархии во Франции выступал в защиту рабочих и громил буржуазный строй за вмешательство государства в их личную жизнь. Марксу и Энгельсу было невдомёк, что не пройдёт и века, как Хосе Антонио предъявит точно такое же обвинение государству, созданному на основе их идей. Марксу и Энгельсу было невдомёк, что Хосе Антонио укажет на формирование в этом государстве нового привилегированного класса — чиновничьей бюрократии (в «Обращении к испанским рабочим» от 21 ноября 1935 года),появление которого предрекал еще Бакунин и о котором М. Джилас позже напишет целую книгу.

Хосе Антонио не был контрреволюционером, он приветствовал апрельскую революцию 1931 года и отнюдь не мечтал о возврате во времена монархии, хотя тогда диктатором был его папа. Наоборот, он требовал развивать революцию дальше, упрекал её в «неполноценности» (на Объединительном

[14] К. Маркс и Ф. Энгельс. Коммунистический манифест. М.-Л., Госиздат, 1930, с.69.

съезде Фаланги и ХОНС), в «незавершённости» (речь об испанской революции 19 мая 1935 года), словом, относился к ней примерно так же, как Ленин к Февральской революции 1917 года в России. В Испании 30-х годов «испанским Лениным» величали лидера социалистов Ларго Кабальеро, но тот на роль Ленина явно не тянул. А вот у Хосе Антонио задатки вождя были. Новую революцию, к которой он призывал, он называл «национал-синдикалистской» (Воззвание к Испании от 26 апреля 1934 года).

Термин «синдикализм» в наше время изрядно подзабыт. Коммунистическая пропаганда обычно употребляла его с уничижительной, по её мнению, приставкой «анархо-синдикализм». Забыли и о том, что возникло это течение как реакция на соглашательство социалистических партий II Интернационала. Главным идеологом синдикализма был Жорж Сорель (1847-1922), на труды которого опирался как на теоретическую основу своей деятельности и Муссолини. Сорель не дожил два месяца до похода на Рим, но ещё в 1912 году он писал: «Наш Муссолини не обычный социалист, поверьте мне: однажды вы увидите, как он, во главе священного батальона будет приветствовать поднятой шпагой знамя Италии». А в 1921 году он дал такую оценку Муссолини: «Это не социалист в буржуазном соусе... Он нашёл нечто, чего нет в моих книгах: сочетание национального с социальным»[15].

Такое же сочетание мы находим и в приведённом выше лозунге Испанской Фаланги — ХОНС. Оно содержалось в самой аббревиатуре ХОНС — Хунты национал-синдикалистского наступления. И сам Хосе Антонио говорил на объединительном съезде Фаланги и ХОНС о необходимости сочетания национальной идеи с идеей социальной справедливости.

Любопытно отметить некоторую идейную общность между Хосе Антонио и анархистами, с которыми, как уже говорилось, постоянно связывали синдикалистов. Хосе Антонио считал главными ячейками общества семью, муниципальные и профессиональные объединения. Испанские анархисты, последователи нашего Бакунина, который в Испании был более популярен, чем у нас, видели в государстве моральное зло и считали, что оно должно уступить место самоуправляющимся структурам — муниципальным, профессиональным и другим, которые будут добро-

[15] Lexikon des Konservatismus. Leopold Stacker Verlag. Graz-Stuttgart, 1996, S.513.

вольно заключать друг с другом соглашения[16]. Разница лишь в том, что у Хосе Антонио государство не подменялось этими структурами, а вырастало на их основе. Хосе Антонио сурово осуждал Ленина за заигрывание с анархистами (в лекции «Мировая политика и экономика»), хотя инстинктивно догадывался, что это действительно всего лишь заигрывание, демагогический ход, но своей собственной общности с анархизмом он как-то не замечал.

Ликвидацию капиталистического строя Хосе Антонио считал миссией Испании (см. выступление на 2-м пленуме Национального совета). Испанский мессианизм — настолько ярко выраженная черта идеологии Хосе Антонио, что просто удивительно, как её умудряются не замечать, продолжая твердить, что Хосе Антонио — всего лишь «фашист», подражатель Муссолини и т.п. Корреспонденты, которые бывали в кабинете Хосе Антонио, писали потом, что там висят два портрета: отца-диктатора и диктатора Муссолини, — можно было подумать, равновеликие. В действительности на снимке этого кабинета, помещенного в книге Хереса Риеско, мы видим огромный портрет отца Примо де Риверы, а под ним — маленькую по сравнению с ним фотографию Муссолини. Это символично: ведь именно такое место занимали в мыслях Хосе Антонио Испания и Италия. «Испания должна создать новый строй, который послужит образцом для всего мира», — говорил он в речи «Испания и варварство» 3 марта 1935 года. «Испания должна снова встать во главе Европы», — это из всё той же лекции «Мировая политика и экономика». «Миром должны управлять три-четыре расовых общности» и «одной из правительниц мира должна быть Испания». «Необходимо завоевать для Испании руководящую роль в духовной жизни мира», — призывал Хосе Антонио в речи, произнесённой в Толедо 25 февраля 1934 года.

Суть национальной идеи Хосе Антонио формулировал на свой особый лад. Через все его выступления и статьи красной нитью проходит определение нации как единства Судьбы, отличающей её ото всех прочих наций. Испания, в отличие от Италии и Германии, страна многонациональная, и Хосе Антонио противопоставлял идею единства Судьбы - сепаратизму, прежде всего, каталонскому и баскскому. Он всегда подчеркивал своё уважительное отношение к этим народам, не допускал враждебных выпа-

[16] Хью Томас. Гражданская война в Испании. 1931-1939 гг. М., Центрполиграф, 2003, с.44.

дов против них, в отличие, например, от генерала Мильяна Астрая, и других призывал воздерживаться от подобных выпадов. Он всеми силами старался внушить, например, баскам, что в составе испанской нации они стали исполнителями мировой миссии, а сами по себе они так и остались бы на первобытном уровне рыболовов и пахарей. Хосе Антонио не успел создать учение о том, что такое общность Судьбы, которое, может быть, пригодилось бы и сегодня. Каталонский и баскский сепаратизм до сих пор остаются проблемой и для демократической Испании.

Хосе Антонио очень опасался, как уже говорилось, романтического патриотизма, любви к «малой родине», говоря по-русски, «к родным берёзкам». Он верно улавливал, что этнический романтизм подпитывает опасный сепаратизм и стремился поднять патриотизм на более высокий уровень, призывал кастильцев не уподобляться местным сепаратистам. «Патриотизм должен опираться на разум, а не на эмоции», — такой тезис выдвинул Хосе Антонио в статье «Родина», датированной 11 января 1934 года. Более того: «Патриотизм не бывает плодотворным, если он не идёт по пути критики» («Речь об испанской революции»). Хосе Антонио не нравилась та Испания, в которой он жил. Он считал лживыми патриотические лозунги в условиях, когда «массы голодают, а меньшинство купается в золоте», как лживы они в точно таких же условиях современной России, где с ними носятся псевдопатриотические молодёжные организации, купленные на деньги олигархов.

Хосе Антонио был чужд расизм. Поэтому американских индейцев он называл «нашими братьями» (в речи, произнесённой в Касересе 4 февраля 1934 года). В интервью выходившей в Толедо католической газете «Эль Кастельяно» 27 декабря 1933 года он заявил: «Католическая, т.е. универсальная Испания никогда не сможет стать расистской»[17].

Тут надо заметить, что Хосе Антонио идеализировал испанскую «универсальность» и историю. Ему можно было бы напомнить диспут, сотрясавший Испанию в XV веке: считать крещеных евреев «своими» или нет? Тогда было решено, что нельзя, т.е. возобладал как раз расовый, а не религиозный подход.

С «братьями-индейцами» тоже не так всё просто. «Малоизвестная глава истории испанской колонизации: в Испании в XVI веке существовало идейное течение, которое догадывалось, каково опасности всеобщего смешения и оправдывало колониальную аннексию Америки только на основе естественного превосходства испанцев над аборигенами. Видным и общепризнанным представителем этого течения был кастильский церковник Хинес де Сепульведа; но его точке зрения противостояли тезисы других церковников, согласно которой с евангелизацией Америки церковь компенсировала потери душ в Европе в результате протестантской Реформации. Миссионеры, которые работали среди туземцев, получали инструкции стараться свести к минимуму смешение *индейцев с «неграми и другими низшими расами»*[18].

[17] J.L. Jerez Riesco. Op. cit., p.98.

«Мы не националисты», — даже такое заявление прозвучало из уст Хосе Антонио, когда он выступал на 2-м пленуме Национального совета. Он пояснил, что национализм это тот же индивидуализм, только поднятый на уровень нации. На испанскую нацию, при всей его любви к ней и вере в её мировую миссию, он смотрел всё же, как на некое «малое я» и одновременно подчёркивал: «Наше конечное Я — европейская культура» («Об испанской внешней политике», 2 октября 1935 года). Употреблял он также выражение «западная христианская цивилизация» (см. статью «Фаланга накануне выборов 1936 года»).

Современную ему Россию он из этой цивилизации исключал, утверждая, что в Советском Союзе «довлеет русский, азиатский дух» (см. статью «Молодёжь без крова», 7 ноября 1935 года). Винил он в этом «азиатскую составляющую русского коммунизма» (в лекции «Мировая политика и экономика»), а вовсе не считал азиатами русских как таковых. По его мнению, традиционная Россия была частью европейской цивилизации, но перестала ею быть в результате революции (Письмо испанским военным от 4 мая 1936 года).

Надо признать, что представления Хосе Антонио о жизни в Советском Союзе порою были довольно дикими. Так, например, он почему-то думал, что в нём «уничтожается семья». Поэтому его передергивало, когда в 1936 году он слышал крики ликующей толпы: «Да здравствует Россия!» Но ведь он слышал их и раньше, и не от каких-нибудь коммунистов, а от своих будущих союзников. ХОНС, когда эта организация ещё была самостоятельной и её возглавляли Ледесма Рамос и Онесимо Редондо, тоже провозглашала здравицы не только в честь новых режимов в Италии и в Германии, но и в честь Советской России. Они

[18] Silvio Waldner. Stati Uniti. Iberoamerica. Sud Africa. Vicenza, 2001, p.38.

лучше, чем Хосе Антонио, понимали процессы, происходившие тогда в нашей стране.

Одновременно с Советским Союзом Хосе Антонио отлучал от европейской цивилизации и Англию. Показательна в этом отношении его речь об испанской внешней политике, произнесённая в Кортесах 2 октября 1935 года. Дискуссия разгорелась в связи с агрессией Италии против Эфиопии, которую тогда называли Абиссинией. Лига Наций потребовала санкций против Италии. Хосе Антонио выступил в защиту Италии. Он разоблачил лицемерие держав, которые сами захватили огромные колонии, а тут вдруг бросились осуждать колониальные захваты. Хосе Антонио заявил, что обсуждение в Женеве (где заседала Лига Наций) инспирировано Англией, потому что в усилении позиций Италии на Африканском роге она почувствовала угрозу морским путям, соединявшим её с Индией (хотя, как мы помним, Италия тогда не враждовала с Англией, а наоборот, предлагала ей союз против Германии). Хосе Антонио квалифицировал это как войну Англии против Европы и подчеркнул, что Англия не является частью Европы, это внеевропейская держава. И в данной ситуации она заключила союз с другой «антиевропейской» силой — Советским Союзом.

Конфигурация блоков, которым предстояло сцепиться во Второй мировой войне, ещё не вполне определилась, она продолжала меняться даже после её начала. В 1939-1941 годах, Англия сама столкала Италию, свою союзницу по Антанте в Первую мировую войну, в объятия Германии.

Эти объятия стали ещё более крепкими и удушающими для Италии после вмешательства обеих стран в гражданскую войну в Испании. Италия увязла в этой войне гораздо сильней, чем Германия, и в результате очень ослабла к радости своего союзника. В Испании воевала 60-тысячная группировка итальянских войск, в то время как немцы ограничивали свою помощь испанским националистам авиационной поддержкой. Немцы до сих пор любят жаловаться на безжалостные бомбёжки союзниками немецких городов во Вторую мировую войну, но они забыли, как их легион «Кондор» в 1936 году изучал реакцию гражданского населения на тщательно спланированные попытки поджечь Мадрид, квартал за кварталом[19]. Англичане могли мстить немцам за бомбёжки английских городов, а чем провинились перед немцами испанцы?

[19] Х.Томас. Цит. соч., с.303.

Хосе Антонио, находясь в тюрьме, приветствовал мятеж против республиканского правительства. Но он ни в коем случае не собирался играть роль «шестёрки» при генералах. В письме, направленном из тюрьмы всем руководителям местных организаций Фаланги 24 июня 1936 года, он пророчески предупредил их, что «участие Фаланги в военных заговорах приведёт к ее полному исчезновению даже в случае победы».

Франко организовал настоящий культ погибшего Хосе Антонио, но живой Хосе Антонио был бы для него неудобен. Мигель Серрано считал, что Франко несёт часть ответственности за расстрел Хосе Антонио[20]. Он сам слышал, как социалист Индалесио Прието во время пребывания в Чили, рассказывал о Хосе Антонио: «Мы не хотели его казнить, когда посадили в тюрьму, и предложили Франко обмен пленными, но он отказался»[21].

Кстати, Прието упомянул в том же разговоре, что у Хосе Антонио был найден список правительства, которое он намеревался сформировать в случае победы, и в этом списке Прието с удивлением обнаружил своё имя. Хорош «фашист», который хотел включить вождя социалистов в своё правительство!

Нет, не был Хосе Антонио никаким фашистом, он был, как уже говорилось, идеологом Третьего пути и мечтал построить в Испании социализм, альтернативный советскому, социализм свободных людей, а не муравейник.

Фашизм и нацизм возникли в определённых исторических условиях и канули в вечность вместе с ними. Те, кто говорит сегодня об угрозе «неофашизма» — провокаторы. Известно, что сионисты даже специально создают «неофашистские» организации, чтобы иметь повод вопить об этой угрозе.

Иное дело — идеи Хосе Антонио. Ранее уже говорилось о том, что Бакунин, антипод Маркса в толковании того, что такое социализм, был более популярен в Испании, чем в России, и его популярность достигла там пика спустя сто лет после рождения Бакунина. Теперь минуло сто лет после рождения Хосе Антонио: не пора ли нам произвести встречный обмен? Хорошо бы, если у нас, вместо коммунистического лозунга «Ленин жив», прозвучал девиз памяти идеолога Третьего Пути — ¡José Antonio presente!

28 июня — 3 июля 2009

[20] М. Серрано. Цит. соч., с.86.
[21] Там же, с.72.